

№ 5

2007

КАЗАХСТАНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издаётся с 1991 года.

Выходит ежемесячно.

Главный редактор В. Р. ГУНДАРЕВ

Редакционный совет:

Р. К. БЕГЕМБЕТОВА (зам. главного редактора), **Ю. В. ГРУНИН** (г. Жезказган), **Э. Г. ДЖИЛКИБАЕВ** (г. Алматы), **Н. Н. ЖОРОВ** (г. Уральск), **В. Г. КОЧЕНОВ** (г. Астана), **Г. К. КУДАЙБЕРГЕНОВ** (г. Астана), **И. М. ЛАМОНОВ** (г. Астана), **В. Ф. МИХАЙЛОВ** (г. Алматы), **Ю. Д. ПОМИНОВ** (г. Павлодар), **А. У. САНДЫБАЙ** (первый зам. главного редактора), **И. Б. ТЕТЕРИНА** (г. Астана), **А. М. ШВЫДКО** (г. Алматы), **В. Г. ШЕСТЕРИКОВ** (г. Петропавловск).

В номере:

Наш общий дом

Новый Казахстан в новом мире.

Послание Президента Республики Казахстан

Нурсултана Назарбаева народу Казахстана..... 3

А. Булекпаев. *Воспоминанья о былом. 102*

Поэзия

В. Горбенко-Суслова. «Отечество — от Бога,

отчество — от отца...». *Стихи 37*

С. Петренко. «В жизни всё происходит случайно...». *Стихи 98*

Новое имя

И. Сараев. «Над нами ангел пролетел...». *Стихи* 131

Проза

М. Розен. Элемент неожиданности. *Повесть* 44

В. Манин. Из цикла «Туристические рассказы»
(Дракон Тянь-шаньских гор, «Гарем,
или «Белое солнце пустыни») 134

Культура. Общество. Личность

А. Устинов. Казахи и русские: эпоха Кунаева (*окончание*) 142

Документальная проза

А. Пройдаков. Целинное братство 163

Наследие

Ю. Поминов. Виктор, брат Павла 167

Поэтический венок

В. Васильев. «Мне ломали руки на допросах...». *Стихи* 180

Далёкое — близкое

Год Казахстана на Украине

Л. Владимирова. «Солнечное сплетение» русской культуры. .. 185

Искусство

А. Ниязов. И жизнь, и легенда 196

Краеведение

Б. Щербаков. Маркакольский заповедник 199

Изоальбом «Нивы»: из работ Айнабека Оспанова. На первой странице обложки — «Періштелер биі», на четвёртой — «Степная пирамида» (Портрет невесты).

К сведению читателей

11 апреля 2007 года на торжественной церемонии, проходившей в Алматы в национальном академическом театре оперы и балета имени Абая, редакции журнала «Нива» вручена высшая общенациональная журналистская премия «Алтын жулдыз» («Золотая звезда») в номинации «Лучший журнал», присуждённая Академией журналистики Казахстана.

Новый Казахстан в новом мире

ПОСЛАНИЕ Президента Республики Казахстан Нурсултана НАЗАРБАЕВА народу Казахстана

Астана, 28 февраля 2007 г.

Часть I

I. 10-летие Стратегии “Казахстан-2030”. — Создав прочный фундамент экономики и своей государственности, Казахстан уверенно входит в новый этап развития

***Дорогие казахстанцы!
Уважаемые депутаты и члены Правительства!
Дамы и господа!***

Новый Казахстан, который мы вместе с вами последовательно создаем с первого дня обретения независимости, всё увереннее движется вперёд, выбирая свой собственный путь развития и добиваясь с каждым годом всё большего признания и авторитета в мировом сообществе.

Сегодня, обеспечив прочный фундамент экономики и своей государственности, мы уверенно вступаем в принципиально новый этап. Это позволит поставить дальнейшее развитие Казахстана на устойчивую, современную и перспективную экономическую, социальную, политическую и административную основу.

В 1997 году вы поддержали предложенную мной Стратегию развития Казахстана до 2030 года, в которой было представлено видение перспектив нашего общества и миссии нашего государства.

Это был великий выбор ещё не очень окрепшего, молодого независимого государства. Знаю, что тогда было немало сомнений по поводу этой Стратегии.

В то время, вы помните, наш багаж состоял в основном из тяжелейших социально-экономических проблем и лишь небольшого первого опыта суверенного развития и либеральных реформ.

Тогда, 10 лет назад, мы не ошиблись в своём выборе.

Именно с этого времени Казахстан начал последовательно продвигаться вперёд, осваивая одну за другой теоремы рыночной экономики и аксиомы демократического развития.

Мы сформировали фундамент совершенно новой экономической системы, демократического правового государства, укрепили современные общественные институты, существенно изменили качество и стандарты жизни.

Мы добились внутренней стабильности, обеспечили надёжность социальной базы развития, создали лучшую в регионе экономику. Казахстан утвердился как полноправный и ответственный член международного сообщества, выполняющий важные функции по обеспечению геополитической стабильности и международной безопасности в регионе.

Мы перестали быть государством третьего мира. Это — главный итог нашей работы за прошедшие 10 лет.

Теперь хочу наметить нашу дальнейшую работу в следующем десятилетии.

II. Рост качества жизни казахстанцев

Наша задача удвоения ВВП по отношению к 2000 году вполне достижима уже в следующем году. Это — не самоцель и не просто убедительный показатель экономического роста, это — наши реальные возможности сделать жизнь казахстанцев благополучнее.

В прошлые годы, вы знаете, мы смогли решить много важнейших социальных задач, которые, несомненно, улучшили качество жизни.

Мы увеличили стипендии учащимся, предоставили им образовательные гранты и кредиты. Последовательно поднимаем зарплату работникам бюджетной сферы и государственным служащим. Выплачиваем малообеспеченным семьям ежемесячные пособия на детей до 18 лет, а также специальные государственные пособия многодетным матерям. Решаются вопросы бесплатного лекарственного обеспечения определённых категорий детей и подростков.

Ежегодно индексируются и повышаются размеры пенсионных пособий. Было осуществлено дифференцированное увеличение пенсионных выплат в зависимости от прежнего трудового стажа, которое коснулось более миллиона человек. Выросли также пенсии у ветеранов силовых

структур. Все пенсионные и социальные выплаты в стране выплачиваются своевременно — месяц в месяц.

Как и было обещано, стабильное развитие экономики позволяет нам продолжить улучшение благосостояния казахстанцев. Это — социальные итоги нашей политики.

Я поручаю сегодня Правительству продолжить работу по улучшению благосостояния нашего народа.

Для этого:

Во-первых, придавая исключительное значение социальной защите материнства и детства, с 1 января 2008 года повысить размер единовременного государственного пособия в связи с рождением ребёнка до 34 740 тенге, или в 2 раза.

Увеличить ежемесячные пособия по уходу за ребёнком до достижения им одного года:

при рождении первого ребёнка — до 5 790 тенге, или на 177 %;

при рождении второго ребёнка — до 6 369 тенге, или на 167 %;

при рождении третьего ребёнка — до 6 948 тенге, или на 159 %;

при рождении четвёртого ребёнка и более — до 7 527 тенге, или на 153 %.

Дополнительная потребность средств на поддержку семей, имеющих детей, составит 9,5 миллиарда тенге.

Принятые ранее меры позволили добиться устойчивого роста населения нашей страны. Так, если в 2000 году родилось 220 тысяч детей, то в 2006 году — 290 тысяч. Только за 2005 год естественный рост населения за счёт рождаемости составил 121 тысячу человек.

Уверен, что введение данных мер приведёт к ещё большим позитивным демографическим изменениям.

Во-вторых, ввести обязательное социальное страхование беременности, родов и материнства для работающих женщин. При этом их пенсионные накопления должны продолжаться в период нахождения в декретном отпуске и отпуске по уходу за ребёнком до одного года.

Выплату этих пособий осуществлять из средств Государственного фонда социального страхования, сформированного за счёт перераспределения социального налога. На это потребуется дополнительно выделить из государственного бюджета 9,2 миллиарда тенге.

В-третьих, увеличить размер базовой пенсии и в ближайшие годы обеспечить его сохранение на уровне 40 % от прожиточного минимума. Таким образом, мы впервые обеспечиваем соответствие пенсионного обеспечения Казахстана международным стандартам.

Это коснётся более 1 миллиона 675 тысяч получателей базовой пенсии, и её размер в 2008 году повысится примерно на одну тысячу тенге, или более чем на 35 %. Минимальные пенсионные выплаты (базовая плюс минимальная солидарная пенсия) в 2008 году повысится примерно на 1 500 тенге, или на 15 %.

В-четвёртых, для установления справедливости при назначении размеров пенсий от прежнего трудового вклада изменить предусмотренное пенсионным законодательством ограничение дохода, учитываемого для исчисления пенсий, подняв его с 15-кратного до 25-кратного месячного расчётного показателя.

Около полумиллиона пенсионеров (483 тысячи человек), чьи пенсии прежде были занижены за счёт законодательного ограничения доходов,

принятых к исчислению пенсий, получают значительную прибавку к пенсии.

Средний размер солидарной пенсии повысится до 13 604 тенге, или почти на 25 %. Максимальные размеры солидарных пенсий увеличатся до 21 713 тенге в 2008 году, или на 76 %.

В-пятых, для стабилизации покупательной способности пенсионных выплат сохранить индексацию пенсионных выплат и осуществлять её с опережением прогнозируемого роста индекса потребительских цен на два процента.

Общая потребность средств на проведение данных мероприятий составит 55,3 миллиарда тенге.

В-шестых, зарплата в бюджетной сфере с 1 января 2007 года повышена на 30 %. Необходимо продолжить работу по дальнейшему совершенствованию системы оплаты труда работников бюджетной сферы.

В-седьмых, для повышения их статуса, привлечения и укрепления кадрового потенциала в таких сферах, как образование, социальное обеспечение, здравоохранение, культура и спорт, считаю необходимым начиная с 1 января 2008 года ввести выплату пособия на оздоровление при уходе в трудовой отпуск в размере одного должностного оклада.

Только в 2008 году это будет стоить бюджету 30,6 миллиарда тенге.

В-восьмых, в прежние годы неоднократно поднимался вопрос о социальном обеспечении лиц, которые на 1 января 1998 года выработали свой стаж во вредных и тяжёлых условиях труда.

На встречах рабочие предприятий ставили передо мной этот вопрос. Я понимаю их. Сам прошёл через это. Ранее мы решили вопрос по Списку № 1. Теперь надо решить по Списку № 2. Таких казахстанцев у нас порядка 28 тысяч. Полагаю, что сейчас у нас есть реальная возможность вернуться к решению этой проблемы.

Мы можем для данной категории ввести спецпособия в размере 8 месячных расчётных показателей. На это ежегодно потребуется более 3 миллиардов тенге. Необходимо изыскать эти средства и с 1 января 2008 года обеспечить выплату спецпособий по Списку № 2.

Таким образом, общая потребность средств на увеличение всех перечисленных мной социальных выплат в 2008 году составит порядка 108 миллиардов тенге.

Сегодня у государства появилась возможность выделить такие большие средства на улучшение социального обеспечения казахстанцев. И мы эту возможность реализуем.

В-девятых, поручаю в течение трёх лет построить 100 школ и 100 больниц именно в тех регионах страны, которые особо нуждаются в этих объектах. Развитие социальной инфраструктуры мы должны возвести в ранг стратегической задачи. Полагаю, что мы подошли к необходимости формировать механизм социально-инфраструктурного развития с помощью государственно-частного партнёрства.

III. Новый этап казахстанского развития — Ускорение всесторонней модернизации

Последовательное выполнение Стратегии “Казахстан-2030” обеспечит надёжную основу для нашего дальнейшего прогресса. У нас есть все основания продвигаться вперёд ещё успешнее, и мы не упустим свой исторический шанс.

Для этого был избран путь всесторонней ускоренной модернизации Казахстана.

Это — единственно правильный вектор нашего дальнейшего развития.

Мы обязаны выйти и надёжно закрепиться на внешних рынках, чтобы обеспечить достойное место Казахстана и казахстанцев в современном мире, рост благосостояния, существенное повышение уровня жизни всего населения страны.

На этом пути нам предстоит, учитывая казахстанские и региональные реалии и воплощая достижения передовых государств мира:

во-первых, форсировать темпы модернизации тех секторов, где у нас уже есть определённые успехи;

во-вторых, распространить модернизацию на все без исключения сферы экономики и социальной жизни Казахстана.

IV. Конкурентоспособность — ключ к успешной интеграции Казахстана в мировую экономику и сообщество

Поэтому ещё в прошлом году мы сформулировали и начали работу над нашим общеказахстанским проектом. Это — ускоренное продвижение в сообщество пятидесяти наиболее конкурентоспособных стран мира и укрепление позиций Казахстана в качестве его постоянного члена.

И необходимое условие для этого — выход казахстанских товаров и услуг на качественный уровень передовых международных стандартов.

Но этого недостаточно. Нам предстоит прагматично и взвешенно определять и использовать наши реальные и перспективные конкурентные преимущества на всех уровнях экономики — как сегодняшние, так и потенциально возможные.

Системность — вот главная формула нашего ускоренного продвижения вперёд в современном мире в ближайшее десятилетие.

Для этого у нас есть все предпосылки.

Нам даны: огромная территория; выгодное географическое и коммуникационно-транспортное расположение; наличие значительных природных ресурсов.

Мы достигли: лидирующих позиций в региональной экономике; конструктивных отношений с международными партнёрами; политической и социально-экономической стабильности.

V. Основные задачи Нового этапа

Чтобы Казахстан стал действительно неотъемлемой и динамичной частью мировых рынков товаров, услуг, трудовых ресурсов, капитала, современных идей и технологий, мы должны решить десять главных задач.

Первая задача — не просто обеспечить и поддерживать устойчивое развитие экономики, а управлять её ростом.

Нам потребуется выработка и реализация целостной стратегии для обеспечения устойчивого характера конкурентоспособности экономики, а также жёсткий контроль её исполнения.

Эта стратегия должна исходить из конкретных конкурентных преимуществ отдельных секторов и производств нашей экономики и учитывать тенденции мирового развития и конъюнктуры внешних рынков.

Нам надо уже не просто использовать “накопленный” экономический рост, а научиться реально управлять этим ростом, трансформируя его в экономическое развитие на качественно новом уровне.

Мы должны обеспечить принципиально новый подход к индустриализации Казахстана, которая отвечала бы требованиям и условиям международных рынков.

Нам необходимо сократить сферы естественных монополий за счёт реструктуризации крупнейших монополистов и развития конкурентных отношений.

В секторах экономики, где сохранятся естественные монополии, нам предстоит серьёзная работа по тарифному и техническому регулированию с помощью отраслевых регуляторов.

Мы обязаны выйти на новый уровень устойчивости и конкурентоспособности финансовой системы в условиях либерализации.

Нам нужно создать эффективно работающий фондовый рынок. Его развитие невозможно без привлечения населения к активному инвестированию своих сбережений в ценные бумаги.

Правительству нужно провести широкомасштабную работу по соответствующему обучению населения азам инвестиционной грамотности.

Вступление в ВТО на выгодных для Казахстана условиях — это цель, которую мы обязаны достичь.

Нам необходимо скорейшее и широкое внедрение международных технических стандартов.

Это — моё главное поручение Правительству. Это — его прямая обязанность и ответственность перед обществом.

Вторая задача — достичь качественно новых успехов в региональной экономике и обеспечить полноправное участие в глобальной экономике.

Мы можем превратить Казахстан в “региональный локомотив” экономического развития и сделать его успешным “игроком” мировой экономики.

Нам нужно иметь программу-минимум и программу-максимум по поиску и освоению реальных казахстанских “ниш” в системе мирового хозяйства, участию в крупных передовых проектах с зарубежными партнёрами, а также — всесторонней и ответственной поддержки участников нашей экономики, в том числе через оказание им качественных инфраструктурных услуг.

При этом основное внимание надо сосредоточить на рынках России, Китая, Центральной Азии, Каспийского и Черноморского регионов.

Экономическая интеграция в рамках СНГ, ЕврАзЭС, ШОС остаётся главным ориентиром в торговле. Мы предлагаем выйти на создание Евразийского экономического союза государств, сделать его выгодным для вступления других наших соседей.

Сейчас как никогда актуален вопрос консолидации усилий частного бизнеса и государства для создания и завоевания новых “ниш” на мировых рынках нашими товарами, услугами и, надеюсь, передовыми идеями.

Нам нужно чётко определить роль и место госхолдингов в формировании конкурентоспособной экономики.

Ответственность за решение этой задачи возлагаю на Правительство при непосредственном участии самих госхолдингов.

Третья задача — повысить эффективность добывающего сектора.

Мы намерены и далее проводить ответственную и взаимовыгодную энергетическую политику.

Дальнейшее развитие углеводородного сектора, привлечение иностранных и местных инвесторов нужно напрямую увязывать с диверсификацией экономики и через эту призму решать важнейшие задачи по созданию новых перспективных производств.

Мы должны настаивать, чтобы наши иностранные партнёры, работающие на освоении богатейших недр Казахстана, реально повернулись к нуждам страны и приняли решительное участие, разумеется, на рыночной основе, в диверсификации нашей экономики.

Правительству поручаю провести соответствующую работу.

Компании, идущие нам навстречу в этом вопросе, будут пользоваться нашей поддержкой. Прежде всего мы исходим из национальных приоритетов Казахстана.

При этом обеспечиваем стабильность, предсказуемость и долгосрочность интересов наших соседей и международных партнёров, которым Казахстан поставляет энергоресурсы.

Пришло время разработать целостную стратегию дальнейшего укрепления позиций Казахстана в региональном, а затем и в мировом энергетическом пространстве.

Главный вопрос развития нашей энергетики и нефтехимии — повышение прибыльности этих секторов через увеличение добавленной стоимости энергопродуктов. Особенно эффективным должно быть управление приоритетными секторами — нефтехимией, газовыми ресурсами, экспортными энергокоридорами. И это — требования ко всем участникам рынка, но прежде всего к Министерству энергетики и минеральных ресурсов и госхолдингу “Самрук”.

Четвёртая задача — особенно важно обеспечить развитие несырьевого сектора производства, диверсификацию экономики.

У Правительства должна быть своя генеральная стратегия реализации “прорывных” инвестиционных проектов в приоритетных несырьевых секторах экономики.

Настала пора с учётом новых экономических условий и приоритетов оценить эффективность реализации Стратегии индустриально-инновационного развития. Необходимо также сформулировать требования и рекомендации по формированию планов индустриальной диверсификации. От пилотного финансирования отдельных проектов пора переходить к масштабному финансированию диверсификации.

Это — ответственность Правительства, акимов, госхолдингов при активном участии малого и среднего бизнеса.

Пятая задача — развивать современную инфраструктуру в соответствии с нашей новой ролью в региональной и глобальной экономике.

Мы должны отчётливо представлять перспективы развития стратегической инфраструктуры и существенно повысить качество управления в этой сфере, учитывая, в первую очередь, конкурентность наших отечественных компаний-потребителей инфраструктурных услуг, а также интересы нашей международной экономической интеграции.

Нам необходимо определить региональные центры экономического роста и конкурентоспособности, подчинив их развитие интересам экономики страны в целом.

Нашей растущей экономике требуются принципиально новые подходы к развитию и управлению электроэнергетическими ресурсами и созданию основ атомной энергетики в Казахстане.

Это — ответственность акимов регионов, министерств индустрии и торговли, транспорта и коммуникаций, образования и науки, здравоохранения, энергетики и минеральных ресурсов, а также госхолдингов.

Шестая задача — современное образование и профессиональная переподготовка, формирование основ “умной экономики”, использование новых технологий, идей и подходов, развитие инновационной экономики.

Главным критерием успеха образовательной реформы является достижение такого уровня, когда любой гражданин нашей страны, получив соответствующее образование и квалификацию, сможет стать востребованным специалистом в любой стране мира.

Мы должны добиться предоставления качественных услуг образования по всей стране на уровне мировых стандартов.

Нам необходимо создать действенную систему аккредитации и аттестации учебных заведений на уровне международных стандартов.

Приоритетное развитие точных и инженерных наук в сфере высшего образования — это обязательное условие нового этапа развития.

Мы будем проводить единую государственную стратегию, направленную на внедрение высоких технологий и поддержку инноваций.

Практически все успешные современные государства, активно интегрированные в систему мирохозяйственных связей, сделали ставку на “умную экономику”. А для её создания следует прежде всего развивать свой собственный человеческий капитал.

И это — уже ответственность всех участников нашего общего казахстанского проекта, но прежде всего Министерства образования и науки и Министерства индустрии и торговли.

Седьмая задача — адресная социальная поддержка и развитие социальной сферы на рыночных принципах.

Мы будем продолжать нашу политику адресной поддержки тех, кто действительно нуждается в защите, но решать именно на рыночных принципах:

вопросы приобретения доступного жилья и развития рынка недвижимости. За два года реализации госпрограммы развития жилищного строительства введено свыше 11 миллионов квадратных метров жилья. В 2007 году будет введено 7 миллионов квадратных метров. За три года 160 тысяч семей и более полумиллиона казахстанцев станут новосёлами. Программа выполняется с опережением на 30 процентов;

улучшения качества медицинских услуг и развития высокотехнологичной системы здравоохранения;

совершенствования накопительной пенсионной системы и создания рабочих мест.

За это ответственно государство и прежде всего Министерство труда и социальной защиты населения и Министерство здравоохранения.

Кроме того, поручаю Правительству совместно с акиматом Астаны проработать вопрос и начать ускоренное строительство жилья в столице нашей страны для работников бюджетной сферы через систему жилищно-строительных сбережений.

Это необходимо для обеспечения квалифицированными кадрами создаваемых в столице мощных медицинских и образовательных кластеров.

Восьмая задача — модернизация политической системы в соответствии с логикой нового этапа нашего развития.

В 2007 году мы приступаем к реализации дальнейших системных демократических реформ.

Госкомиссия по разработке и конкретизации программы демократических реформ, обобщив рекомендации политических партий, общественных объединений, экспертов, мнения граждан страны, подготовила конкретные предложения по дальнейшим политическим преобразованиям в государстве.

Важно, что эти предложения не являются копированием чужого опыта или абстрактных теорий. Они учитывают потребности нашего общества, казахстанские реалии. У нас формируется своя модель политических реформ, свой “казахстанский путь” политического транзита.

Его особенности и характерные черты — сохранение президентской формы правления, поэтапность реформ, сбалансированность принимаемых решений, общенациональный диалог и консолидация основных политических сил.

Чтобы обеспечить правовое оформление предложений, группа юристов уже приступила к работе и готовит предложения как по внесению изменений в Конституцию страны, так и отдельных законов.

В целом в предстоящий период демократические реформы будут идти по следующим направлениям.

Во-первых, это расширение полномочий Парламента.

Будут усилены полномочия Парламента в формировании Конституционного совета, Центральной избирательной комиссии, Счётного комитета и в целом в вопросах утверждения и контроля за исполнением бюджета. Будет усилена роль Парламента в вопросах формирования Правительства.

Во-вторых, будут приняты меры, направленные на повышение роли политических партий. Предлагается расширение полномочий партийных фракций, финансирование политических партий из республиканского бюджета.

Мы рассматриваем вопрос о расширении партийного списка при выборах в Мажилис.

В-третьих, одним из важнейших направлений реформ станет совершенствование судебно-правовой системы. С этого года мы вводим суды присяжных. Принято принципиальное решение о передаче санкционирования ареста суду. Мы постепенно перейдём к судопроизводству современного и открытого типа.

В-четвёртых, развитие местных представительных органов. Мы будем усиливать маслихаты, предоставим им дополнительные полномочия. Укрепим ревизионные комиссии маслихатов.

Со временем районные маслихаты могут стать основой для формирования местного самоуправления.

Главная цель политических преобразований для нас — это движение к такой современной демократической форме власти, которая сможет обеспечить наиболее эффективную систему управления обществом и государством, одновременно сохраняя политическую стабильность в стране и обеспечивая все конституционные права и свободы наших граждан.

Сильная государственная власть и демократия — не антиподы. Демократия развивается только там, где строго соблюдается законность.

К достижению этой главной цели я призываю Парламент, Правительство и все институты гражданского общества.

Девятая задача — ускоренное проведение административной реформы с учётом международной практики.

Мы выстраиваем качественно новую модель государственного управления на принципах корпоративного управления, результативности, прозрачности и подотчётности обществу.

Наша цель — модернизация Правительства, создание высокопрофессиональной государственной службы и эффективной структуры управления. Они должны подчиняться требованиям главных потребителей государственных услуг — непосредственно всех граждан и бизнеса.

Десятая задача — продвижение достижений и возможностей нового Казахстана в Центрально-Азиатском регионе и в мировом сообществе.

Сегодня мы сотрудничаем с другими странами в решении широкого круга актуальных проблем. Это и обеспечение энергетической безопасности, и решение жизненно важных социально-экономических вопросов, и борьба с терроризмом, и борьба с эпидемиями и экологическими бедствиями. Мы будем и далее укреплять свою роль и авторитет как ответственного члена регионального сотрудничества и международного сообщества.

Для того чтобы уже через 10 лет представлять новый Казахстан в новом мире, мы должны своевременно и адекватно ответить на вызовы нового времени.

Поэтому поручаю Правительству последовательное решение всех перечисленных задач, развивающих основные положения Стратегии-2030 на Новом этапе.

VI. Казахстанский патриотизм и политическая воля как важнейшие факторы построения нового Казахстана

Совсем недавно мы отметили пятидесятилетие своей независимости. Пройденный путь был достойным, а результаты наших совместных решений и свершений — впечатляющими.

Всё это создаёт фундамент нового общеказакстанского патриотизма, обоснованной гордости и уверенности в том, что у нашего Отечества, у всего нашего многонационального и многоконфессионального общества, у наших детей — прекрасные перспективы.

История знает немало ярких примеров того, как народы поднимаются на новый уровень развития, когда объединяют свою волю для реализации проекта исторического масштаба.

Стратегия “КАЗАХСТАН-2030” на новом этапе развития Казахстана

30 важнейших направлений нашей внутренней и внешней политики

ЧАСТЬ II

*Дорогие казахстанцы!
Уважаемые депутаты и члены Правительства!
Дамы и господа!*

10 лет назад, в 1997 году, в первом Послании народу Казахстана было представлено видение будущего нашего общества и миссии нашего государства — Стратегия развития страны до 2030 года. Мы исходили из того, что должны чётко знать и понимать, что хотим построить, какой должна быть главная траектория нашего развития. Мы были уверены, что, правильно определив наши приоритетные цели, выбрав соответствующие стратегии, проявив волю, терпение и целеустремлённость, сможем успешно преодолеть любые препятствия, стоящие на нашем пути. И мы не ошиблись.

Сегодня можно с полной ответственностью заявить: Казахстан успешно завершил переходный этап и уверенно входит в качественно новый этап своего развития.

На повестке дня стоят принципиально более высокие общественные задачи, которые диктуются как логикой развития самой страны, так и более широким, глобальным контекстом. Современные вызовы и угрозы настоятельно требуют более динамичной модернизации всей системы социально-экономических и общественно-политических отношений, что позволит Казахстану сохранять свои лидирующие позиции на постсоветском пространстве и в Центральной Азии, стать одним из наиболее конкурентоспособных и динамично развивающихся государств мира.

В качестве главных приоритетов Нового этапа всесторонней модернизации Казахстана мною определены 30 важнейших направлений нашей внутренней и внешней политики.

I. Государственная политика, направленная на успешную интеграцию Казахстана в мировую экономику через определение и использование существующих, а также формирование новых конкурентных преимуществ

Первое направление — Выработка и реализация целостной стратегии, направленной на обеспечение устойчивого характера конкурентоспособности экономики.

Глобальная система мирового хозяйства — это отстроенный и отлаженный механизм, работающий по своим правилам. По этим правилам надо работать и нам. Нас не ждут на мировых рынках, но нам необходимо стать востребованными и закрепиться на них. Для этого необходимо:

во-первых, проводить системный анализ, мониторинг и оценку основных отраслей экономики Казахстана, выходящих на внешние рынки,

с точки зрения уровня их экспортной прибыльности и факторов, определяющих её. Это, прежде всего, высокая производительность, низкие накладные расходы, наличие недоступных другим странам ресурсов и материалов, высококвалифицированная рабочая сила, эксклюзивные технологии и так далее. Пока такая работа в полном объёме не выполняется;

во-вторых, провести сравнительный анализ конкурентных производств и отраслей других стран, а также транснациональных корпораций, которые участвуют на тех же самых международных рынках; оценить факторы, которые приводят к отставанию казахстанских экспортёров и секторов экономики или, напротив, дают им сравнительные преимущества;

в-третьих, оценить плюсы и минусы конкретных экспортных отраслей и определить направления, где нужно поддерживать существующие преимущества, а где — устранять существующие проблемы.

При этом мы должны оценить эффективность уже предпринятых действий по развитию перспективных производств, в том числе для внутреннего рынка, и рассмотреть возможности развития их экспортного потенциала;

в-четвёртых, исходя из такого системного анализа, мы должны разработать “прорывные” макропроекты, способные изменить структуру промышленности, имеющие значительную добавленную стоимость, мультипликативный эффект, экспортный и ресурсосберегающий потенциал;

в-пятых, важно организовать целенаправленную системную поддержку выхода казахстанского бизнеса на зарубежные рынки.

Поручаю Правительству выработать и реализовать целостную Стратегию достижения качественно нового уровня конкурентоспособности и экспортных возможностей экономики.

На этой основе следует подготовить соответствующую Программу действий, систему оценки промежуточных результатов и её реализации в целом. Она должна содержать рекомендации для крупного, среднего и малого бизнеса, информацию о необходимых изменениях законодательства и реальных мерах государственного содействия конкретным отраслям, подготовленные совместно с национальным союзом предпринимателей “Атамекен”. Исходя из этих результатов, мы сможем разработать современные подходы к перспективной реструктуризации нашей экономики.

Координирующим и рабочим органом должен стать Национальный совет по конкурентоспособности и экспорту, который я поручаю создать Правительству.

Второе направление — Поиск, завоевание и создание казахстанских “ниш” в системе мирового хозяйства.

Во-первых, нужно расширять направления, где мы уже сейчас можем использовать свои достижения и успехи. При этом основное внимание следует сосредоточить на рынках России, Китая, Центральной Азии, Каспийского и Черноморского регионов.

Во-вторых, нужно форсировать поиск новых, а также рассмотреть, на первый взгляд, не особенно привлекательные или нетрадиционные экспортные “ниши”. В эту работу можно вовлечь на взаимовыгодных условиях и наших внешних партнёров.

В-третьих, развитие в Казахстане новых производств, включая и высокотехнологичные, которые могут достичь уровня международной конкурентоспособности, поможет осваивать новые экспортные “ниши”.

Например, в прошлом году, вы знаете, в Северном Казахстане мы открыли уникальное предприятие по производству биоэтанола, аналогов которому у наших соседей по СНГ нет.

В этом году начнётся строительство первого интегрированного нефтехимического комплекса в Атырауской области, который позволит в дальнейшем развивать нефтехимические производства мирового уровня. А Атырауский НПЗ уже сегодня может выпускать бензин и дизтопливо, соответствующие европейским стандартам.

В-четвёртых, мы должны проанализировать возможности создания и развития новых промышленных производств в приграничных районах, где соседние с нами государства уже создали торгово-промышленные, финансовые и сервисные структуры. Такие “прорывные” проекты могут быть связаны, например, с ростом экономики Китая и стран Юго-Восточной Азии. На границе с Китаем целесообразно создать предприятия, которые могли бы перерабатывать казахстанское сырьё и снабжать китайские зоны беспошлинной торговли этой продукцией, а также энергоносителями, топливом и прочим. В дальнейшем мы также смогли бы развивать там и сферу предоставления различных услуг — по перевозке, распределению товаров, материально-техническому снабжению, задействовав при этом возможности международного центра приграничного сотрудничества “Хоргос” и создав торгово-экономическую зону “Хоргос-Восточные ворота”.

Правительство и, в первую очередь, Министерство индустрии и торговли, а также государственные холдинги обязаны разработать и запустить в действие программу расширения и освоения экспортных “ниш” казахстанскими товарами и услугами с ответственными рекомендациями для участников нашей экономики.

Третье направление — Участие в крупных и “прорывных” проектах. Наши экономические достижения определили лидерство Казахстана в центральноазиатской экономике.

Теперь у нас есть силы превратить Казахстан в “региональный локомотив” экономического развития и сделать его успешным “игроком” мировой экономики.

Во-первых, Правительство должно создать систему информирования наших компаний о перспективных региональных проектах и оказывать им содействие для участия в таких проектах и получения государственных контрактов на конкурсной основе. Это могут быть высокотехнологичные производства, инфраструктурные и другие проекты.

Во-вторых, нужно стимулировать сотрудничество наших крупных корпораций с транснациональными компаниями с целью развития конкретных “прорывных” проектов.

В-третьих, Казахстан будет развивать интеграцию региональных финансовых рынков вокруг финансового центра в Алматы, создавать товарно-сырьевые рынки в регионе на базе современных технологий международной торговли, например, зерновую биржу.

Поручая Правительству, всем соответствующим органам и институтам, в том числе госхолдингам, создать благоприятные условия для преобразования Казахстана в региональный “центр по обеспечению товарами и услугами”, но главное — предпринять конкретные меры для обеспечения участия казахстанских компаний в крупных региональных экономических проектах.

Четвёртое направление — Фокусирование деятельности госхолдингов и организация их работы в соответствии с международными стандартами.

Нельзя допустить, чтобы наши госхолдинги превратились в неуправляемые многопрофильные конгломераты, которые в большинстве случаев неконкурентны на международном рынке. Надо избежать и опасности их превращения в банальные финансовые “кормушки”, имеющие определённую систему льгот. Следует также обратить внимание на то, чтобы госхолдинги не подменяли деятельность входящих в них национальных компаний и организаций, а напротив — консолидировали на новом уровне эту экономическую деятельность, преодолели дублирование функций, непродуктивную внутреннюю конкуренцию и их закрытость, увеличили их эффективность и прозрачность.

В первую очередь, госхолдинги должны занять своё ведущее место в обеспечении конкурентоспособности и реализации национальной стратегии, направленной на успешную интеграцию Казахстана в мировую экономику.

Во-первых, поручаю госхолдингам и соответствующим государственным органам провести критический анализ уже имеющихся аналитических, маркетинговых и технологических наработок и определить последующие действия с указанием конечных результатов и сроков их достижения. Формирование “ниш” для наших экспортёров и полноценной международной интеграции требует своевременных чётких задач и плана реализации конкретных “прорывных” проектов.

Во-вторых, госхолдинги должны активно работать с международными компаниями по созданию совместных проектов, а также содействовать их вхождению в Казахстан. Особенно важна для нас совместная работа в несырьевых секторах.

В-третьих, госхолдинги должны играть свою роль в диверсификации экономики, вовлекать в этот процесс, стимулировать и поддерживать казахстанский малый и средний бизнес.

В-четвёртых, для решения таких задач нужно выработать план реструктуризации госхолдингов как единого организма, а также создать соответствующие целенаправленные, полноценно функционирующие, эффективные, гибкие и прозрачные внутренние структуры. В этой связи целесообразно провести функциональный анализ, анализ эффективности и профилирования структур, составляющих каждый госхолдинг, и затем определить — какие активы остаются под управлением каждого госхолдинга и как они будут развиваться, а какие вывести в конкурентную среду.

“Самрук”

Во-первых, основная задача “Самрука” — управляя предприятиями государственного сектора экономики, обеспечить увеличение их стоимости.

Во-вторых, поручаю руководству “Самрука” ускоренными темпами проработать единую стратегию своего развития, определяющую деятельность входящих в него госкомпаний.

В-третьих, “Самрук” должен использовать свои возможности и ресурсы для выполнения тех задач и проектов, которые дадут конкурентные преимущества всем отечественным потребителям инфраструктурных услуг, соответствующим секторам экономики на внешних рынках. То есть предприятия и население, в конечном итоге, должны получить, безусловно,

более качественные и, по возможности, недорогие энергетические, железнодорожные, телекоммуникационные и бытовые услуги.

В-четвёртых, “Самрук” должен разработать чёткую схему привлечения средств накопительных пенсионных фондов, институтов развития и частных инвесторов, как казахстанских, так и иностранных, для обеспечения своей стратегии.

“Казына”

“Казына” должна сформулировать и проводить общую стратегию деятельности всех институтов и организаций, входящих в её состав. Цель для всех должна быть едина — обеспечение содействия и стимулов для повышения конкурентоспособности и экспортных возможностей малого, среднего и крупного бизнеса Казахстана, обеспечение международных “прорывов” и благоприятных условий формирования экспортных “ниш”, развития инфраструктуры.

Во-первых, фонд “Казына” должен обеспечить предоставление современных услуг для развития конкурентоспособности и поддержки экспорта самых перспективных предпринимателей и производств — от финансирования прикладных исследований до продвижения казахстанских товаров на зарубежные и внутренние рынки. Фонд должен стать оператором государства по вопросам сервисной поддержки экспорта.

Во-вторых, “Казына” должна определить, как она может стимулировать внедрение новых технологий и развитие прикладной науки в целях повышения конкурентоспособности и экспортных возможностей приоритетных секторов экономики и соответствующих компаний.

В-третьих, целесообразно, чтобы фонд “Казына” содействовал нашим передовым предприятиям и, главным образом, недобывающей промышленности в улучшении условий для их торговли за рубежом и расширении их экспортного доступа, в том числе через структурирование финансирования, экспортные кредиты, экспортное страхование и так далее.

В-четвёртых, необходимо всесторонне осмыслить процесс венчурного финансирования новых производств на конкурсной основе, которые завоевали бы свою “нишу” на международном рынке и прочно сохраняли там свои позиции. Сегодня “Казына” должна располагать широким набором инструментов для создания новых конкурентоспособных производств и секторов экономики Казахстана.

В-пятых, одним из важных направлений деятельности фонда должно стать привлечение соответствующих международных компаний в совместные производства с экспортным потенциалом.

В-шестых, фонд должен активно привлекать отечественный и зарубежный бизнес в созданные специальные экономические и индустриальные зоны, технопарки исключительно экспортной направленности.

В-седьмых, необходимо создание в этом году фонда фондов, в том числе с зарубежными финансовыми институтами.

“КазАгро”

Аналогичные подходы должны быть также положены в основу работы Национального холдинга “КазАгро”.

Во-первых, основная задача “КазАгро” — системно решать вопросы повышения уровня производительности сельского хозяйства, предотвращения

деградации земель, укрепления эффективности использования водных и других природных ресурсов страны из-за использования в том числе устаревших агротехнологий, медленного развития аграрной науки, а также разрозненности мелких крестьянских хозяйств.

Во-вторых, “КазАгро” в рамках поставленных задач должен провести качественный анализ всех отраслей нашего сельского хозяйства, определить “ниши”, которые необходимо развивать в первую очередь. Например, существует новый рынок сельхозпродуктов, который активно развивается в мире, — это экологически чистые продукты, новые производства и так далее.

В-третьих, “КазАгро” необходимо в ближайшее время разработать и реализовать системы финансирования существующих и новых сельхозпроизводителей, имеющих экспортный потенциал. Такое финансирование должно быть целенаправленным и предусматривать замену устаревших агротехнологий и создание высокотехнологичной агропромышленности. Возможно, в этот процесс необходимо привлечь банки второго уровня в качестве операторов.

Одной из главных задач всех госхолдингов, входящих в них нацкомпаний и других организаций остаётся упорядочение их деятельности через внедрение международной практики корпоративного управления, подотчётности и прозрачности.

Они должны стать моделью корпоративного поведения для всего бизнеса Казахстана.

Во-первых, работа госхолдингов должна строиться в соответствии с Кодексом корпоративного управления.

Во-вторых, необходимо повысить уровень прозрачности деятельности госхолдингов. Общество должно располагать информацией о стратегиях этих компаний, структуре их собственности, результатах финансово-хозяйственной деятельности и так далее.

В-третьих, хозяйственная деятельность госхолдингов, подбор персонала и так далее должны осуществляться на основе прозрачных конкурсных процедур.

В-четвёртых, для проведения стратегии и осуществления эффективного контроля над управлением, финансами и результатами деятельности следует обеспечить эффективную работу Советов директоров.

В-пятых, мы ожидаем, что ежегодный аудит результатов работы госхолдингов, который будет проводиться с привлечением независимого аудитора с безупречной репутацией, будет содействовать обеспечению чёткой системы прозрачности и публичной оценки деятельности данных холдингов.

Такие принципы должны определять работу всех госхолдингов.

Поручаю руководству госхолдингов не позднее августа 2007 года представить для утверждения Президенту концепции своего развития и новой структуры. После утверждения стратегии и структуры “Самрук”, “Казына”, “КазАгро” должны приступить к реализации поставленных задач, а их руководители будут лично ответственны за результаты.

Пятое направление — Значительное повышение эффективности и макроэкономической отдачи добывающего сектора.

Мы намерены и далее проводить ответственную и взаимовыгодную энергетическую политику.

Дальнейшее развитие углеводородного сектора, привлечение иностранных и местных инвесторов нужно напрямую увязывать с диверсификацией экономики и через эту призму решать важнейшие задачи по созданию новых перспективных производств.

Правительство должно поставить вопрос перед крупными инвесторами, работающими с нашими природными ресурсами, о большем и конкретном их вкладе в индустриализацию Казахстана, инициировав при необходимости соответствующий проект Закона.

Прежде всего, мы исходим из национальных приоритетов Казахстана. При этом обеспечиваем стабильность, предсказуемость и долгосрочность интересов наших соседей и международных партнёров.

Пришло время разработать целостную стратегию дальнейшего укрепления позиций Казахстана в региональном энергетическом пространстве.

Во-первых, Правительство совместно с госхолдингами должно предпринять конкретные меры по стимулированию и обеспечению доступа казахстанских экспортёров энергии на международные рынки.

Во-вторых, Правительство должно сформулировать новую стратегию газовой отрасли и создать законодательную базу для её реализации.

В-третьих, для обеспечения бесперебойных энергетических поставок вступить в интенсивные переговоры с нашими соседями и убедить их, что целесообразно создать в Центральной Азии комплексную систему энергетических сетей государств региона, а также Совет по энергетической безопасности, который способствовал бы созданию рыночной системы, обеспечивающей региональную и международную энергетическую безопасность. Это в интересах всех стран региона.

В-четвёртых, необходимо сформировать эффективную законодательную базу для разумного использования наших природных ресурсов и решения проблем загрязнения окружающей среды, бесконтрольного ввоза устаревших и “грязных” технологий, неэффективного использования возобновляемых ресурсов и так далее.

Необходимо ужесточить контроль за соблюдением природоохранного законодательства при освоении нефтяных месторождений на шельфе Каспия. Правительству следует проработать вопрос внедрения международных сертификатов по принципу “зелёная нефть”, который обязывает соблюдать жёсткие экологические стандарты при добыче углеводородов.

Главный вопрос развития нашей энергетики и нефтехимии — повышение прибыльности этих секторов через увеличение добавленной стоимости энергопродуктов. Особенно эффективным должно быть управление приоритетными секторами — нефтехимией, газовыми ресурсами, экспортными энергомаршрутами.

Во-первых, Министерство энергетики и минеральных ресурсов должно создать и реализовать программы по модернизации и переоснащению нефтегазоперерабатывающих предприятий, созданию новых нефтехимических производств. Мы должны развивать производства с высокой добавленной стоимостью, сопутствующие и смежные производства в нефтегазовом секторе.

Правительству необходимо укомплектовать это министерство кадрами современного типа, способными профессионально решать серьёзные вопросы энергетики — основной отрасли экономики страны на данном этапе.

Во-вторых, Министерство энергетики совместно с другими государственными органами должно подготовить программу практических мер по переходу на энергосберегающие технологии. Внедрение таких технологий и программ сбережения и рационального использования природных ресурсов нужно реализовать, соблюдая принципы оптимального сочетания экономических, социальных и экологических факторов. Такая программа может предусматривать, например, введение жёсткого государственного контроля за размещением и утилизацией отходов энергетического производства и потребления, выполнение предпринимателями контрактных обязательств по соблюдению экологических норм, внедрение малоотходных технологий и так далее.

В-третьих, до конца года Министерство энергетики и минеральных ресурсов должно подготовить новую стратегию развития, направленную на сбалансированную добычу и экспорт в нефтяной и газовой отрасли и в то же время на разведку и поиск новых месторождений углеводородов и новых методов использования нефтегазовых ресурсов.

В-четвёртых, необходимо совершенствовать законодательную базу и осуществлять комплексный мониторинг недропользования и исполнения обязательств недропользователей. Правительство должно исключить бюрократические проволочки, сократить перечень разрешительных документов и упростить порядок предоставления прав недропользователям.

В-пятых, Правительству следует совершенствовать системы контроля контрактных обязательств крупных предприятий по выполнению социальных обязательств и замещению квалифицированной иностранной рабочей силы казахстанскими специалистами.

Шестое направление — Новый уровень устойчивости и конкурентоспособности финансовой системы в условиях либерализации.

Во-первых, наши банки должны быть подготовлены к конкурентной борьбе и на местном рынке, и в региональных, и в международных проектах. Ряд ограничений по доступу нерезидентов к нашей финансовой системе мы исключили в рамках переговорного процесса по вступлению Казахстана в ВТО.

Во-вторых, следует создать условия для оказания рыночно оправданной поддержки перспективным секторам экономики со стороны банковской системы Казахстана и усилить банковское присутствие в региональных экономических проектах, в том числе в рамках государственно-частного партнёрства.

В-третьих, решить важный вопрос о привлечении капитала сильных банков второго уровня для реализации проектов национального масштаба, особенно энергетических, инфраструктурных и “прорывных”.

В-четвёртых, надо также ещё раз вернуться к вопросу снятия необоснованных ограничений в сфере движения капитала. Этот вопрос нужно рассматривать с учётом необходимости поддержания оптимального совокупного внешнего долга Казахстана. Наши банки слишком много рассчитывают на внешнее финансирование, что может привести к неконтролируемому росту совокупной внешней задолженности страны.

В-пятых, нам нужно создать эффективно работающих фондовый рынок. Его развитие невозможно без привлечения населения к активному инвестированию своих сбережений в ценные бумаги. Нужно провести

широкомасштабную работу по соответствующему обучению населения азам инвестиционной грамотности.

В-шестых, фактором развития системы электронной торговли станет дальнейшее совершенствование законодательной основы для расширения инфраструктуры электронных банковских услуг.

Правительство совместно с Агентством финансового надзора должно подготовить стратегию и необходимое законодательное обеспечение для проведения вышесказанной работы.

Седьмое направление — Вступление в ВТО на выгодных для Казахстана условиях.

Укрепление конкурентных позиций Казахстана в глобальной экономике во многом будет определяться его вступлением во Всемирную торговую организацию. Эту задачу мы последовательно решаем уже несколько лет и близки к завершению.

Во-первых, для учёта национальных интересов Казахстана до конца года необходимо привести законодательство Казахстана в соответствие с нормами обязательных соглашений ВТО.

Во-вторых, в процессе вступления Казахстана в ВТО Правительство должно отстоять приемлемый уровень внутренней государственной поддержки аграрного сектора и реализовать соответствующие адаптационные меры по подготовке промышленных предприятий к эффективному функционированию в условиях ВТО.

В-третьих, нужно выработать реальные, действенные и системные меры по совершенствованию таможенного администрирования и обеспечению профессионального соответствия специалистов таможенной службы современным требованиям. Мы должны проводить политику открытости экономики, снижения таможенных барьеров между странами региона и установления единого уровня внешних тарифов в регионе. На эти и другие цели нашей таможенной системе государство в последние годы выделяет значительные суммы.

В-четвёртых, нужно ускорить процесс перехода всех юридических лиц на международные стандарты финансовой отчётности.

В-пятых, Правительство совместно с союзом “Атамекен” должно в ближайшее время подготовить для наших промышленников и предпринимателей из всех секторов экономики соответствующие рекомендации.

II. Государственная политика, направленная на управление ростом и устойчивостью экономики Казахстана через диверсификацию, инфраструктурное развитие и создание основ высокотехнологичной индустрии

Восьмое направление — Диверсификация экономики и развитие несырьевого сектора.

Правительство должно уделить особое внимание реализации “прорывных” инвестиционных проектов в приоритетных несырьевых секторах экономики.

Мы должны перейти от “роста накоплений” к “управлению ростом”, что означает прежде всего проведение инвестиционной политики, направленной на развитие инфраструктуры и дальнейшей индустриализации экономики Казахстана.

Во-первых, Правительство должно создать условия для развития новых технологичных и системообразующих производств с реальным мультипликативным эффектом. Такие производства могут включить, например, нефтегазовое машиностроение; производство специальных сплавов; производство биохимической и нефтехимической продукции; перерабатывающих производств пищевой, текстильной, сельхозпродукции; производство строительных материалов и другие.

Во-вторых, в области аграрной политики Правительство должно реализовать программы устойчивого развития агропромышленного комплекса за счёт роста производительности и доходности его отраслей, развития национальных конкурентных преимуществ отечественной продукции.

В-третьих, совершенствовать законодательную базу и осуществлять комплексный мониторинг недропользования и исполнения обязательств недропользователей.

В-четвёртых, Правительство должно подготовить действенные меры по развитию казахстанского сервисного рынка в сферах недропользования, машиностроения и тяжёлой индустрии.

Поручаю Правительству и госхолдингам в диалоге с союзом предпринимателей “Атамекен” сформулировать требования и рекомендации для крупнейших компаний по формированию их стратегий индустриальной диверсификации.

Девятое направление — Проведение единой государственной стратегии, направленной на внедрение высоких технологий и поддержку инноваций.

Во-первых, нужно активно и продуманно осуществлять трансферт технологий, исходя из наших конкурентных преимуществ. Следует содействовать созданию сети конструкторских бюро и проектных организаций, которые будут осуществлять как импорт готовых технологий и их доработку, так и внедрение отечественных научных разработок в производство.

Во-вторых, нужно создать структуры по поддержке финансирования проектов в сфере высоких технологий, в том числе на основе венчурного финансирования. Нельзя допускать, чтобы лучшие разработки казахстанских учёных “уходили” за рубеж.

В-третьих, необходимо стимулировать инновационную активность казахстанского бизнеса. Наибольшие усилия в научно-исследовательской и конструкторской деятельности должны приходиться на частный сектор.

В-четвёртых, необходимо систематизировать государственный заказ на исследовательские работы с тем, чтобы результаты этих работ были востребованы реальным сектором экономики.

В-пятых, нужно содействовать развитию технологического сектора, укрепляя защиту интеллектуальной собственности и торговых марок. Необходимо создать банк инноваций и патентов, доступных для ознакомления и финансирования. Это — задача “Казыны”.

Десятое направление — Формирование и начало работы региональных центров экономического роста и конкурентоспособности.

Координированное формирование региональных центров и “точек” экономического роста и конкурентоспособности за счёт приоритетного

развития городов-лидеров, обладающих значительным экономическим потенциалом, играет важную роль в обеспечении регионального развития. Правительству нужно определить такие центры, изучив их возможности для развития в качестве центров роста экономики страны в целом.

Важнейшим центром экономического роста стала, конечно же, наша столица Астана, превратившись всего лишь за десятилетие из провинциального города в современный мегаполис с огромными возможностями, причём не только для казахстанцев.

Нам надо и далее развивать эти возможности, если мы хотим реально конкурировать с признанными столицами мира.

Во-первых, надо приступить к строительству, по крайней мере, двух новых центров Астаны — на правом и на левом берегу в юго-восточном направлении.

Во-вторых, важно ускорить темпы строительства нового научного комплекса Национального центра биотехнологий в Астане.

В-третьих, Правительство должно продолжить реализацию программы по созданию медицинского кластера в Астане на базе вновь вводимых республиканских научных инновационных медицинских центров мирового уровня.

В-четвёртых, в Астане необходимо создать Евразийский центр воды, призванный в комплексе решать вопросы исследования и охраны водных ресурсов на континенте.

Поручаю акиму города Астаны и Правительству определить конкретные индикаторы социально-экономического развития, которые могут быть достигнуты в среднесрочном и долгосрочном периодах.

Актуален вопрос о социально-предпринимательских корпорациях.

Мы поставили цель добиться пространственной интеграции Казахстана, обеспечив развитие инфраструктуры, мобильность трудовых ресурсов и рост конкурентоспособности регионов, и на их основе сформировать “точки роста”.

Во-первых, эту задачу надо реализовать с учётом преобразования Казахстана в региональный “экономический локомотив” и центр современных услуг и высокотехнологичной индустрии. Используя процесс консолидации государственного и частного секторов, нужно создать конкретные “центры роста” на основе целевых региональных планов развития — например, города Астаны, Акмолинской и Карагандинской областей с учётом уже созданной СПК “Сарыарка”.

Во-вторых, такие “центры экономического роста” должны быть обеспечены всей необходимой социальной инфраструктурой с акцентом на образование — дошкольное, среднее и профессионально-техническое.

В-третьих, “полюсы роста” нужно также создавать на основе развития сети социально-предпринимательских корпораций (СПК). Их деятельность предполагает реализацию инвестиционных и инновационных проектов в аграрном, транспортно-логистическом и других секторах. Правительству следует передать в СПК необходимую государственную собственность и активы, решать вопросы развития корпораций с участием предпринимателей.

Правительство и акимы должны совместно подготовить конкретные предложения по размещению промышленных предприятий и промышленных зон в этих центрах с учётом наших планов по развитию промышленности, торговли и высоких технологий.

Одиннадцатое направление — Развитие стратегической инфраструктуры на основе государственно-частного партнёрства, а также повышение качества управления в этой сфере.

Поручаю Правительству совместно с акимами подготовить план развития современной инфраструктуры, подчинённый задачам:

- нашей интеграции в международный инфраструктурный рынок;
- развития центров экономической активности регионов;
- технологического взаимодействия между различными видами транспорта;
- снижения издержек для бизнеса и граждан.

Для его реализации мы должны активно использовать возможности государственных холдингов и формировать механизм инфраструктурного развития на основе государственно-частного партнёрства.

Во-первых, нам нужно целенаправленно поддерживать, обновлять и расширять транспортную инфраструктуру. Мы должны максимально использовать транзитный потенциал страны, а для этого нам нужно интегрировать нашу транспортную систему в мировую.

Во-вторых, необходимо активно развивать сферу авиационных перевозок. Нам следует привести инфраструктуру наших аэропортов и авиационную отрасль к требованиям национальной экономики и международного уровня. Необходимо создать все условия для развития конкуренции на местном авиарынке, чтобы повысить качество, безопасность авиауслуг и снизить их стоимость. Воздушный транспорт должен стать доступнее для граждан.

Соответствующая программа развития этой инфраструктуры должна быть разработана до конца 2007 года.

В-третьих, речь идёт о необходимости модернизации сети железных дорог страны путём поэтапного перевода железнодорожных перевозок и управления ими на рыночную основу. Следует также начать создание и расширение сети железнодорожных транспортно-логистических центров, соответствующих нынешнему и будущему уровню спроса на такие транспортные услуги. Железнодорожная отрасль должна соответствовать мировым стандартам безопасности, скорости доставки и обслуживания, а тарифы — соответствовать обоснованным требованиям отрасли.

Министерство транспорта и коммуникаций совместно с госхолдингом “Самрук” должно пересмотреть действующие Правила перевозок на железнодорожном транспорте и разработать новые, соответствующие более высокому уровню развития экономики.

В-четвёртых, предстоит провести системную работу по демонополизации и развитию свободной конкуренции в отрасли телекоммуникаций. Нужно, наконец, завершить работу по ребалансу тарифов, чтобы в эту сферу пришли и другие инвесторы. Необходимо создать условия для снижения стоимости интернет-услуг, увеличивая тем самым проникновение мировой сети в наши школы, предприятия и дома.

В-пятых, нам нужно столь же ответственно подходить к развитию инфраструктуры водного транспорта. Интенсивное освоение Каспийского шельфа требует новых портов и морских транспортных судов. Целесообразно реализовать программы создания новых мощностей судостроительной верфи и модернизации существующих морских и речных портов.

В-шестых, развитие автотранспортной инфраструктуры. В прошлом году началась реализация Программы развития автодорожной отрасли до 2012 года. На финансирование автодорожной отрасли впервые государство выделяет почти 10 миллиардов долларов США. Развитие этой инфраструктуры также повысит безопасность движения и снизит дорожный травматизм.

Правительство должно в течение полугода подготовить стратегию для приведения основных автодорог международного значения в соответствие с международными стандартами. Кроме того, в рамках развития транспортно-логистического кластера должна быть построена автомобильная дорога по территории Казахстана, соединяющая Западную Европу с Западным Китаем.

Нам также нужно ускоренно расширять сети дорог местного значения, улучшая доступ к самым отдалённым населённым пунктам Казахстана.

Двенадцатое направление — Развитие электроэнергетических ресурсов и создание основ атомной энергетики.

На сегодняшний день наиболее актуален вопрос обеспечения электроэнергией Южно-Казахстанской, Карагандинской, Актюбинской, Костанайской областей и города Алматы.

Во-первых, необходимо сбалансированно решать проблему распределения электроэнергии между энергоизбыточными и энергодефицитными регионами с привлечением мощностей стран-соседей и переходить на энергосберегающие технологии.

Во-вторых, необходимо последовательно модернизировать электроэнергетическую отрасль, решать проблемы износа и нехватки мощностей, создать условия для развития новых производств, расширения и реконструкции действующего оборудования и сетей передачи электроэнергии.

В-третьих, диверсификация источников энергии требует развития атомной энергетики с целью обеспечения ресурсов для устойчивого развития всей территории страны. Необходимо осуществить разработку технико-экономического обоснования строительства атомной электростанции в Казахстане.

В-четвёртых, необходимо рассмотреть возможность создания энергетической биржи, по примеру Норвегии и Швеции, с сопредельными государствами в рамках энергетического союза.

Поручаю Министерству энергетики и минеральных ресурсов до конца 2007 года разработать комплекс мер по наращиванию мощностей существующих электростанций, строительству новых генерирующих мощностей и оптимизации электропроводной сети, с тем чтобы решить энергетические потребности регионов. Нужны, наконец, конкретные шаги и системность в решении проблемы энергообеспеченности юга страны.

Важными направлениями работы должны стать также экономические и административные меры, направленные на стимулирование эффективного использования электроэнергии, а также на разработку механизмов внедрения в энергетическую отрасль энергосберегающих технологий, в том числе и наукоёмких.

Тринадцатое направление — Последовательные действия по поддержке малого и среднего бизнеса.

Во-первых, Правительство должно проанализировать, где и почему появляются законодательные, административные и бюрократические преграды на пути деловой инициативы, максимально сократить их, а также исключить необоснованную отчётность малых и средних бизнес-структур перед государством. Нужно также совершенствовать налоговое законодательство, чтобы оно в полной мере стимулировало развитие предпринимательства, а также способствовало выходу бизнеса “из тени”.

Во-вторых, мы должны закончить работу по созданию справедливой конкурентной среды и равных условий всем экономическим игрокам. Поручаю Правительству провести комплексную ревизию антимонопольного законодательства и создать чёткие механизмы выявления фактов ограничения конкуренции и сговора между участниками рынка, предотвращения “скрытой” монополизации базовых отраслей нашей экономики, а также соответствующие рекомендации о применении штрафных санкций.

В-третьих, мы должны максимально сократить сферы естественных монополий, нам необходимо обновить действующие и разработать новые программы реструктуризации и развития конкурентных отношений в соответствующих отраслях. В целях регулирования и контроля секторов экономики с сохранившимися естественными монополиями, а это — телекоммуникации и аэронавигация, железнодорожный транспорт и порты, электроэнергетика, нефте- и газопроводный транспорт, а также жилищно-коммунальная сфера — необходимо создать независимые отраслевые регуляторы. Эти структуры, возглавляемые коллегиальными органами, совместят функции тарифного и технического регулирования.

В-четвёртых, совершенствовать процесс создания новых предприятий и компаний. Например, в рамках системы “одного окна” нужно создать такие условия, чтобы предприниматель мог зарегистрировать фирму в течение двух-трёх дней.

В-пятых, для устойчивого и динамичного экономического роста нам необходимо активнее использовать ресурсы государства и госкомпаний как катализатора создания спроса на продукты и услуги высокого качества малого и среднего бизнеса Казахстана на публичной и конкурсной основе.

В-шестых, целесообразно разработать специальные программы для развития новых производств на прозрачной и публичной конкурсной основе, где лучшие бизнес-идеи получают финансовую и техническую поддержку для формирования нового бизнеса, например, для покрытия юридических и консультационных затрат. Это задача, полагаю, для фонда “Казына”.

Четырнадцатое направление — Скорейшее и повсеместное внедрение технических стандартов, соответствующих международным требованиям.

Полноценное участие Казахстана в конкуренции на международном экономическом поле потребует выполнения международных технических стандартов.

Техническая стандартизация должна рассматриваться не только как инструмент обеспечения качества продукции и услуг, но и как обязательное

условие обеспечения конкурентоспособности наших товаров и услуг в глобальной экономике.

Стандартизация казахстанской экономики должна проводиться на основе последних достижений науки, техники и практического опыта и определять оптимальные решения многих общеэкономических, отраслевых и внутрипроизводственных задач.

Поручаю Министерству индустрии и торговли:

во-первых, проанализировать результаты уже имеющихся наработок исполнения закона о техническом регулировании;

во-вторых, в течение шести месяцев перевести работу по внедрению порядка и правил международной стандартизации в практическую плоскость.

Пятнадцатое направление — Укрепление института частной собственности и контрактных отношений.

Хочу ещё раз сделать специальный акцент на необходимости продолжения работы по реализации целостной программы по всемерному укреплению института частной собственности и контрактных отношений.

Во-первых. Развитие правовой базы и правоприменительной практики в этой области, безусловно, относится к числу первоочередных задач. Поручаю разработать соответствующий пакет законодательных актов. Полагаю, что скоро будут приняты законопроекты “О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним” (новая редакция), “О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним”.

Во-вторых, надо воспитывать уважение к институту частной собственности и контрактным отношениям на всех уровнях, в том числе используя все возможные рычаги государства, образовательной, судебной системы и так далее. Я также рассчитываю на конструктивную роль наших институтов гражданского общества, поскольку укрепление института частной собственности есть одновременно и создание основ для гарантий прав и свобод человека.

В-третьих, Правительство должно предпринять соответствующие меры для совершенствования контрактных отношений, чётко определяющих правила государственно-частного партнёрства.

Шестнадцатое направление — Формирование основ дальнейшей индустриализации Казахстана.

Управление ростом экономики мы должны обеспечивать на основе политики дальнейшей индустриализации Казахстана, отвечающей современным требованиям международного рынка.

Во-первых, нужно провести анализ, оценив в полном объёме масштабы проблемы оснащения экономики производственными мощностями и износа основного капитала в стране и подготовить конкретную программу действий, направленную на коренное обновление капитального оборудования, производственной инфраструктуры и технологических процессов.

Во-вторых, определить наиболее приоритетные отрасли и предприятия и систему первоочередных мер по их индустриализации на современной основе.

В-третьих, разработать инструменты государственного стимулирования частного сектора, который должен играть ведущую роль в процессе дальнейшей индустриализации.

Поручаю Правительству до конца 2008 года в развитие индустриально-инновационной стратегии провести работу, органично связанную со Стратегией достижения качественно нового уровня конкурентоспособности и экспортных возможностей экономики.

**III. Государственная политика, направленная
на обеспечение международных стандартов образования
и профессиональной переподготовки, соответствующих динамике
и перспективам развития рынка труда**

Семнадцатое направление — Приближение системы начального и среднего образования, а также переподготовки кадров к мировым стандартам.

Мы должны добиться предоставления качественных услуг образования по всей стране на уровне мировых стандартов.

Во-первых, ликвидировать трёхсменное обучение. Уже в ближайшие три года надо построить на основе государственно-частного партнёрства 100 новых школ в регионах Казахстана.

Во-вторых, создать единую систему оценки эффективности обучения, уровня знаний и умений каждого обучаемого.

В-третьих, развивать практику обучения в режиме он-лайн и создавать в стране учебное телевидение.

В-четвёртых, ввести в учебные планы дополнительные часы или предметы по естественным наукам, в первую очередь, математике и информатике. Предусмотреть также создание системы специальных классов естественнонаучного профиля. Правительство должно разработать механизмы для привлечения необходимых инвестиций в этом направлении.

В-пятых, привлекать в школы зарубежных преподавателей английского языка. Нужно добиваться того, чтобы любая среднестатистическая школа могла предоставить возможность детям обучаться иностранному языку на самом высоком уровне.

В-шестых, подумать о внедрении системы государственных конкурсов на присуждение грантов школам с высокими показателями работы, которые будут предоставляться, например, в форме финансирования стипендий для учащихся из малоимущих семей. Это позволит им в дальнейшем получить образование в более престижных и передовых образовательных учреждениях.

Особо внимательно стоит изучить вопрос совершенствования системы оценки и вознаграждения работы лучших преподавателей.

Восемнадцатое направление — Внедрение аттестации учебных заведений на уровне международных стандартов, приоритетное развитие точных и инженерных наук в сфере высшего образования.

Во-первых, Правительство должно ввести систему аттестации учебных заведений на уровне международных стандартов, позволяющую объективно оценивать качество образования в каждом вузе. Следует

подумать также о привлечении авторитетных агентств для международной аккредитации организаций высшего образования.

Во-вторых, в рамках структурного реформирования науки целесообразно ряд академических научных учреждений объединить с передовыми вузами, что может послужить основой для создания университетов, объединяющих образовательную и научно-исследовательскую работу.

В-третьих, Правительство должно разработать соответствующую нормативную правовую базу для развития специализированных программ обучения и научно-прикладных центров точных и инженерных наук.

В-четвёртых, Министерство образования и науки и другие соответствующие структуры Правительства должны подготовить программу развития научно-технического обучения и контролировать её реализацию на принципах укрепления межотраслевой координации научных, конструкторских и технологических работ при эффективном использовании финансовых средств и преодолении дублирования научных и прикладных исследований.

В-пятых, нам следует активнее привлекать иностранные государственные институты развития и академические центры, а также поощрять вовлечение и инвестиции частного сектора в математическое и научное образование.

В-шестых, составной частью стратегии увеличения численности квалифицированного преподавательского состава и инженерно-педагогических кадров должно стать активное привлечение иностранных учёных и преподавателей в те сферы образования, которые представляют для нас наибольший интерес.

В-седьмых, предстоит создать специализированные направления обучения, которые сфокусировались бы на информационных технологиях и новых формах распространения информации.

Девятнадцатое направление — Формирование основ “умной экономики”.

Практически все успешные современные государства, активно интегрированные в систему мирохозяйственных связей, сделали ставку на “умную экономику”. А для её создания следует, прежде всего, развивать свой “человеческий капитал”.

На начальном этапе мы должны обратить внимание на следующее:

во-первых, ввести требования и сформировать соответствующую инфраструктуру для регулярного обновления общедоступной базы знаний, необходимых для нашей новой экономики в соответствии с уровнем мирового технологического развития в целом;

во-вторых, оказывать прямую поддержку в создании инновационно-образовательных консорциумов для реализации образовательных программ и проведения научно-прикладных исследований;

в-третьих, расширять практику совместного участия научно-исследовательских институтов и вузов в конкурсах на получение заказов государства или частного сектора на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, грантов, совместных научных изданий и др.;

в-четвёртых, рекомендовать компаниям — поставщикам новых технологий обязательное обучение казахстанского персонала для работы с этими технологиями;

в-пятых, необходимо создать соответствующие предпосылки, чтобы предприниматели были заинтересованы в научно-технологической обеспеченности и конкурентоспособности частного сектора. Следует также чётко контролировать исполнение контрактных обязательств предпринимателей по обучению казахстанских специалистов.

IV. Современная социальная политика: в центре внимания запросы и нужды людей и создание рабочих мест

Два года тому назад мы взяли курс на последовательную социальную модернизацию. И мы многого достигли.

Главное для нас — создать казахстанцам все необходимые условия для реализации важных и понятных жизненных принципов:

- обеспечение семьи;
- владение жильём;
- образование детей;
- укрепление здоровья;
- формирование сбережений к пенсии.

Из нашего предыдущего опыта и из опыта других стран мира мы должны сделать два принципиальных вывода.

Первый. Социальная поддержка населения со стороны государства может быть эффективна только в том случае, если она носит целевой и адресный характер. Государство обязано и фактически берёт на себя ответственность за поддержку лишь тех членов общества, которые действительно нуждаются в этой помощи, — а это прежде всего дети, многодетные матери, ветераны, инвалиды.

Второй. Самой действенной социальной политикой была и остаётся политика мотивации к производительному труду и создание новых рабочих мест. Нам нужно прежде всего создать реальные стимулы для возвращения к труду людей, по той или иной причине потерявших работу, предоставить им возможность получить новую профессию. Кроме того, в молодой среде нам необходимо возобновить популяризацию и активную пропаганду рабочих специальностей, особенно в промышленности.

Двадцатое направление — Последовательная политика в сфере обеспечения доступности жилья и развития рынка недвижимости.

Во-первых, Правительство должно проанализировать и по возможности ускорить реализацию Программы в жилищно-коммунальной сфере в таких направлениях, как развитие строительной индустрии, строительство комплексов доступного арендного жилья, обеспечение прозрачности процедур выделения земельных участков, стимулирование развития индивидуального жилищного строительства.

Во-вторых, продолжает оставаться нерешённым вопрос повышения качества строительства и обслуживания строительных объектов путём перехода на международные стандарты качества.

Перед Правительством и соответствующими министерствами стоит важная задача по созданию реального, конкурентного и прозрачного рынка недвижимости в стране. Этот рынок должен обеспечить населению наиболее благоприятные условия доступа к жилью, даст покупателю возможность иметь полную информацию об условиях и ценах сделок, а финансовым организациям — развивать эффективные кредитные инструменты.

В-третьих, административные и законодательные требования в сфере операций с недвижимостью нужно сделать проще и понятнее. Необходимо также решить вопрос об упрощении процедур по оформлению земельных участков, а также прозрачности процедуры их предоставления.

В-четвёртых, необходимо принять меры по совершенствованию системы государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним, а также разработать эффективные методики оценки недвижимого имущества.

В-пятых, нужно оценить возможности создания дополнительных стимулов для широкомасштабного строительства жилья.

В-шестых, Правительство должно проанализировать тенденции на международных рынках недвижимости и создать на основе лучшего международного опыта эффективные инструменты для финансирования дальнейшего строительства арендного жилья и стимулирования индивидуального жилищного строительства.

В-седьмых, создать законодательную основу для стимулирования страховых компаний, предоставляющих услуги, связанные с ипотечным кредитованием.

Двадцать первое направление — Улучшение качества медицинских услуг и развитие высокотехнологичной системы здравоохранения.

Во-первых, считаю необходимым добиться результативности и повышения качества медицинских услуг путём пересмотра механизмов управления, финансирования, координации и контроля в сфере здравоохранения. Следует также внедрить систему отчётности медицинских учреждений, открытую для общества, и систему внутреннего контроля и внешнего аудита.

Надо, наконец, чётко определить ту часть медицинских услуг, которые оказываются государством, и не смешивать их с частными услугами. С другой стороны, необходимо дать возможность для развития частной медицины.

Во-вторых, подготовить программы для повышения уровня средней продолжительности жизни, снижения показателей детской и материнской смертности, уровня заболеваемости туберкулёзом и темпов роста заболеваемости ВИЧ/СПИДом.

В-третьих, начальная медицинская подготовка должна стать обязательной частью всех школьных и университетских учебных планов. В этой связи нужно также повысить уровень знаний и информированности населения по вопросам здорового образа жизни и здравоохранения. Уделить особое внимание развитию массового спорта и пропаганде спорта среди населения.

В-четвёртых, уже в ближайшие три года надо построить с использованием механизма государственно-частного партнёрства 100 больниц в регионах Казахстана.

В-пятых, серьёзное внимание нужно обратить на санитарную инфраструктуру Казахстана и обеспечить все населённые пункты качественной питьевой водой.

В-шестых, должны быть созданы стимулы для развития конкурентного рынка медицинских услуг и услуг медицинского страхования, доступных населению.

В-седьмых, необходимо ускоренными темпами перейти на международные стандарты обучения, аттестации и подготовки врачей и медицинских работников. Также необходимо продумать внедрение стимулирующей

системы оплаты труда медицинских работников в зависимости от уровня их квалификационной категории, вида специальности и нагрузки.

Мы должны одновременно приступить к созданию доступной для широких слоёв населения высокотехнологичной системы здравоохранения. Для этого:

во-первых, Министерство здравоохранения должно разработать систему совершенствования современной и высокотехнологической профилактики, диагностики в первую очередь в дошкольных и школьных учреждениях; медицинских консультаций пациентов, лечения и реабилитации социально значимых заболеваний. Необходимо стимулировать создание высокотехнологических медицинских центров раннего обнаружения и предупреждения болезней;

во-вторых, государство должно оказать помощь органам здравоохранения в развитии системы высококачественных информационных технологий, в том числе создав национальную электронную медицинскую картотеку пациентов.

Двадцать второе направление — Развитие накопительной пенсионной системы.

Правительство должно разработать предложения по дальнейшему совершенствованию накопительной пенсионной системы.

Наиболее актуальными задачами являются:

во-первых, обеспечение гарантий государства по сохранению пенсионных накоплений и их достаточности при наступлении старости;

во-вторых, максимальный охват населения накопительной пенсионной системой.

V. Политическое и административное развитие в соответствии с логикой Нового этапа

Двадцать третье направление — Развитие политической системы.

Основная задача на новом этапе — дальнейшее укрепление основ открытого, демократического и правового государства, в котором гармонично сочетаются как общепризнанные демократические ценности, так и традиции нашего многонационального и многоконфессионального общества.

Важными направлениями развития прежде всего являются:

— повышение эффективности взаимодействия и укрепление системы сдержек и противовесов между ветвями государственной власти;

— расширение полномочий представительных органов власти;

— создание благоприятных условий для повышения роли политических партий, развития институтов гражданского общества;

— повышение эффективности и прозрачности работы госорганов;

— реформирование структуры исполнительной власти для обеспечения общественного доступа к процессу выработки государственных решений;

— дальнейшее укрепление институциональных механизмов защиты прав и свобод человека;

— создание условий для развития местного самоуправления;

— содействие гармоничному развитию СМИ.

Госкомиссия, проработав год, представила основные направления демократических реформ. Теперь дело — за группой юристов, которые готовят проекты законов и изменения в Конституцию страны.

Я также уверен, что всё это в конечном счёте позволит нам найти оптимальную для нового этапа развития Казахстана модель гармоничного политического и государственного устройства нашей страны.

Двадцать четвёртое направление — Реализация административных реформ и модернизация исполнительной власти.

Мы выстраиваем качественно новую модель государственного управления на принципах корпоративного управления, результативности, транспарентности и подотчётности обществу с учётом лучшего международного опыта.

Во-первых, Правительство совместно с акимами должно кардинально изменить подходы к разработке и содержанию программных документов. У каждого государственного органа должен быть стратегический план, определены миссия, приоритеты и установлены целевые показатели деятельности всех государственных органов, на достижение которых должна быть ориентирована работа каждого государственного служащего. Поручаю переосмыслить действующие программы, где нужно объединить их вокруг наших стратегических приоритетов, остальные сократить или передать ответственность на другой уровень.

Во-вторых, логическое завершение должно получить разделение функций государственных органов на стратегические, административно-исполнительские и контрольно-надзорные. Ежегодно должен проводиться анализ правительственных решений в целях исключения дублирования функций, совершенствования межбюджетных отношений, преодоления конфликта интересов.

В-третьих, необходимо совершенствовать бюджетное планирование, направленное на обеспечение эффективности, результативности, подконтрольности и прозрачности.

В-четвёртых, Правительство должно передать в конкурентно-рыночную среду все нестратегические виды экономической деятельности государства.

В-пятых, система организации государственных закупок должна устанавливать чёткие правила, а сами процедуры должны быть прозрачными, контролируемыми, понятными и лёгкими для исполнения.

В-шестых, Правительство должно обеспечить разработку и внедрение качественных стандартов предоставления государственных услуг. До 1 июля текущего года Правительством должен быть утверждён реестр всех государственных услуг, предоставляемых как на республиканском, так и местном уровнях.

В-седьмых, Правительство и органы местной исполнительной власти должны разработать комплекс мер, направленных на повышение прозрачности и подотчётности своей деятельности.

В-восьмых, целесообразно ввести более жёсткие требования, направленные на повышение ответственности госслужащих, а также укрепление мотивации в их работе.

В-девятых, оценка деятельности государственных органов должна проводиться с учётом эффективности и качества услуг, предоставляемых

гражданам, результатов реализации государственных, отраслевых, региональных и бюджетных программ.

В-десятых, необходимо провести тщательный анализ результатов работы по созданию “электронного правительства”. И с учётом этого продолжить внедрение современных информационных технологий, опираясь на опыт ведущих стран мира.

Поручаю Правительству разработать нормативную правовую базу, необходимую для проведения административной реформы.

Двадцать пятое направление — Повышение роли Ассамблеи народов Казахстана для дальнейшего укрепления общественного согласия и стабильности.

Дальнейшее укрепление общественного согласия по сути является основой для обеспечения динамичного развития страны и успешного решения той сверхзадачи, которую мы перед собой поставили.

Поэтому необходимо, в том числе на законодательном уровне, существенно повысить авторитет Ассамблеи народов Казахстана, расширив сферу её практической деятельности и ответственности.

Ассамблея на новом этапе развития страны должна последовательно решать такие задачи, как:

во-первых, укрепление единства народов, поддержка и развитие широкого общественного консенсуса по основополагающим ценностям модернизации казахстанского общества, которые выходят за границы политических идеологий и текущей конъюнктуры;

во-вторых, укрепление единой гражданственности, основанной на равенстве возможностей для всех граждан Казахстана, независимо от их национального, социального и, так сказать, “сословного” происхождения;

в-третьих, обеспечение благоприятных условий для дальнейшего укрепления межэтнического и межконфессионального согласия и толерантности в обществе;

в-четвёртых, жёсткое и последовательное противодействие любым проявлениям экстремизма и радикализма в обществе и стремлениям, направленным на ущемление конституционных прав наших граждан.

Двадцать шестое направление — Духовное развитие народов Казахстана и триединая языковая политика.

Во-первых, продолжая проведённую работу в рамках программы “Культурное наследие”, следует изучить вопрос о создании “Фонда Духовного Развития Народов Казахстана”. Фонд должен вести регулярный мониторинг и поддержку развития культурных ценностей и традиций наших народов при помощи государственно-частного партнёрства и привлечения соответствующих общественных организаций. Управление фондом должно осуществляться на основе принципов корпоративного управления.

Во-вторых, предлагаю начать поэтапную реализацию культурного проекта “Триединство языков”. Казахстан должен восприниматься во всём мире как высокообразованная страна, население которой пользуется тремя языками. Это: казахский язык — государственный язык, русский язык как язык межнационального общения и английский язык — язык успешной интеграции в глобальную экономику.

Двадцать седьмое направление — Совершенствование практики правоприменения и укрепление правопорядка.

Последовательно укрепляя основы открытого, демократического общества, мы не должны забывать, что демократия и правопорядок — вещи неразделимые, одно не может существовать без другого. Поэтому нужна эффективная система защиты прав и свобод граждан.

Во-первых, усилить координацию действий правоохранительных и других государственных органов по совершенствованию организационных и законодательных мер в сфере обеспечения правопорядка.

Во-вторых, нужно сфокусировать наше внимание на растущей проблеме подростковой преступности и предусмотреть меры для её снижения.

В-третьих, нужно предоставить нашим правоохранительным органам дополнительные ресурсы и инструменты для борьбы с такими вызовами, как наркопреступность и транснациональная преступность.

В-четвёртых, необходимо обеспечить создание и функционирование в стране общегосударственной системы профилактики правонарушений, шире привлекать к этой работе общественность и население.

VI. Новая региональная и геополитическая ответственность Казахстана

Двадцать восьмое направление — Новая международная ответственность Казахстана, развитие многовекторной внешней политики и участие в борьбе с глобальными угрозами.

Казахстан был и остаётся активным участником широкого международного сотрудничества, направленного на ядерное сдерживание, борьбу с международным терроризмом, религиозным экстремизмом, наркоторговлей и другими современными угрозами.

Многие проблемы Казахстана, такие как, например, сохранение природы, имеют трансграничный характер. Их можно решать только совместно с нашими соседями — Россией, Китаем и странами Центральной Азии — на основе бассейнового принципа. Для этого должны быть созданы трансграничные зоны устойчивого развития с международным участием по примеру Дунайского, Альпийского и Андского соглашений.

Сотрудничая с другими странами в решении жизненно важных проблем: от обеспечения энергетической безопасности — до борьбы с эпидемиями и экологическими бедствиями, мы будем и далее укреплять свою роль и авторитет как ответственного члена регионального сотрудничества и международного сообщества.

Это выражается в наших добрососедских взаимоотношениях с Россией и Китаем, которые являются приоритетными, а также в нашей заинтересованности и практических шагах по развитию стратегического партнёрства с США и многостороннего сотрудничества со странами Европейского союза.

Двадцать девятое направление — Активная роль Казахстана в обеспечении региональной стабильности, развитии экономической интеграции стран Центральной Азии и формировании динамичного рынка в зоне Каспийского и Чёрного морей.

Для использования преимуществ регионального развития нужно обеспечить более глубокую и взаимовыгодную интеграцию стран региона.

Это находит практическое отражение в конструктивных инициативах Казахстана по интенсификации сотрудничества в Центральной Азии, в Азиатском и Ближневосточном регионах по укреплению таких региональных структур, как ЕврАзЭС, СВМДА, ШОС.

В этой связи нам в дальнейшем предстоит:

во-первых, договориться с нашими соседями о развитии более благоприятного делового климата на всей территории Центральной Азии. Может потребоваться заключение особых соглашений, которые позволят нашим компаниям свободно инвестировать средства в соседние страны и устранить бюрократические и протекционистские барьеры на пути импорта и экспорта, а также движения капитала и рабочей силы;

во-вторых, мы должны сосредоточить свои усилия на вопросах реализации проектов в государствах Центральной Азии с привлечением зарубежных финансовых институтов и отечественных компаний. И в первую очередь это задача фонда “Казына”;

в-третьих, совместно с нашими соседями можем обсудить введение специального режима перемещения рабочей силы. Мы за свободное, но управляемое движение квалифицированной рабочей силы в странах Центрально-Азиатского региона.

Тридцатое направление — Утверждение позиций Казахстана как центра межкультурного и межконфессионального согласия в развитии “диалога цивилизаций”.

В международном сообществе уже получила признание наша последовательная политика, направленная на обеспечение толерантности, межконфессионального и межкультурного согласия представителей всех национальностей, проживающих в нашей стране и представляющих единый народ Казахстана.

Во-первых, сегодня необходимо продвижение на новый уровень роли Казахстана как одного из важных международных центров межкультурного и межконфессионального диалога. В случае необходимости наша страна могла бы выполнять и функции международного посредника для нахождения взаимно приемлемого политического решения в потенциально конфликтных ситуациях.

Во-вторых, думаю, что с рядом государств, которые также заинтересованы в расширении и углублении диалога цивилизаций, мы могли бы совместно выступить с крупными международными инициативами, направленными на сближение понимания между Востоком и Западом по ключевым проблемам современного мироустройства.

Дорогие казахстанцы!

Уважаемые депутаты и члены Правительства!

Дамы и господа!

Достижение тех высоких целей, которые мы перед собой поставили, потребует дополнительной мобилизации усилий и во многом нового, неординарного отношения и подходов к делу со стороны всех органов и институтов власти, делового, научного и экспертного сообществ.

И самое главное: процесс комплексной модернизации должен происходить в интересах и с непосредственным участием всего населения страны, всех слоёв и институтов общества.

Валентина ГОРБЕНКО-СУСЛОВА

“Отечество – от Бога, отчество – от отца...”

Вопросы конца

Жизни земной дорога —
Промысл дивный Творца.
Отечество — от Бога,
Отчество — от отца.

Краткий век или долгий —
Помни совет мудреца:
Не забывай Бога.
Не оставляй отца.

Самым главным итогом
Будут вопросы конца:
Как послужил Богу?
Как почитал отца?

Подруга

Когда порой бывает туго,
И только пепел от костра.
Подруга, словно помощь друга,
Придёт неслышно, как сестра.

И что-то скажет в утешенье,
Помолится с тобой в тиши.
И слово нужное — терпенье —
Спасеньем станет для души...

**Валентина
Васильевна
ГОРБЕНКО-СУСЛОВА**

родилась в 1958 году в селе Крещенка Сергеевского района Северо-Казахстанской области. С 1975 г. живёт в Петропавловске. Окончила педагогический институт имени К. Д. Ушинского. Публикуется с 1972 г. в периодической печати области и республики. Печаталась в “Ниве”.

В 1997 г. в Петропавловске и в 1999 г. в Омске вышли в свет поэтические сборники с одноимённым названием “Негромкое эхо”. В 2005 г. издательство “Северный Казахстан” выпустило книгу стихов Валентины Горбенко-Сусловой “Прости и мне...”. Поэтическую подборку из этой книги мы предлагаем вниманию читателей “Нивы”.

Куда-то всё спешу. Куда-то всё бегу.
Чтоб выжить, снова лезу вон из кожи...
Я больше не могу! Так больше не могу!!!
Но... знаю... Ты мне, Господи, поможешь...

Признаться не стыжусь: я всё ещё люблю!
И пусть такая доля мне досталась —
Все думали — смеюсь. Все думали — пою,
А я слезами сердца умывалась.

С кольцом или без кольца — нет у любви конца,
И в испытаниях сильной быть старалась...
Училась у людей. Училась у отца:
Сквозь слёзы, как ребёнок, улыбалась...

С. С. В.

Жизнь земная пройдёт в одночасье,
Много лет мне желать не спеши.
Не желай мне здоровья и счастья —
Лишь спасения грешной души.
Крест тяжёлый молитвой простою
Помоги мне, родная, нести.
... Каждый будет своею тропею
На Суд Божий со страхом идти.
Дай мне, Боже, смирения и силы.
Даруй, Господи, время любить.
И младенцем в рубаше крестильной
Чистым сердцем и разумом быть...

Без отца

Какой красивый, Господи, рассвет,
А папёнки на белом свете нет.
И мама провожает от крыльца,
Но без отца.
Как не хватает двух отцовских рук,
Что согревали средь снегов и вьюг,
Его походки быстрой — всё бегом.
Успеть кругом.
И так до дней последних, до конца
Жить без отца.
Без тыла крепкого, что, как броня,
Берёт меня...

Наказ отца

Без отца детей не оставляйте.
Мужиков своих не выгоняйте.
Хоть какой ни есть — а всё ж — отец...
И скворечники не трогайте... Скворец

Будет петь весною серенады.
 Только вот, наверно, без меня.
 Хорошо, шо вы слетелись. Рядом
 Шесть "горобчиков" моих. Горобенят...
 Дочки... Дочки... Что ругал — простите...
 Лопалось терпенье у меня...
 Сам же... Не был никогда учителем,
 Но учил всю жизнь. И без ремня.
 А своим примером. Трудолюбием.
 Всех умел простить и всё понять.
 Внуки, берегите бабу Любу!
 Напоследок всех хочу обнять...
 Как любил вас, дети, и представить
 Вы не можете. Тут не нужны слова...
 Жаль, что вас пришла пора оставить...
 Только попрошу — не горевать...
 Вон вас сколько! Детки мои, детки,
 Яблоньки из сада моего.
 И у каждой яблочки-ранетки.
 Больше мне не надо ничего.
 Вы из дома далеко не уезжайте.
 Жаль... Всех правнуков увидеть не успел:
 То, шо нэ зробыв — вы продолжайте.
 Пойте, шо ваш папка не допел...

Деревенские узоры

Всё люблюсь на подзоры,
 Прикасаюсь к ним рукой...
 Деревенские узоры
 Вышиваю я строкой —
 Гладью, крестиком, цепочкой—
 Мальвы в дедовом саду,
 То при свечке, тёмной ночью,
 То на зорьке, то в бреду,
 То подсолнух в огороде
 До утра не даст уснуть,
 То берёзки в хороводе -
 Стёжка к стёжке — дивный путь...
 То тропиночкою к дому
 Лётся тонкий ручеёк,

То Ишима рядом волны
 Проплывают между строк...
 То, как тётка Катэрына
 "По-пид-хатамы" хожу.
 И для деточек картины —
 Маки красные ношу.
 То, как мама, колокольчик
 С васильком вплету в букет,
 И оставляю милой дочке
 Вышитый рушник — сонет...
 ... Пусть давно мне домом — город,
 Но село, как свет в окне...
 Деревенские узоры
 Не дают покоя мне...

Горобец

Есть маленькая птица — горобец,
 А если нежно, ласково — горобчик.
 Он — не певчий по весне скворец,
 Он словно шустрый деревенский хлопчик.
 Так воробьёв зовут у нас в селе —
 То "чудо в перьях" каждому знакомо —
 Они повсюду — и на всей земле
 Живут себе, родимые, как дома.

А воробей живёт, где нарождён,
И в тёплые края не улетает.
Он, как и я, наверно, убеждён:
Родней земли, чем эта, — не бывает.

Я никогда не налюбуюсь этой синью,
Как и не выскажу всю глубь своей души.
Меня земля когда-нибудь обнимет
И убаюкает в полуночной тиши.
Я никогда не потеряю то, что в сердце
Храню сокровищем на острове Любви.
Озябну вдруг — зови меня погреться
К костру, горящему в ночи. Зови!
Зачем не сплю? Пишу? Пою? Не знаю.
Чтобы услышал кто-нибудь — и вдруг
Однажды понял: снег в ладонях тает
Лишь от тепла... из неостывших рук...
... Уйду и я. Рабою многогрешной.
Да с безыскусным : “Господи, прости...”
... Всё было временным. Земным и здешним.
Моей Тропою. На моём пути...

Материнские письма

Песня

Матери, Любови Фёдоровне Горбенко

Тонкой ивой стою над притихшей рекой.
Вновь я малым дитём в материнских объятьях,
Пахнут мамины руки парным молоком,
Пахнет мамой простое, в горошину, платье.

Нежный ласковый взгляд много вёсен подряд
Смотрит в совесть мою, в мои строчки и мысли,
И зовут, и манят, и со мной говорят
Материнские письма. Материнские письма.

Словно кадры в кино “Это было давно...”,
Словно настёжь окно — дышишь воздухом чистым.
Вас навеки хранить, как святыни, дано,
Материнские письма. Материнские письма.

Тёплым дождиком слов нам роняют любовь.
Видишь, радуга вновь коромыслом повисла?
Как черёмухи куст, как молитва из уст —
Материнские письма. Материнские письма.

... Лётся жизни река, а над ней — облака,
И, как волны, года ищут тихую пристань.
Для меня навсегда вы — святая вода,
Материнские письма. Материнские письма.

Светлый ангел любви, мой свидетель в пути,
По которому мне крест нести во спасенье,
Ты мне, мама, прости все слезинки в горсти,
Все полёты птенца твоего и паденья.

На колени склонюсь. Прямо к сердцу прижму,
И на вас я всю жизнь буду слёзно молиться,
Вы храните меня. Вы простите меня.
Материнские письма. Материнские письма.

Материнское поле любви

Здесь родное раздолье. Богом данная доля,
Здесь святые мозоли на ладонях земли.
Дай наплакаться вволю, васильковое поле,
Материнское поле бесконечной любви.

Здесь солёные росы. Луговые покосы.
Золотистые косы колосками легли.
Встретишь с хлебом и солью, васильковое поле,
Материнское поле бесконечной любви.

Если в сердце тревога — собирайся в дорогу.
Матерь Божию в помощь днём и ночью зови:
Сохрани под Покровом васильковое поле,
Материнское поле бесконечной любви.

Ни о чём не попросит, обо всём порасспросит,
Не помянет плохого. Красотой удивит.
Как бескрайнее море, васильковое поле,
Материнское поле бесконечной любви.

Цвета синего неба, вкуса тёплого хлеба,
Где б ни жил ты и не был — и вблизи и вдали
Помни в счастье и в горе васильковое поле,
Материнское поле бесконечной любви.

Пусть не скажу мудрость —
Дело совсем не в ней:
Мне и с тобой — трудно,
Но без тебя — трудней.
Радость, как свет в окошке,
Вижу в чужом окне.
Ты подожди немножко,
Вновь повторяешь мне...
Солнечный зайчик снова
Прыгает по стене.

Ты повторяешь слово
То, что поможет мне.
В слове “прости” столько...
Песня любви плывёт:
Мне и с тобой — горько,
И без тебя — не мёд.
Слушаю, понимая, —
Нужно поверить вновь:
— Это любовь, родная,
— Это, родной, любовь.

Повторение

Прости и мне, что я жалеть устала
Тебя, себя... Что как-то пусто стало
Там, где на первый взгляд — полным-полно
Того, что может нужным показаться.
Но с этим поскорей хочу расстаться,
Непонятая. Знаю — почему.
Но и непонимание приму,
Как данность, посланную мне средь суеты.
... Как непонятно упадут цветы
К ногам моим. И только наклонясь,
И на колени встав и помолясь,
Почувствуешь, что повторилась ночь,
И так же повторяется точь-в-точь
В другой любви и в жалости другой
Моих ошибок узелок тугой...

Течёт река жизни

В. И. Трусову

... Всегда незаметен. В сторонке.
Блестит седина на висках,
К чужому больному ребёнку
Придёт с апельсином в руках,
Забыв про несчастье и хвори,
Про боль, что в родимом дому,
Идёт он — про личное горе
Ни слова. Ему одному
Оно — нарождённой строкою,
Душою написанных книг.
И жизнь широкой рекою
Течёт и течёт... Для других...

Ирине Матвеевой

Я не встречала женщин некрасивых,
Они порой застенчивы, тихи.
То, как ручей весенний, говорливы.
А как они вплетаются в стихи!
Украсив их своей красой неброской,
Сразив одним движением руки,
Их ласково сравнит поэт с берёзкой
И с ивушкай зелёной у реки.
Их взгляд — то грустен, то, как утро, светел.
Красавицею каждую зови!
Пока есть женщины на белом свете —
Живут слова признания в любви!

А жизнь казалась сказкой новогодней
И счастье наяву, а не во сне...
Ты вспомни обо мне хотя б сегодня,
Хотя б сегодня — вспомни обо мне.

Любовью первой постучался ветер,
А ты мне куклу Инку подарил,
А я была счастливей всех на свете...
Лишь оттого, что ты меня любил.

За нами следом поспешили годы,
Оставив каждого наедине...
Ты вспомни обо мне хотя б сегодня,
Хотя б сегодня — вспомни обо мне.

Обида

И было нас (случайно, нет ли?) — двое,
А третьей лишней — пряталась молва.
Ты мне сказал банальное: “Не стоит...
Не стоит обижаться на слова”.
Я так старалась позабыть обиду,
Что встала между нами на пути.
А ты спросил по-детски: “Ты простила?”
— Простила... Пусть и Бог тебя простит.
Обида нас преследовала долго ,
То исчезала, то являлась вновь.
И что позор, и что там чувство долга?
Где есть прощенье — там жива любовь...

Может быть

Шар земной так загадочно вертится:
Где-то сходятся чьи-то пути...
Может быть, мы когда-нибудь встретимся,
Может быть, ты мне скажешь “Прости”...

Лучшие друзья — бывшие враги —
Те, что примирились, словно дети.
Если я прошу, если ты простишь —
Будет меньше зла на белом свете...

Оправдание

Прости и мне, о Господи, молю я,
Мой грешный след на матушке-земле.
Мне оправдание одно: люблю я!
Хотя б за это, Боже, пожалей...

Маргарита РОЗЕН

Элемент неожиданности

Повесть

Глава 1

Белый потолок... Белый, с мелкими трещинками от старости. Сумрачный свет из окна, затянутого мелкой металлической сеткой. Сил нет пошевелиться. А надо ли? Скосив глаза, можно увидеть всё, что есть в этой убогой комнатке. Ещё одна кровать напротив, заправленная байковым одеялом, как в больнице. Наверное, это и есть больница. Как она попала сюда? Сбила машина? Ватные, в мозгу вяло ворочались мысли. Не хотелось даже думать. Лучше смотреть в потолок, на его мелкие трещинки. А ещё лучше — спать. Спать долго, не просыпаясь. И она опять уснула.

Следующее пробуждение было несколько иным. На тумбочке у кровати появилась белая тарелка со слегка пригоревшим омлетом, булка на салфетке, какая-то мутная бурда в гранёном стакане.

— Ну, есть будем или глаза таращить? — послышался голос над самой головой.

Анна прислушалась к себе. Есть не хотелось. А раз не хочется есть, незачем и отвечать.

— Ты что, не слышишь?

Крупная тётка с простецким лицом появилась в поле зрения.

— Надо поесть, а то ты вон какая худая — мощи.

Хорошо, пусть мощи. Но есть всё равно не хочется. И говорить тоже. Анна закрыла глаза. Если бы не эта замедленная ватность мыслей, может быть, она бы и сказала что-нибудь.

Тётка покачала головой и удалилась. Через некоторое время явилась девчонка с большим флаконом, ловко впихнула его в петлю на стойке для систем, и Анна почувствовала укол в руку. Усталость не позволяла Анне открыть глаза, не позволяла говорить и даже думать. Ей хотелось только спать. Хорошо, что исчезла эта, с омлетом. Запах жареного яйца раздражал.

— Не больно под иглой? — поинтересовалась девчонка.

Какая разница? Больно, не больно... Кого это может интересовать? Анне, по крайней мере, совершенно неинтересно. Лишь бы оставили в покое. Девчонка привязала куском бинта Аннину руку к кровати, чтобы ненароком не выскочила от случайного движения игла, и вышла.

Без неё было лучше. Никто не мешал. Унялись и мысли, голова была тяжёлой, но абсолютно пустой. Так легче. Дрёма явилась сразу же, как только девчонка ушла, и завладела Анной.

В другой раз она проснулась ночью, проснулась от какого-то тягостного кошмара, разбудившего её. По потолку время от времени проползали светлые

полосы отсветов автомобильных фар, видимо, рядом была дорога. Анна вяло подумала о том, что здесь хорошо, не нужно куда-то идти, что-то делать.

На соседней кровати кто-то заворочался тяжело, заскрипели пружины матраца. Анна, скосив глаза, увидела большое тело, простёртое на кровати. Спящая сонно забормотала, путая ударения и глагольные формы, и Анна поняла, что соседке тоже снится кошмар. Подумала об этом без сочувствия, просто констатируя факт. Думать тоже было лень.

Анна бездумно лежала на спине, глядя в потолок, это занятие ей нравилось. Смутное чувство тревоги предостерегало от экскурсов в прошлое, мозг милосердно блокировал память. Анна не знала — кто она, откуда, что вообще происходит. Да и всё равно это. В Аннином мире ничего не происходило, и слава Богу. Полежав так, с открытыми глазами некоторое время, она опять уснула, на этот раз до утра.

— Кошмар — спит, а глаза открыты, — услышала Анна голос над собой.

— Ещё не такие бывают, поработаешь, увидишь, — ответил кто-то.

Изображение выплывало мутно, как в старом телевизоре, и Анна поняла, что в глазах стоят слёзы. Поморгав, она освободилась от слёз, сбегавших по вискам, и увидела, что над ней стоят две девицы в белых халатах. Та, что постарше, заметила осмысленное выражение Аннинных глаз и сказала:

— Просыпайтесь, дамочка, обход.

В палату входил кто-то ещё, Анна не видела, потому что лежала головой к двери. Высокий пожилой мужчина и женщина Аннинных лет. Они подошли к Анне, женщина заглянула в блокнот и объяснила:

— Неконтактна, Андрей Владимирович.

— Ну почему же сразу — неконтактна, Юлия Петровна, может быть, ещё не прошли последствия шока.

Какого шока? О чём он? Мужчина холодными сухими пальцами взял Анну за запястье.

— Не хотим разговаривать? Ну и не надо. Когда захотите — сами заговорите.

Голос у доктора был славный, спокойный, низковатый. С доктором Анне хотелось заговорить, но — вот закавыка — не получилось. Просто ничего не шлохнулось ни в гортани, ни в груди. Анна поняла — так надо, и закрыла глаза.

Доктор заговорил о чём-то с девицами, Анна не слушала. Какая разница — о чём. Раздражал запах съестного, на тумбочке опять стояла какая-то еда. Неужели же не могли унести? Анна попыталась отвлечься от запаха, и это ей удалось.

После обхода другая, незнакомая медсестра снова принесла флакон для системы. Сестра была молодая и какая-то... домашняя, что ли. Собирая систему, она приговаривала:

— Ну вот, сейчас сделаем вливание, и сил прибавится. Успокаивающих вам нынче не велили, только витамины. Так что оживайте, хватит уже дурака валять.

Анне понравилась молодая сестра, её тёплые, чуточку шершавые пальцы. Но сестра быстро управилась с системой и вышла, а Анна осталась с невероятно толстой соседкой по палате. Та сидела на своей кровати, раскачиваясь, как китайский болванчик, и бормотала: “Ось, бачь, шо роблять — кожной людынэ по машинке у голову заховалы... Машинка — “тюк-тюк-тюк”... Ай, горе ж, горе!”

Анна не сразу сообразила, что перед ней — сумасшедшая. Когда поняла, успокоилась. Она ведь тоже не в своём уме. Так что всё в порядке. “Ось, бачь шо роблять...” — снова завела полоумная, но в палату заглянула сестра.

— Оксана Григорьевна, не беспокойте соседку, ей нужно отдохнуть, — строго сказала она. — Да и вам бы прилечь не мешало.

— Да я ж разве ж... А! — хохлушка обречённо махнула рукой и послушно легла.

Анну опять клонило в сон. Она и не думала сопротивляться, спать — это хорошо...

Анна потеряла счёт времени, но здесь она находится уже более недели. “Здесь” — это в стационаре городского психоневрологического диспансера. Хохлушка-соседка оказалась вполне безбидной. Только всё стонала о машинках в голове и примерно много ела. Аппетит у Анны был плохой, Оксана Григорьевна доедала и то, что не стала есть соседка. Кроме этого, ей часто носили передачи из дома, с ними хохлушка тоже расправлялась весьма быстро.

К Анне приводили девочку лет семнадцати, которая называла её мамой. Может быть, это и была дочь, кто теперь сможет утверждать это наверняка? Были и другие посетители — молодая женщина и старушка. Попытались разговаривать Анну, угощали домашней жареной курицей. Курицу после их ухода съела Оксана Григорьевна, а поговорить Анна так и не смогла. Это было выше её сил, казалось, что заговори она, и сейчас же случится что-то ужасное. Сама собой немела гортань, слов не было, как и голоса для их произнесения. Кроме того, Анна не могла узнать ни молодую женщину, ни старушку. “Неконтактная” — это слово закрепилось за Анной среди медперсонала стационара.

Анна уже могла вставать, ходила по коридору, испуганно шараясь, когда кто-либо из больных обращался к ней. А в общем, ей нравилось в тихих стенах, с панелями, выкрашенными фисташковой краской. Нравилась сестра Люба, та, с тёплыми шершавыми пальцами, и заботделением Андрей Владимирович. Не нравилась санитарка Таня, считающая, что при “неконтактной” Анне можно болтать всё, что угодно, и сёстры Галя и Тамара, сплетницы и грубиянки. Однажды, прогуливаясь по коридору, Анна видела, как Тамара обнималась с санитаром Равилем. Увидев Анну, Равиль отстранился, а Тамара только рассмеялась:

— Ты чего? Она же неконтактная.

Анна быстро привыкала к больничной жизни, тем более что многого от неё не требовалось, — когда скажут — вставай, когда скажут — ложись. Безропотно ходила на положенные процедуры, принимала назначенные препараты. “Чудо, а не больная”, — говорила лечащий врач Юлия Петровна. Андрей Владимирович не соглашался с ней, но при Анне никогда не высказывал своего мнения. Зато подолгу беседовал с больной. Впрочем, слово “беседа” не очень подходило к тем монологам, которые выслушивала Анна. Андрей Владимирович оказался очень образованным и интеллигентным человеком, слушать его было одно удовольствие. Жаль только, что у него не всегда находилось время для “беседы”.

Проснувшись однажды утром, Анна заметила, что палата наполнена голубоватым, непривычным светом. На обыкновенный рассвет это не походило. Анна встала и в одной рубашке подошла к окну. За тонкой сеткой, за оконными переплётами лежала заснеженная земля. Чернела только дорога за оградой больничного садика, да ветки корявых клёнов, росших в нём. Зрелище было завораживающее — весь мир в тонких сверкающих пеленах первого снега. Анна залюбовалась.

За её спиной таякко заворчалась Оксана Григорьевна, сонно бурча о своих машинках. Анна вернулась в постель.

В этот день она впервые пошла в мастерские, Андрей Владимирович рекомендовал ей трудотерапию. В мастерских женщины в серых фланелевых

халатах складывали коробки для тортов. Анне показали, как это делается, очень просто — берёшь заготовку, сгибаешь по заранее продавленным линиям, а потом заправляешь “ушки” в предназначенные для них прорези. И всё, коробка готова.

Работая, женщины переговаривались между собой. Некоторые из них были из Аннинного отделения, она знала их в лицо. Были здесь и те, кого называли “наркошами”, пациентки наркологического отделения. Эти, нисколько не смущаясь, нецензурно ругались, бегали курить во двор. Среди истасканных лиц алкоголичек мелькали и совсем юные девичьи личики, и Анна дивилась, — они-то как сюда попали? С Анной тоже пытались заговорить, но очень скоро вся мастерская узнала, что Анна — “неконтактная”, и попытки прекратились.

Лучше всех в мастерской была Екатерина Ивановна, пожилая, умная женщина, для каждой находившая доброе слово. Позже Анна узнала, что Екатерина Ивановна, несмотря на серый халат, вовсе не больная, а старшая сестра, методист по трудотерапии. Екатерина Ивановна оберегала безответную Анну от задиристых “наркош”, не давала другим больным донимать её расспросами. Большинство женщин казались Анне совершенно нормальными, и она не понимала, — что они здесь делают. Ладно, она — сумасшедшая, как бедная Оксана Григорьевна, а эти-то зачем здесь?

Однако жутковатый приступ, случившийся с одной из товарок, убедил Анну в том, что нормальных здесь нет. Женщина, только что споро работавшая, невнятно забормотала, швырнула недоделанную коробку и закружилась на месте. На губах припадочной выступила пена, взвизгивая и завывая, женщина нелепо топталась, кружась и взмахивая руками. Возле несчастной сразу оказалась Екатерина Ивановна, откуда ни возьмись, появился Равиль. С трудом женщину остановили и увели в лечебный корпус. Анна потрясённо смотрела на брошенную коробку, чужой припадок испугал её.

Ночью Анна долго не могла уснуть, всё чудилась бесноватая, кружащаяся в своём диком танце. Ворочалась на постели, пока в палату не заглянула дежурившая в тот вечер Люба.

— Заснуть не можете, Анна Георгиевна? — заботливо спросила она. — Может, укольчик? Ах, да, что же я спрашиваю-то...

Люба вышла и вернулась со шприцем. После укола мягкая дрёма окутала Анну, и она сама не заметила, как уснула.

Дни в больнице похожи один на другой. Счёт времени совершенно теряется. Анна помнит, что это было тогда, когда снег уже много дней крепко лежал на земле и таять не собирался. Андрей Владимирович вызвал Анну в свой кабинет и сказал:

— Мне трудно об этом говорить, Анна Георгиевна, я не знаю, — помните ли вы, что у вас был муж.

Анна привычно присела в мягкое кресло для посетителей и приготовилась слушать. Андрей Владимирович всегда интересен. А он обхватил худыми руками крахмальный белый халат на костлявых плечах, тихо сказал:

— Ваш муж, Игорь Корилин, погиб. Примите мои соболезнования.

Анна непонимающе посмотрела на Андрея Владимировича. При чём здесь какой-то Корилин?

Завотделением встал из-за своего стола и прошёлся по кабинету. Посмотрел в окно, словно увидел за ним нечто, чрезвычайно заинтересовавшее его, и, не оборачиваясь, произнёс:

— Пожарные говорят, что заснул с сигаретой.

Анна спокойно приняла это к сведению. Курить в постели очень опасно, она это знает. Часто слышала о подобных пожарах. Но она-то не курит в постели и вообще не курит, зачем ей это говорить?

Она так и не поняла, — чего хотел от неё Андрей Владимирович.

В этот день ей разрешили не ходить в мастерскую, а после обеда позвали в комнату для посетителей. К Анне пришли все трое — старушка, молодая женщина и девочка. Все они были в чёрном, старушка то и дело вытирала слёзы. Анне стало жаль женщин, наверное, у них случилось тяжкое горе. Она обнимала их, гладила по плечам, но от этого слёз только прибавилось. Тогда Юлия Петровна сказала, что посещение окончено. Анна вернулась к себе в палату с ощущением непонятной печали. Даже не печали, а невозвратимой утраты. Откуда оно взялось, это ощущение?

Она привыкла к бормотанию Оксаны Григорьевны и уже не обращала на него внимания. Только сегодня почему-то стало щемяще жаль безумную старуху. Анна под села к ней на кровать, обняла за пухлые и мягкие плечи и так и сидела, покачиваясь вместе с ней, пока не пришла пора идти на процедуры...

Ничего не менялось в Анниной больничной жизни. Память к ней так и не вернулась, дар речи тоже. Только мысли стали немножко живей, не такие ватные, как в начале её пребывания здесь. Однажды она слышала, как Тамара рассказывала Гале о том, как она, Анна, попала сюда:

— Её на “скорой” в БСМП привезли — отравление алкоголем и общее истощение организма. Полосу на шее уже после разглядели, когда она в окно сиганула. С первого этажа! Представляешь? Только тогда допетрили, что её к нам надо было. Я как раз тогда дежурила...

Девчонки мерзко захихикали, а Анна задумалась. Неужели это было с ней? Почему — из окна? И что за полоса на шее? Анна провела по горлу рукой, ничего особенного там не чувствовалось. Потом решила, что сплетничали не о ней. Мало ли о ком могут сёстры чесать языки?

Анна исправно ходила в мастерскую, делала коробки. В отделении её причислили к разряду “хроников”, возили куда-то на обследование, чтобы оформить пенсию по инвалидности. Пенсию так пенсию, она же всё равно работает. Правда, где-то далеко, на самом краю восприятия, думалось, что есть и другая работа. Необыкновенно интересная и живая. Есть, но, наверное, не для больных.

В этот день всё началось как обычно. Анна старательно складывала разноцветные коробки, одновременно думая о том, что жить можно и здесь, стоит только привыкнуть к распорядку. Тем более что другой жизни она попросту не помнила. За окнами, затянутыми обязательной сеткой, тихо вставал серенький рассвет, и на душе было так же серенько и покойно. Казалось, ненарушимость этого бытия вечна, так будет всегда. Дикий вопль, разорвавший привычное шуршание картона в руках работниц, испугал Анну. Она вскочила со своего табурета. В проходе между столами, сцепившись, яростно дрались две женщины. “Наркоша” и “острая”. Нецензурная брань, вопли боли и гнева, грохот сшибаемых дерущимися табуретов, — всё это немедленно привлекло внимание санитаров, Равиль и дядя Коля бросились разнимать женщин. В потасовке досталось даже огромному, как глыба гранита, Равилу. Вzbесившихся бабёнок растаскивали в разные стороны, с нечеловеческой силой они вырывались, так что их рабочие халаты и обрывки белья вскоре остались в руках у санитаров. Окровавленные и полуголые, женщины вновь и вновь вцеплялись друг в друга. Тогда на помощь пришли незнакомые Анне мужики из техперсонала. Бабёнок свернули в

бараний рог и, яростно матерящихся, выволокли из мастерской. Анна всё это время стояла, широко открыв глаза, из прострации её вывела Екатерина Ивановна, тоже пострадавшая в свалке. Прижимая носовой платок к длинной царапине на лице, она сказала:

— Ну что же ты, Аннушка? Они совсем сбрендили, а нам работать надо.

Если бы могла, Анна спросила бы, — что теперь с ними будет? Но это было ей не под силу. Она сделала единственно верный вывод — от “наркош” лучше держаться подальше.

Анна сидела в комнате отдыха у телевизора, когда к ней пришёл посетитель. Ей не хотелось отрываться от забавного мультлика, да и не ждала она ничего от всех этих посещений. Всё равно никого из этих людей она не знала.

— Идите, — сказала Люба, — нехорошо, да и человек уж больно солидный.

Любе Анна верила, поэтому пошла. Он ждал её нетерпеливо, расхаживал по комнате для посетителей, заложив руки за спину. Мужчина и впрямь выглядел очень представительно. Анна отметила хороший костюм и привычно повязанный галстук в тон к рубашке. Так носят только повседневную одежду. Увидев Анну, мужчина радостно подался ей навстречу. Но тут же радость его поблёкла, как-то съёжилась и исчезла совсем.

— Ну здравствуй, Аня, — сказал мужчина, — неужели и впрямь не узнаёшь?

Анна смотрела на посетителя и не знала что делать.

— Эх, Аня, Аня... Я-то надеялся, думал до пенсии нам с тобой в одной упряжке... — с огорчением сказал мужчина, грустно посмотрел на неё и вздохнул.

— Ну ладно, не будем посыпать головы пеплом. Я бы и дальше ждал, но, понимаешь — штатное расписание. Ты же помнишь, — у нас работать некому.

Он помолчал немного и добавил:

— Вещи твои девчата собрали, в том числе и из сейфа. Полдня мучились, пока открыли. Всё здесь, в камере хранения больницы. Будешь выписываться — заберёшь.

Тут мужчина вспомнил о пакете с фруктами, лежащем на столе.

— А это тебе. Совсем забыл с этими переживаниями, старый осёл. Прощай, Аня. Скорейшего тебе выздоровления.

Алексей Аркадьевич Крымов — так звали посетителя. Это было написано и на визитке, которую он положил на стол. Только Анне это имя ни о чём не говорило. Она поняла только, что когда-то, до болезни, работала вместе с этим человеком. Воспоминания о самой работе и людях, окружавших Анну тогда, оставались запертыми в её больном мозгу.

Потерять память — ощущение не из приятных. Анна чувствовала себя виноватой перед теми, кто когда-то знал её, виноватой за то, что она их не знает. Эти девушки, её большие дочери... Она и верила, и не верила в то, что это правда. Откуда у неё, такой крохотной (сорок два килограмма при последнем взвешивании) крупные и рослые дочери? Только зачем чужим людям притворяться родственниками, носить передачи в сумасшедший дом? Не в расчёте же на наследство? Тоже мне, вдову Кеннеди нашли.

Новый год свалился на Анну неожиданно. Радостная суета, уже несколько дней царившая в мастерской и в отделении, как-то прошла мимо сознания Анны, она не придала ей никакого значения. А теперь получается, что другие знали о празднике и готовились к нему, а Анна — нет. Впрочем, что с неё взять, она же неконтактная.

Люба принесла Анне красивое платье, тщательно отутюженное.

— Это вам на праздник.

Анна подняла на медсестру изумлённые глаза.

— Да нет, это не подарок, это ваше, я просто достала его из ваших вещей и привела в порядок.

Анна осторожно взяла платье из рук Любы и приложила к себе. Даже если оно когда-то было её, сейчас она явно худовата для такого наряда. А платье было хорошо. Анне, успевшей привыкнуть к больничным халатам, оно показалось верхом совершенства — чёрный бархат и серебряное шитьё. Неужели у неё когда-то были такие вещи? Впрочем, Анна прекрасно понимала, что многое ей придётся постигать заново, поэтому особенно не удивлялась. Это — как заново родиться.

В новогодний вечер больные собрались в комнате отдыха у телевизора. Маленькая капроновая ёлка заменяла настоящую, а на столах, принесённых сюда из столовой, красовались домашние яства. Не было только шампанского, но больным спиртное категорически противопоказано.

В честь праздника им даже позволили смотреть телевизор и после отбоя. И если бы не стоны Оксаны Григорьевны про машинки в головах, ничего бы не напоминало о том, что люди, собравшиеся в комнате, — пациенты психиатрической лечебницы.

Часов в одиннадцать в комнату отдыха заглянул Андрей Владимирович. Сёстры цыкнули на больных, ожидая строгого замечания, однако заведованием ограничился тем, что поздравил всех с наступающим 2004 годом и присел на диван — посмотреть телевизор. Равиль поспешно встал, уступая место, и Андрей Владимирович оказался рядом с Анной.

— С Новым годом вас, — шепотком, чтобы не мешать смотреть телевизор, сказал Андрей Владимирович, — у вас очень красивое платье.

Анна напряглась. Зачем он это говорит? Она и сама знает, что платье красивое. Не отводя глаз от экрана, Анна думала о том, что доктор наверняка догадывается о том, что она всё понимает. Только говорить не может. Ну просто, как собака. Почему-то Анне стало неловко, словно её уличили во лжи.

— Хотите погулять по саду? — неожиданно спросил Андрей Владимирович, — там сейчас чудесно.

Если бы Анна в самом деле была собакой, она бы завиляла хвостом, а так — только растерялась. В самом деле, — как быть, если ответить не можешь? Кажется, медики называют это разрывом ассоциативных связей. Стоп, а это ещё откуда? Не слишком ли сложная мысль для сумасшедшей?

Повинуясь приглашающему жесту, Анна поднялась с дивана и пошла за доктором.

— Вот незадача-то, — спохватился Андрей Владимирович, — не в платье же вам гулять, а верхней одежды сейчас не добыть, камера хранения закрыта.

Он минутку подумал, потом решил на что-то, попросил Анну подождать и вернулся в комнату отдыха.

— Всё в порядке, Люба одолжит вам своё пальто.

Люба сходила в ординаторскую и принесла оттуда драповое пальто синего цвета и лисью ушанку. И то и другое Анне было великовато, но выбора-то всё равно нет.

Миновав несколько дверей и длинный коридор, они вышли на улицу. Свежий морозный воздух защекотал ноздри, закружил голову. Анна взглянула в тёмно-синее небо, усыпанное алмазной россыпью звёзд. Небо показалось ей очень

высоким, таким она его никогда не видела. “Так вот она какая — алмазная пыль!” — радостно подумалось ей.

Андрей Владимирович тоже поднял худое лицо к звёздам.

— Красиво, правда? Напоминает “Ночь перед Рождеством”.

Анне вид звёздного неба ничего не напоминал, она просто любовалась им. Взяв Анну за руку, доктор повел её по расчищенной дорожке в сад. Вечером выпал иней, и даже оголённые деревья блистали бриллиантовыми искрами.

— Знаете, Анна, я не перестаю думать о вас с тех пор, как вы поступили в наше отделение, — признался Андрей Владимирович и тут же поправился. — Точнее — о вашей болезни. Функции мозга — малоизученная область медицины, здесь трудно что-то утверждать с большой вероятностью. Однако обследования показали, что органических изменений в вашем мозговом веществе нет. Значит то, что случилось с вами, — функциональное расстройство.

Доктор выпустил Аннину руку и нервно прошёл вперёд. Обернувшись к Анне, добавил:

— Анна, вы практически здоровы. Вам здесь не место, но куда вам податься, — вы же совершенно беспомощны. То, что произошло с вами, рано или поздно пройдёт, и вы сможете быть такой же, как все.

Он смутился, помолчав, поправился:

— Конечно, такой, как все, вы не будете. Вы — необыкновенная. Нежная, кроткая...

Анна жалела, что не может ничего ответить. Да и как оставить такие слова без ответа? Вместо легковесных, мало чего значащих слов, она подошла к Андрею Владимировичу и, приподнявшись на цыпочки, коснулась губами его впадой щеки. Он обнял её, целуя лицо, шептал что-то, что было вовсе не обязательно, ведь всё ясно было и так...

— Анна, — заговорил Андрей Владимирович, немного успокоившись, — уже пять лет, как от меня ушла жена. Вы — вдова, кроме того, мало что помните из прежней жизни. Разве вас мне не Бог послал? Хотите, — перебирайтесь ко мне, будем строить новую жизнь.

Доктор помолчал и добавил:

— Я буду очень заботиться о вас.

Анна испуганно замотала головой. Она же сумасшедшая! Как можно жениться на сумасшедшей? Он не знает о голосах, раздирающих порой её сознание надвое, он не знает о минутах, когда она не может вспомнить, что делала только что, он многого не знает. Нет, так нельзя. Анна ещё раз решительно мотнула головой и пошла ко входу в здание.

Она уже ушла, а доктор всё стоял у заснеженного клёна и думал о чём-то своём. И кто знает, — были ли его мысли намного разумней, чем невысказанные доводы его сумасшедшей возлюбленной?

Январь 2004 года выдался холодным, неприятно было в лечебно-производственной мастерской стационара городского психдиспансера. Женщины теперь работали в телогрейках поверх байковых халатов, тепло сюда, на окраину города, поступало плохо. И если в палатах ещё удавалось поддерживать нормальную температуру, то в мастерской было холодно.

Анна привычно делала свою работу, когда к ней подошла Екатерина Ивановна.

— Аня, ты бы подменила, голубочка, Наташу, она на больничном с простудой.

Анна пожалала плечами, разве она справится? Наташа вела табель посещаемости мастерской, отмечала нормы выработки. По мнению Анны, это слишком сложно для неё.

— Ты уж постарайся, — попросила Екатерина Ивановна.

Анна получила потрёпанную конторскую книгу и шариковую ручку, приступила к своим новым обязанностям. Как оказалось, работа действительно была непростой. Если просто поставить отметку о посещении напротив фамилии пациентки не стоило ничего, то подсчёт выработки часто оборачивался для Анны мукой. Труднее всего было с “наркошами”, чёртовы бабёнки упорно не желали трудиться, подворовывали коробки у других работников или требовали, чтобы “Немтырь” поставила им такую цифру, которая их устроит. На “Немтыря” Анна не обижалась, но и в поводу у “наркош” не шла, из-за этого и случился скандал.

Среди “наркош” находилась молодая и красивая, но наглая до безобразия деваха по прозвищу Мотылёк. Работать красавица не желала, но и терять часть мизерного заработка не собиралась. И когда Анна подошла к её столу, Мотылёк демонстративно встала, уперев руки в бока.

— Ну ты, заморыш, мне поставь норму.

Анна посчитала сделанное Мотыльком и вывела в своей книге реальную цифру. Конечно, Анна помнила драку, случившуюся перед Новым годом, но не думала, что это может повториться. “Наркоша” заглянула в Аннину книгу.

— Ах ты, шалава! — вскипела Мотылёк и вцепилась Анне в волосы.

Гневный крик родился в душе Анны, но так и не прозвучал, трансформировавшись в ярость. Силы небольшой и щуплой Анны словно удесятились, и, не помня себя, она бросилась на Мотылька. Анну оторвали от долговязой девицы Равиль и Екатерина Ивановна, повели к выходу. Тяжело дыша, Анна всё оглядывалась на обидчицу. А у той вспухла рассечённая губа, на скуле лиловым наливался большой синяк.

— В буйное её, дуру ненормальную! — крикнула вслед “наркоша”.

— Без тебя разберёмся, — на ходу бросила Екатерина Ивановна.

В палате Анну прорвало, и она беззвучно зарыдала. Прибежала Галя со шприцем, сделала укол. Увидев, что Анну трясёт, прикрыла её одеялом. Медработники ушли, а Анна боролась со сном, вызванным транквилизатором, и пыталась понять, — как всё произошло. А что, если такие вспышки ярости будут повторяться? Это же страшно. Вдруг и впрямь переведут в буйное? Синтетический препарат, циркулировавший в крови Анны, всё-таки пересилил её страхи и сомнения, и Анна забылась беспокойным сном.

Она проспала ужин, проспала возвращение Оксаны Григорьевны с процедур, проснулась только ночью. Вспомнила о происшедшем и расстроилась. Немым укором на тумбочке лежали старая конторская книга и шариковая ручка. Анна включила голубой ночник, опасаясь разбудить Оксану Григорьевну, и раскрыла книгу, чтобы ещё раз взглянуть на эту проклятую цифру. Вот — “Вероника Малахова — 28 коробок”. Мотылёк явно отлынивала от работы, надеясь запугать субтильную Анну. А Анна избивала её за это. За это ли? Малахова первой бросилась на Анну, Анна только защищалась. Так ли это? Или больной мозг Анны выдаёт желаемое за действительное?

Анна раскрыла книгу на чистом листе. Он звал, манил, этот нелепо разграфлённый лист, на нём хотелось написать что-нибудь, далёкое от надоевших часов посещения и числа коробок, сделанных за день. И Анна написала: “Что есть норма? Не фикция ли, придуманная человечеством для того, чтобы

объяснить непонятное? И что можно считать нормой? Примитивные, но трезвые рассуждения Равиля или мой больной бред? Немота не означает глупость, но этого не понимают. Тамара может преспокойно обсуждать свои интимные отношения с Равилем, не смущаясь моим присутствием. Очевидно, она считает, что моя неспособность выразить свои мысли вслух равноценна их полному отсутствию.

Андрей Владимирович — милый, славный, но он не знает того, насколько я сама себя страшусь. Иногда он смотрит на меня так, словно читает мои мысли. Он — нормален? Где та грань, которая отделяет норму от девиации?

Моя агрессивная вчерашняя выходка — не признак ли это надвигающегося безумия? Мне страшно. Впрочем, чего бояться, я всё равно сумасшедшая, и сама об этом знаю. Стоп! Сумасшедшие не знают, что они сумасшедшие. Антитеза. Значит, не настолько уж я ненормальна. Или это самообольщение?

У меня нет воспоминаний, не связанных с больницей. Значит ли это, что их у меня вообще нет? Почему же при попытке припомнить что-нибудь более отдалённое ужас останавливает меня? Ужас перед чем? Или перед кем? Я никогда не узнаю истины". Анна поставила точку и задумалась. Откуда взялось умение письменно излагать свои мысли? Нужно попробовать узнать. Как? Если бы можно было просто спросить. Заглянуть в свою историю болезни. Все они хранятся в кабинете Андрея Владимировича, кабинет закрыт на замок.

Оксана Григорьевна страшно зарычала во сне, прервав ход мыслей Анны. Испугавшись, она выключила ночник. Если соседка проснётся, придётся оставшиеся полночи выслушивать бесконечный монолог о машинках в человеческих головах. Больная перевернулась на спину и задушенно захрипела. Ещё задохнётся так, ведь жиру-то сколько! Анна осторожно потрясла Оксану Григорьевну за мягкое, как подушка, плечо. Хрип не прекращался. Это уже страшно. Анна выскочила в коридор позвать кого-нибудь на помощь. На сестринском посту, отделённом от коридора толстым прозрачным пластиком, одиноко горела лампа под колпачком, наверное, Люба ушла вздремнуть в ординаторскую. Анна бросилась туда.

Когда они с Любой вернулись в палату, всё уже было кончено, Оксана Григорьевна не только не хрипела, она не дышала вообще. Анна потрясённо схватилась за щёки, Люба, приобняв её за плечи, повела из палаты.

— Что же тут поделаешь, миленькая Анна Георгиевна, у вашей соседки было больное сердце. Не расстраивайтесь так. Все мы смертны.

Анна шла, увлекаемая ласковой настойчивостью сестры, и в мозгу её вразнобой выли голоса. Она помнила — так уже было однажды. От этих голосов жутко болела голова. Не об этой ли машинке всё говорила несчастная Оксана Григорьевна?

Пока Люба звонила Андрею Владимировичу, Анна тихо сидела на диване в ординаторской и пыталась разобраться, — о чём воют голоса. Она оглушённо повернула голову, когда Люба спросила о чём-то, но не поняла ни слова. Люба сбегала на сестринский пост, вернулась со шприцем, наполненным прозрачной жидкостью. Боли укола Анна не почувствовала совсем. Голоса в сознании ахнули, и перед глазами больной поползла страшная картина: промозглая, вонючая дождевая мгла, свалка, труп у ног и мобильный телефон, весело наигрывающий "Шутку" Баха. А внизу, в замёрзшей руке — молоток с короткой шершавой ручкой. Глядя на всё это с дивана ординаторской, Анна с ужасом понимала, что там, на свалке — тоже она. И молоток в её руке — орудие убийства. Безысходное отчаяние захлестнуло горло, как некогда петля из серой от грязи верёвки...

Анна снова впала в прежнее состояние. Теперь она лежала в палате одна, и день от ночи отличался для неё только тем, что ночью не делали систем. Запах еды вызывал отвращение, передачи, принесённые кем-нибудь из близких, так и оставались нетронутыми. Когда дежурила Люба, она суетилась вокруг Анны, пыталась её накормить или развлечь, другие сёстры просто выполняли свои обязанности. На обходах Андрей Владимирович хмурился, почему-то неприязненно глядел на Юлию Петровну. Они, случалось, говорили о чём-то, Анна их не слышала из-за голосов, бесчинствовавших в её сознании. Она очень устала от их какофонии, но на этот раз голоса не спешили уходить, несмотря на все медикаменты, назначаемые премудрым Андреем Владимировичем.

Однажды ночью заведением вошёл в Аннину палату. Наверное, он дежурил в эту ночь. Анна не спала, но и думать не могла из-за голосов. Андрей Владимирович присел на табурет у кровати и спросил у Анны что-то. Она силилась понять — что, но шумовой хаос в голове перекрывал все звуки. Как когда-то, при первом обходе, доктор взял сухими пальцами Аннино запястье, прислушался к чему-то и покачал головой. “Неужели я ошибся?”. Это Анна сумела прочесть по губам. Усилие стоило ей взрыва головной боли, от которого она едва не потеряла сознание. Анна продиралась к смыслу сказанного сквозь дикую боль, сквозь неистовый рёв голосов, и когда поняла, сил противостоять безумию уже не достало...

... Тьма. Она бывает страшной, а бывает и спасительной. Сейчас Анну окутывала спасительная тьма, в которой не было хаоса звуков, не было и мыслей, могущих пробудить голоса. Анна наслаждалась покоем, которого не знала много дней. Или лет?

Но голоса не исчезли совсем. “Шизофрения” — каркнул над ней один из них и добавил: “Маниакально-депрессивный психоз”.

— Но, профессор, долговременная ремиссия позволяет думать... — этот голос реален, он принадлежит Андрею Владимировичу.

— Ерунда. Шубообразное течение.¹ — Это тот неприятный голос, который упоминал шизофрению.

Находясь в спасительной тьме, Анна не хотела открывать глаза, чтобы в них не ворвался мир с его воплями и завываниями. Однако поняв, что разбирает смысл сказанного, всё-таки решилась. Над ней стояли Андрей Владимирович и какой-то старик, напоминавший замшелый гриб-боровик.

— Ну вот, и глаза открыла, — сказал он, — как дела?

— Она неконтактна. — Андрей Владимирович сказал это грустно и не слишком убеждённо.

— А вы, коллега, пытаетесь убедить меня в том, что это просто разрыв ассоциаций, — укоризненно пробурчал старик.²

— Надежда умирает последней.

— “Оставь надежду навсегда”...

Они ушли, а Анна долго ещё любовалась ясным зимним днём за привычным окном, затянутым мелкой сеткой. Ей хотелось встать, но руки и ноги были так слабы, исхудалое тело — совершенно беспомощно. Оставалось только смотреть в окно и представлять — как там, на улице. Мимо окна пролетела нарядная сорока, и это обрадовало Анну. Жизнь продолжается, даже с шизофренией.

¹ Шубообразное течение — чередование периодов ухудшения состояния больных шизофренией с временными улучшениями.

² Разрыв ассоциативного мышления — функциональное расстройство интеллекта. В отличие от шизофрении поддаётся лечению.

На этот раз она шла на поправку гораздо быстрее. Ела с аппетитом, радовалась, когда к ней приходили родные, к которым она заново привыкала, слушала, когда Люба, улучив часок, читала ей вслух. Через неделю тоненьким привидением, закутанным в больничный халат, Анна уже бродила по коридорам, улыбаясь знакомым и кивая в ответ на приветствия.

Когда Андрей Владимирович пригласил её в свой кабинет, Анна не удивилась, просто покорно пошла. На столе у доктора лежал лист, вырванный из конторской книги. Андрей Владимирович протянул его Анне:

— Это вы написали?

Анна подумала, припоминая, и кивнула.

— Анна Георгиевна, это ещё раз подтверждает, что вы не настолько больны, насколько это кажется.

Если бы сумела, Анна ответила бы доктору. А так — она могла только пособачьи смотреть на него. Да и что ответить, даже сумей она заговорить? Что она — его умершая надежда? И что она не знает, — когда в следующий раз вернутся жуткие видения и голоса, разрывающие сознание на части.

— Анна, вы меня понимаете? — спросил Андрей Владимирович.

Она кивнула.

— Как вы себя чувствуете?

Доктор придвинул к Анне чистый лист бумаги и ручку. Анна оживилась, поудобней положила листок и написала: “Чувствую себя неплохо, спасибо. Только боюсь, это всё-таки шизофрения”. Андрей Владимирович прочёл и улыбнулся:

— Психиатр вы мой самостийный. Вам-то откуда это знать?

Анна взяла листок и застрочила. Торопливо, неразборчивыми каракулями, как пишут люди, привыкшие писать много и быстро — врачи, журналисты...

Прочитав, Андрей Владимирович напрочь отмёл все Аннины аргументы.

— Ну, моя милая, уж позвольте с вами не согласиться. У меня всё-таки богатейшая практика в психиатрии. Коль вы можете связно изъясняться письменно, с интеллектом у вас всё в порядке. А значит и вербальные функции должны восстановиться.

С этих пор Анна стала писать Андрею Владимировичу. Он этого настоятельно требовал. Ей нравилось писать, месяцы молчания утомили её. Теперь Анна размышляла, спорила, советовалась с доктором письменно. Андрей Владимирович собирал листочки, вырванные из выданной ей обычной ученической тетради, как он говорил, “для научных целей”.

Анна совсем окрепла, но в мастерские её больше не направляли. Она болталась по отделению, предоставленная сама себе, изнывала от скуки, читала книги или писала что-нибудь для доктора. В одном из последних писем обвиняла себя в тунеядстве. Андрей Владимирович возразил:

— Вы не бездельница, ваш случай представляет несомненный интерес для медицины. Так что уж потрудитесь вести записи как следует.

Анна старалась — для науки. Тем более что другого применения себе она не находила. Иногда её записки были грустными, иногда — смешными. Она делала это как могла, а могла, оказывается, неплохо.

Тем временем зима кончалась, снег в больничном садике посерел и съёжился, от набухших почек деревья стали как-то гуще. Анна часто гуляла в садике, как вместе с другими больными, так и одна. Ей это было позволено. Она никогда не рвалась за больничный забор, словно остерегаясь чего-то нехорошего, что могло бы ожидать её там — в мире. Из всех препаратов Анне оставили только витамины,

отменили даже церебролизин.³ Анна наслаждалась покоем и ничегонеделанием. Подобное фар niente⁴ не могло не сказаться на её состоянии, Анна слегка пополнела и даже будто похорошела. Сёстры, памятуя, что она “неконтактная”, иногда сплетничали о ней при ней же. У Анны это вызывало только снисходительную улыбку. Зато теперь она знала, что её считают любовницей главврача, объясняя этим её полную свободу. И ещё — она узнала много интересного о персонале и больничном отделении. Сёстрам просто в голову не приходило стесняться “дуры неконтактной”, обсуждая свои дела или просто сплетничая.

Так Анна узнала, что почти все врачи-психиатры — одинокие люди. Об Андрее Владимировиче она знала от него самого, теперь выяснила, что и Юлия Петровна не слишком счастлива в личной жизни, с год назад от неё ушёл муж. И не просто ушёл, а к другой женщине. Бобылём жил и неведомый Анне доктор Симановский из наркологического отделения. Вот ещё — жертвы науки. Анна не могла обнаружить связи между психиатрией и семейной неустроенностью. Будучи одинокой сама, она этим нисколько не тяготилась. Но она — не такая, как они, она — сумасшедшая. Что из того, что иногда ей удаётся мыслить вполне здраво? Диагноз-то подтверждён — шизофрения.

Глава 2

Анна, лишённая возможности какого бы то ни было общения, полюбила наблюдать за поведением других людей — больных и персонала. Она знала, что молоденькая Оля из пятой палаты по ночам пытается убежать из отделения, что у женатого санитаря Равиля роман с медсестрой Тамарой, что санитарка Таня утягивается специальным поясом, чтобы хотя бы обозначить талию на круглом, как колобок, теле. Знала и то, что во второй палате лежит Елена Васильевна, успешно притворившаяся сумасшедшей. Работая главбухом в малом предприятии, она на пару с директором что-то намудрила с деньгами, директора посадили, а её признали невменяемой. Откуда Анна всё это могла узнать? Из личных наблюдений, из обрывков чужих разговоров, присутствие “неконтактной” Анны никого не смущало.

В начале весны у Анны появилась новая соседка. Старая дама по имени Евгения Семёновна с болезнью Альцгеймера. Она сначала назвала Анну “дружочком”, а некоторое время спустя сердито спросила:

— Что вы за мной шпионите?

Анна и не думала подглядывать за Евгенией Семёновной, дама просто забыла, что “неконтактной” Анне, лишённой возможности общения, осталось только зрение, которым она и пользовалась чаще, чем прочие. Благодаря своей болезни дама вскоре забыла и об Аннином “шпионаже”, и о немоте, и по-детски дула губы за то, что соседка не разговаривает с ней.

В одной из своих записок к Андрею Владимировичу Анна попросилась на работу в мастерскую. Завотделением пригласил Анну в свой кабинет.

— Видите ли, Анна, — заговорил он, — я не могу больше держать вас здесь.

Она изумлённо и недоверчиво глянула на него.

— По заведённому порядку в нашем отделении лечатся больные с острыми формами заболеваний. Поэтому я вынужден либо констатировать у вас стойкую

³ Церебролизин — препарат, стимулирующий функции головного мозга.

⁴ Far niente — блаженное ничегонеделание (ит.).

ремиссию и выписать вас домой, либо перевести в интернат психохроников. Но дома-то у вас нет. По крайней мере такого, чтобы в нём можно было жить.

Анна вспомнила, — ей рассказывали о пожаре в её квартире, в котором погиб её незнакомый муж. Восстанавливать квартиру было некому, да и не на что. Единственным домом Анны стал стационар психдиспансера. Интернат психохроников — это пугало. “Что же делать?” — в панике написала Анна на листке.

— Перебирайтесь ко мне, я живу один, я вас не обижу.

— “Значит ли это..?” — настрочила Анна.

— Именно это и значит. Я немолод, Анна, но, надеюсь, смогу быть вам добрым мужем.

— “Вы с ума сошли — жениться на шизофреничке? Да и брак такой не регистрируют”.

— А вам непременно нужна регистрация? К тому же я не уверен в вашем диагнозе. Всё-таки подумайте о моём предложении, прошу вас.

Возвращаясь в палату, Анна вспоминала новогоднюю ночь, прогулку в больничном садике, звёздную пыль высокого неба. Всё началось именно тогда. Но — для Андрея Владимировича. Ничем, кроме признательности, Анна ответить ему не могла.

Задумавшись, Анна пропустила ужин, и привычные к таким вещам санитарки принесли его в палату. Здешний люд часто забывает не только о еде. А Анна всё размышляла над тем, чем одаривает её судьба — счастьем? Новым потрясением? Имеет ли Анна право отягощать чужую жизнь своим недугом?

Евгения Семёновна уже уостила своё костлявое тело на кровати, далеко отставив от дальнорукх глаз книжку. Она читала всегда одно и то же — первую часть “Хождения по мукам”. Беда заключалась в том, что, дочитав до третьей главы, почтенная старушка напрочь забывала содержание первой и второй, тогда она начинала сначала.

Анна тоже попробовала читать, у неё были книги, подаренные каким-то благотворительным фондом. Неожиданно она обнаружила, что смысл слов, сложенных из привычных для неё знаков, стал недоступен. Анна захлопнула книжку, не решаясь испытывать свой разум. В остальном всё было как обычно — горели настенные светильники за ажурными сетками, старая дама читала “Хождение по мукам”. А Андрей Владимирович сделал Анне предложение. Принять его нельзя, но и оставаться здесь невозможно. Что ждало Анну — голые стены разрушенной квартиры и, как альтернатива, интернат психохроников. Интернат пугал Анну до дрожи.

Андрей Владимирович сумел бы позаботиться о ней, кроме того, Анна знала, что нуждается в присмотре психиатра. Пациентка на дому. Насколько это осложнит жизнь человека, привыкшего к одиночеству?

От этих размышлений у Анны заболела голова. Опасаясь нового приступа, Анна сходила на сестринский пост и знаком попросила сделать ей укол. Транквилизатор помог, Анна уснула, и ей, обычно не видевшей никаких снов, приснился кошмар. Облупленная, грязная ванная, спующие по полу тараканы, и она, Анна, стоящая на краю ванны с петлёй на шее. Умирать Анна вовсе не хотела, поэтому проснулась задолго до подъёма с бешено колотящимся сердцем. Сразу вспомнила о вчерашнем разговоре с Андреем Владимировичем.

На кровати напротив беззаботно посапывала Евгения Семёновна, и Анна позавидовала ей — вот уж у кого никаких проблем. А если какие-то и возникают, она забывает о них через полчаса.

Анна накинула халат на рубашку, сунула ноги в шлёпанцы и отправилась в туалет. Там, над раковиной, было вмурованное в стену старое зеркало, перед ним Анна остановилась. Она больше полугода не смотрелась в зеркало по-женски. Только утром, на бегу, чтобы убедиться, что не вымазалась зубной пастой. Может быть, для мужчин это и не имеет никакого значения, но женщины смотрятся в зеркало по-разному. Сейчас Анна изучала своё отражение новым взглядом, взглядом наблюдательницы. Коротко стриженные тёмные волосы с густой проседью. "Перец с солью". Карие внимательные глаза. Ресницы могли бы быть и погуще, а нос — поменьше. С его величиной Анну примиряло то, что он был классически тонким. Губы... как губы. Ничего особенного в рельефе своего рта Анна не заметила. Разве что страдальческие морщинки. Но их немало и у глаз, да и на лбу тоже. Кожа бледновата, но это от постоянного пребывания в помещении. Анна нашла в своей внешности массу недостатков, не подозревая, что она вполне миловидна. Сделав вывод о том, что она далеко не красавица, Анна задумалась. Чем она могла привлечь Андрея Владимировича? Интересным клиническим случаем? Да, главврач старше Анны лет на двадцать, но неужели он не мог найти женщину вне стен сумасшедшего дома? Или это просто жалость? Жалость к бездомной вдове с убогой инвалидной пенсией? Привычка, переросшая в нечто большее?

Ещё Анна подумала о том, что Андрей Владимирович — единственный человек, с которым она могла общаться, которому были интересны её записки. И единственный, кто до конца не верил в её безумие.

Она представила себе бытовое общение на том вербальном уровне, который был ей доступен. Жена с запиской "Дорогой, ужин готов" или "Милый, пора вставать на работу". Это показалось бы Анне смешным, не будь столь тягостным. А он? Сколько он сможет терпеть "сожительницу по переписке"?

Из своих наблюдений Анна знала, что Андрей Владимирович спокоен и выдержан. Но это на работе, когда его окружают полсотни женщин, у которых "снесло крышу". А дома? Не станет ли присутствие вечно безмолвной Анны поводом для конфликта? И всё же альтернативой замужеству был интернат психохроников. Это и решило дело в пользу предложения Андрея Владимировича.

"Туалетные" размышления Анны прервали начавшие просыпаться больные, но она уже успокоилась, как человек, принявший непростое решение. Анна была ласкова с бедной Евгенией Семёновной и даже подарила ей потрёпанный томик "Евгения Онегина". Тронутая до глубины души, старая дама расцеловала Анну, сказав, что, несмотря на её шпионские привычки, она "очень милая девочка".

До обхода в палату заглянула Юлия Петровна. Сегодня она была подкрашена небрежней, чем обычно, неровные слои пудры делали её словно обсыпанной мукой, а выражение официально-доброжелательного лица скрывало потаённую грусть. Может быть, кого-то оно и могло обмануть, но не Анну, научившуюся распознавать малейшие оттенки настроений.

— Говорят, вы покидаете нас? — спросила Юлия Петровна Анну и сама себе ответила: — Надеюсь, в интернате вам будет не хуже, чем здесь.

"О чём она говорит? — застучало у Анны в висках, — или Андрей Владимирович всё-таки решил отправить меня в интернат?". Со стороны главврача это было бы разумным решением. Но как же тогда его предложение? И что теперь делать с рухнувшей надеждой на нормальную жизнь? Это было потрясением, и Анна держалась из последних сил, чтобы не впустить в сознание мучительные голоса, рвущиеся внести боль и хаос в её внутренний мир. Анна уже знала, что усилием воли голоса можно удержать. Но вот надолго ли её хватит?

До обхода нужно ещё дожить. На обход придёт Он, и всё станет ясно. Анна ходила по небольшой палате из угла в угол до тех пор, пока Евгения Семёновна не остановила её.

— Деточка, у меня от вас уже в глазах рябит.

Господи! Мы все здесь сумасшедшие, чего уж там. Можно сесть и пореветь, никто не будет знать — из-за чего. Никто не будет и спрашивать — о чём. Анна мыкалась, как потерянная, по отделению, пока дежурная сестра не загнала её в палату. Близился обход.

Как и положено, Анна легла перед обходом. Ждала, отсчитывая последние секунды. Спокойный, с хрипотцой, баритон Андрея Владимировича уже слышался в коридоре. Господи, Анна будет ему самой покорной и заботливой женой, только пусть не оставляет её!

Завотделением вошёл, как всегда, чуть впереди Юлии Петровны. На Анну он не смотрел, сразу направился к старой даме. Поговорив с ней, повернулся к Юлии Петровне и суховаато сказал:

— Корилину готовьте к выписке.

— В интернат? — нарушая медицинскую этику, любопытствовала та.

— Домой, с устойчивой ремиссией, — нахмурился Андрей Владимирович.

Юлия Петровна черкнула что-то в своём блокнотике и удивлённо посмотрела на шефа. А Анна всё поняла. Звнящее в душе напряжение исчезло, сменившись полной пустотой. Анна не смогла почувствовать даже радость, настолько устала. Выходя из палаты, Андрей Владимирович бросил на Анну внимательный взгляд, она слабо улыбнулась ему.

К обеду Люба принесла немудрёные Аннины пожитки в большом полиэтиленовом пакете. Отдельно — “новогоднее” платье и вычищенное демисезонное пальто.

— Куда же вы теперь, Анна Георгиевна? — жалостливо поинтересовалась Люба, забыв об Анниной немоте. — Я слышала, что ваша квартира сторела.

Анна улыбнулась и принялась одеваться. Евгения Семёновна озадаченно села на кровати:

— Деточка, значит, вы меня покидаете? Ну что же вы молчите, я вас чем-то обидела?

Анна подошла, обняла старушку, уже забывшую о том, что её соседка нема. Пока она прощалась со старой дамой, в палату заглянула Люба.

— Анна Георгиевна, выписку из истории болезни и больничный получите у Андрея Владимировича.

Анна кивнула.

Неся в одной руке пальто, а в другой раздутый пластиковый пакет, Анна вошла в кабинет главврача.

— Присаживайтесь, Анна, подождите немного, сейчас поедем домой.

Анна послушно села в хорошо знакомое кожаное кресло. Андрей Владимирович что-то быстро писал в толстой общей тетради. Поставив точку, поднял глаза на Анну.

— Вот и зафиксирована ваша стойкая ремиссия.

Доктор оделся, забрал у Анны её пластиковый узел и пошёл вперёд. Выйдя за ним, Анна со странным чувством смотрела, как доктор запирает дверь на ключ, потом прячет его в карман. Анне казалось, что это уже было, где-то она видела эту ситуацию. Отмахнувшись от дежавю, Анна поспешила за Андреем Владимировичем.

Главврач ездил на старом сереньком “Фольксвагене”, дверцу которого он любезно распахнул перед Анной. Машина выползла из ворот психдиспансера и неспоро покатила по весенним улицам города. Анна так давно не видела всего этого! И тем не менее, она узнавала улицы, каким-то чудом память сохранила их привычный облик.

“Фольксваген” миновал кварталы многоэтажек и въехал в частный сектор. Вот как? Андрей Владимирович живёт в своём доме?

Дом находился почти на окраине города. Старый, обшитый потемневшим от времени тёмсом, с кирпичным полуподвалом. Дом окружал не менее старый сад, разросшиеся кроны яблонь ложились на шиферную крышу. Анна несмело шагнула в предупредительно распахнутую Андреем Владимировичем калитку. Выложенная гладкими валунами дорожка вела к высокому, в пять ступенек, крыльцу. Козырёк над крыльцом украшен затейливой резьбой, кое-где уже недосчитывающейся некоторых фрагментов. Пустая собачья будка насторожила Анну — раз есть конура, значит, должен быть и пёс. Анна сделала шаг назад. Андрей Владимирович понял её нерешительность и успокоил:

— Не бойтесь, собаки нет. Сбежала в прошлом году куда-то, да и пропала. А будку всё никак не соберусь убрать.

Анна прошла к крыльцу. Ожидая, пока хозяин отопрёт дверь, разглядывала сад. Ей понравились старые деревья, вольготно разросшиеся кустарники. Видимо, у Андрея Владимировича руки не доходили до сада, и он рос как придётся.

Внутри дом соответствовал своей наружности — старая, но хорошо сохранившаяся мебель, просторные комнаты с высокими потолками. Их оказалось три, если не считать небольшую кухню с печкой. Андрей Владимирович провёл Анну через уставленную книжными шкафами гостиную в квадратную спальню, выходящую на восток двумя высокими окнами.

— Вот, это ваша комната, можете устраиваться.

Пакет с Аннинными вещами он положил на небольшое креслице с деревянными подлокотниками и высокой спинкой.

Легко сказать — можете устраиваться, а если она даже не знает, что за вещи лежат в этом пакете?

Андрей Владимирович тактично притворил за собой дверь, давая Анне время осмотреться. Она прошлась по комнате, отметила недорогую, но какую-то основательную, что ли, обстановку, присела на узкую односпальную кровать, застланную аккуратным белым покрывалом. Потом заглянула в платяной шкаф. Его недра издавали слабый запах лаванды и старой мебели, в платяном отделении висел ряд деревянных вешалок-плечиков, в углу завалилась забытая кем-то булавка. Ещё в комнате стояли маленький туалетный столик с зеркалом-трельяжем, низенький пуфик перед ним и узкий книжный шкаф, тускло поблёскивающий позолотой книжных корешков. На тумбочке у кровати — настольная лампочка в шёлковом колпачке и высокий стакан из тонкого стекла. Судя по всему, в этой комнате раньше жила женщина. Жена? Дочь? Скорее, дочь, жена должна обитать в супружеской спальне.

Анна вздохнула и с опаской подошла к принесённому пакету. Сверху в нём не было ничего страшного — обыкновенная дамская сумочка на длинном ремешке, в сумочке — диктофон, пухлый блокнот, несколько авторучек, ключи, кошелек с какой-то мелочью и сигареты с зажигалкой. Анна рассматривала всё это, словно чужие вещи, ни одна из них не казалась ей близкой. Однако блокнот почти весь исписан её летящим почерком, а ключи на кольце без брелока знакомой

тяжестью легли в руку. Там же, в сумочке, — документы. Паспорт на её имя и редакционное удостоверение журналистки областной газеты. Вот откуда взялась уверенность в эпистолярном жанре, Анна умела писать не только письма.

Отложив сумочку в сторону, она снова полезла в пакет. Пластиковые папки с бумагами, почерк опять её, Анны Корилиной, фарфоровая фигурка соболя и сувенирная собачка из искусственного меха, полупустой флакончик с туалетной водой, косметичка, в отдельном пакете что-то похожее на большой шерстяной шарф, коробка компьютерных дискет, и — на самом дне потрёпанный, завязанный на узел пакет с оборванной ручкой. Почему-то Анне очень не хотелось развязывать этот пакет. Просто оторопь брала. Но разве можно всю жизнь бояться собственного прошлого? Анна решительно потянула узел рваного пакета. Внутри оказалась тугая мужская сумочка — барсетка, а в сумочке — доллары. Много столларовых бумажек, упакованных в пластиковые банковские блоки. Анну бросило в жар. Одна, две, три, четыре... Восемьдесят тысяч долларов! Анна в ужасе взялась за голову. Только бы не свихнуться окончательно. Что это — взятка? Кто даёт такие взятки журналистам? Абсурд. Выходит... Выходит, что эти деньги она где-то украла. Или... Или это не её деньги. Кто-то дал на хранение или просил передать кому-то... У Анны закружилась голова. Только бы не было приступа! Напрягшись изо всех сил, она удерживала разноголосый вой, уже рвущийся в сознание. Не помня как, сложила деньги в барсетку, нахлобучила на неё пакет и завязала его узлом. Сейчас не до денег, лишь бы опять не впасть в безумие.

Она уже немного пришла в себя, когда Андрей Владимирович постучал в дверь:

— Анна, идёте обедать.

Готовил Андрей Владимирович из полуфабрикатов, но сносно. На столе не было холостяцкой китайской лапши, а наличествовали котлеты фирмы "Смак", картофельное пюре и явно самодельный салат, обильно политый майонезом. После пережитого потрясения, связанного с обнаружением денег, есть Анне не хотелось, но обижать радушного хозяина нельзя. Поэтому Анна усердно глотала пюре, жевала салат и котлету. Завершился обед какао со сливками.

— Вам лучше не нарушать режим, к которому вы привыкли в стационаре, — сказал Андрей Владимирович. — Отдохните после обеда, устройте себе "тихий час". Я вернусь не раньше семи.

Анна послушно ушла в свою комнату и легла. Проклятые деньги не шли из ума или что там бывает у сумасшедших? Анна ворочалась в постели, вставала, пила воду, приняла таблетки, которые ей назначил Андрей Владимирович, но покоя не было. Не было здесь и Любы со спасительным шприцем. Анна подошла к шкафу с книгами, но передумала, испугалась, что буквы опять сложатся непонятно, так уже было.

Деньги. У такой огромной суммы не может не быть владельца, и Анна точно знала, что это не она. Что же делать? Спокойно жить дальше, словно ничего не случилось? Если бы она смогла. Ситуацию могли бы прояснить обстоятельства, при которых Анна попала в стационар. Что там говорила Тамара об этом? Доставили на "скорой", полоса на шее, пыталась выброситься в окно... Что произошло с Анной там, в прошлой жизни, куда разум отказывался её допускать? В какой тёмной истории она оказалась замешана и чего ждать от будущего? Смерти от руки наёмного убийцы? Но ведь, судя по всему, она сама пыталась свести счёты с жизнью. Какой ужас толкнул её на это? То, что Анна могла быть участницей какой-то криминальной истории, она отметала напрочь. Теперешняя Анна.

А та, другая, память о которой заблокирована амнезией? Может быть, разгадка кроется где-то в её записях?

Сначала Анна изучила блокнот, с трудом разбирая собственную скоропись. Ничего подозрительного, журналистская кухня. В папках содержалась разбитая на главы трогательная история о любви. Окончания у неё не было. История показалась Анне слащавой и наивной, сейчас она так не написала бы. И опять — о происхождении этих шальных денег — ни слова. Оставались ещё дискеты, но Анна не видела в доме компьютера. Чувствуя себя крайне неловко, она обследовала дом.

Компьютер обнаружился в комнате, которая, очевидно, была когда-то супружеской спальней, а теперь служила симбиозом спальни и рабочего кабинета Андрею Владимировичу. Анна ласково провела пальцем по клавиатуре. Ощущение показалось настолько знакомым, что, не мучаясь больше угрызениями совести, Анна включила компьютер. Пока он грузился, она принесла коробку с дискетами. Только бы на машине не было пароля! Впрочем, живя один, Андрей Владимирович вряд ли берёт от кого-то свой компьютер.

Анна едва дождалась, когда машина загрузится и расставит по местам ярлыки. Вот он, диск А. Она нетерпеливо сунула первую дискету в системник. Ничего интересного. Половина дискет оказалась занятой программными файлами, прочие содержали в себе журналистские материалы. Ничего о деньгах.

Анне могли бы помочь прежние знакомые, если бы она помнила их. Дочери? У Анны хватило ума не впутывать в историю с деньгами своих малознакомых дочерей. Пришла на память гибель мужа. Эта утрата не вызывала боли, Анна не помнила своего мужа. Просто теперь она сомневалась, что он погиб из-за непогашенной сигареты. Деньги. Когда их столько, они могут отнять не одну человеческую жизнь. Анне стало страшно. А что, если из-за этих долларов пострадает и Андрей Владимирович?

Анна едва дождалась его возвращения. Снимая в прихожей плащ, Андрей Владимирович спросил:

— Что-нибудь случилось? Вы выглядите обеспокоенной.

Анна отрицательно помотала головой. Как рассказать этому человеку о найденных деньгах, о связанных с ними страхах, о беспокойстве за его жизнь? И дело не во владении речью, вовсе не в нём.

— Наверное, вам просто непривычно на новом месте, — сказал Андрей Владимирович и мягко, как ребёнка, погладил Анну по коротким волосам. — Погодите немного, освоитесь, всё будет хорошо.

Он вымыл руки и скрылся на кухне. Анна подумала о том, что, промучившись полдня с этими чёртовыми деньгами, не догадалась приготовить ужин, и теперь Андрей Владимирович вынужден делать это сам. Анне стало стыдно. Завтра она обязательно займётся домашними делами. За время пребывания в больнице она совсем от них отвыкла.

Ужин состоял из наскоро отваренных замороженных пельменей и какао. Наверное, Андрей Владимирович, как и большинство мужчин, любил сладкое. Он не позволил Анне убрать со стола, сказав, что сегодня она ещё гостья, убрал сам. С разрешения Анны закурил, стараясь, чтобы дым не попадал на Анну.

— Знаю, что вредно, — смущённо объяснил он, — да никак не могу решить-ся бросить.

Некоторое время в кухне стояло неловкое молчание, Анна чувствовала, что Андрей Владимирович стесняется её.

Им придётся заново узнавать друг друга, ведь дом — не больница, и отношения в стиле «врач — пациентка» уже не действуют. Не разочаруется ли смелый

доктор в своём поступке? Анна, привыкшая к своей немоте, вовсе не ждала, что Андрей Владимирович станет развлекать её разговорами, кроме того, мысли о неведомо откуда взявшихся деньгах поглощали её внимание.

— А не пойти ли нам прогуляться? — спросил вдруг Андрей Владимирович.

Что испытывала Анна? Желание выйти наконец-то на улицы города и — страх. Что, если на этих улицах её уже ожидает убийца? Преодолев себя, она кивнула и пошла собираться.

Наверное, они смотрелись неплохой парой — высокий, представительный мужчина и маленькая изящная женщина. Они шли под руку, старательно обходя не успевшие просохнуть весенние лужи, Андрей Владимирович всё-таки пытался развлекать Анну разговором. Получалось не очень. Но не будешь же на улице писать записки. Анна всей грудью вдыхала весенний воздух. Пахло кленовой сладостью и горьковатыми тополиными почками, сырой, свежий дух шёл от проснувшейся после морозов земли. Анна была бы счастлива сейчас, если бы не пакет с деньгами, засунутый в самый дальний угол платяного шкафа. Именно из-за этого обстоятельства она рассеяннo слушала Андрея Владимировича, время от времени теряя нить разговора. Хорошо что от неё не требовалось ответов.

Возвращаясь с прогулки, Анна обратила внимание на старуху, напряжённo застывшую за невысоким дощатым забором. Бабка смотрела им вслед. Сплетница? Шпионка? Господи, к шизофрении, да ещё и паранойю! Хотя врачи считают, что параноидальная шизофрения существует.

Впечатления долгого дня утомили Анну, она отправилась спать сразу после возвращения. Андрей Владимирович не препятствовал своей подопечной, она всё ещё очень и очень нуждалась в отдыхе.

Вряд ли Анне удалось бы уснуть в эту ночь, если бы не спасительная таблетка, выданная Андреем Владимировичем. Благодаря ей Анна спала сном младенца и никакие видения не тревожили её. Только под утро привиделся сон, скорее странный, нежели страшный — извилистая каменистая тропка, серые валуны, покрытые мхом и лишайниками, и — собака. Белая с чёрными пятнами. Кажется, таких называют догами. Собака шла впереди Анны, оглядывалась, смотрела доверчивыми коричневыми глазами — звала за собой. Собака поднималась по тропинке, минуя валуны и чахлые, с покорёженными стволами, горные сосенки. Анна шла за собакой в необычных, мерцающих сумерках, стараясь не наступать на острые камни под ногами. Собака вызывала доверие. Она была какой-то, до последнего волоска, своей, доброй. Тропинка, ведущая вверх, и тусклый горный пейзаж в сером полусвете...

... Проснувшись, Анна подумала, что вся эта история с деньгами — выдумка, плод больного воображения. Очень хотелось в это верить. Анна даже заглянула в шкаф и убедилась, что старый пакет по-прежнему лежит на том же месте, куда она его засунула. С этим надо было что-то делать. Что? Дать объявление в газету, вроде: "Кто потерял восемьдесят тысяч долларов?". Анна сумасшедшая, но не настолько же. А может быть, эти деньги уже не ищут? Ведь с момента заболевания Анны прошло более полугода. Успокоительная мысль не прижилась. Не могут не искать такую сумму, даже спустя годы после её исчезновения.

Чтобы как-то отвлечься от проклятых денег, Анна решила приготовить обед. Из-за снотворного она проспала до одиннадцати часов и не слышала, как ушёл на работу Андрей Владимирович. Однако в час в больнице обед, и главврач приедет домой.

Обследовав кухню, Анна нашла требуемые продукты, а в холодильнике обнаружила отличную баранину. И Анна принялась кулинарить. Это совсем несложно, даже спустя полгода, если умела когда-то готовить. Правда, на незнакомой

кухне всё получалось медленней, чем в своей, облицованной кафелем в голубой цветочек... Стоп! Что могут означать такого рода голубые цветочки? Не возвращение ли утраченной памяти? Анна попыталась припомнить что-нибудь ещё. Где-то в глубинах подсознания звякнул тревожный звоночек, и Анна поняла, что лучше не вспоминать.

Андрей Владимирович остался очень доволен настоящим домашним обедом и даже рискнул поцеловать Анну в лоб. Анна испуганно съёжилась, но за этим безобидным поцелуем ничего не последовало, и она успокоилась. Взяв приготовленный заранее лист бумаги и карандаш, она написала: "Что бы вы хотели на ужин?". Прочитав, Андрей Владимирович улыбнулся:

— Хозяйшечка вы моя. Не нужно ничего, приду, — что-нибудь придумаем.

"А мне прикажете весь день бездельничать?" — написала Анна.

— Почему же, сходите, погуляйте. Ключ от дома у вас на туалетном столике.

Анна закусил губу. Ей очень хотелось съездить в центр города, побродить по улицам, узнать — помнит ли она их. Ведь человек после амнезии — как заново рождённый, счастье ещё, что амнезия была неполной, и Анна не утратила многих навыков. Но... не ждёт ли её на этих улицах убийца?

Что же теперь, заживо похоронить себя, что ли? Анна устала бояться. Поэтому после ухода Андрея Владимировича оделась и отправилась на улицу.

До остановки автобуса она добралась быстро, только вот автобус пришлось ждать едва ли не час. Зато Анне досталось место у окна. Проезжая через перекрёстки, она пыталась угадать название улицы. Иногда это удавалось. Ближе к центру народу в салоне автобуса становилось меньше, Анна вышла неожиданно даже для себя. Просто увидела нагромождённые друг на друга шероховатые валуны на зазеленевшем газоне. Она видела это раньше, до болезни. И довольно часто видела. А вон там, за выступом здания, — длинный магазин под названием "Счастье". Напротив него славная аллея со скамеечками, по которой так хорошо гулять. На этих скамеечках она часто подолгу сидела с книгой, когда... Когда — что? Это оставалось за пределами памяти.

Анна медленно пошла по тротуару. Знакомым здесь казался каждый стебелёк, каждая веточка. Даже шум автомобилей, проезжающих по улице, и тот был знаком. За выступом здания действительно оказался магазин "Счастье", и это обрадовало Анну. Значит, не всё утрачено, и возвращение к нормальной жизни потихоньку, фрагментарно, но пробуждает память. Блок, защищающий разум Анны (от чего?), не вечен.

Она посидела на уютной лавочке, подумала о том, что следует навестить дочерей и свекровь. Ну и что, если она их совсем не помнит, для них-то она — прежняя. Странное чувство охватило Анну при мысли о близких. Какая-то неловкость, смешанная с чувством вины. Младшая девочка, Аня, как и она, наверное, очень нуждается в материнской заботе. А она, Анна, холодна, как лягушка. Но как родить в душе то тепло, которого нет? Фальшь девочка почувствует сразу.

И снова на ум пришли проклятые деньги. А что, если за Анной уже следят? Не наведёт ли она беду на своих близких? Господи, до чего же беспомощен человек, утративший память о большом куске своей жизни! Ведь даже за помощью обратиться можно только к психиатру. И не столь уж важно, что этот психиатр собирается стать твоим мужем. Подумав ещё и об этой этической проблеме, Анна поняла, что совсем запуталась. Вопросов — тьма, а ответа — ни одного. Неожиданно к Анне пришла мысль о том, что в стационаре ей жилось намного спокойней. Что с того, что Евгения Семёновна весь небольшой остаток своей жизни читает

три главы “Хождения по мукам”? И что покойная Оксана Григорьевна верила в некие “машинки в головах”? Собственно безумие — это не то, что Анна видела в больнице. Намного безумней ей казался этот нормальный мир, где за восемь па-чек разрисованной зелёной краской бумаги могут запросто убить. Где она, эта грань, отделяющая отклонение от нормы? И что есть норма? То, что не выбивается из жёстких рамок общепринятых установок и правил? Тогда Шурочка, идиотка от рождения, свято соблюдающая больничный режим, намного нормальной вот этой тётки, кинувшейся через дорогу к подходящему автобусу. Старая дура едва не угодила под колёса встречной машины.

Большие часы на башне почтамта показывали уже половину пятого, и Анна решила, что ей пора возвращаться. Нехорошо, если Андрей Владимирович вернётся, а её нет. Анна ещё раз посмотрела в странно знакомую перспективу улицы и пошла к автобусной остановке.

Она успела до прихода Андрея Владимировича. Вскипятила чайник, выпила чашку крепкого (пока врач не видит) чаю, села писать свои впечатления о прогулке. Андрей Владимирович настаивал, чтобы Анна записывала все свои мысли. За этим занятием он и застал её. Мимолётно поцеловал в лоб, потрогал чайник.

— О, вы его подогрели. Здорово! Весь день хотелось чаю.

Что-то в его словах было не так. Или в голосе? Анна подняла голову от листа бумаги. Андрей Владимирович наливал себе чай, и его руки подрагивали. Прервав запись, Анна крупно начеркала: “Что случилось?”.

— Вас не обманешь, — нервно засмеялся доктор, — удивительная интуиция.

“Как у всех сумасшедших”, — подумала Анна.

— Видите ли, профессор Зимин считает, что вам нужно ещё раз пройти обследование.

“Зачем? Чтобы получать пенсию?” — написала Анна.

— Нет, ему просто не нравится ваша последняя томограмма.⁵

Анна успокоенно склонилась над листом. В отличие от Андрея Владимировича она не считала себя нормальной, и если это подтверждают диагностические приборы — что ж в этом удивительного?

Глядя на Аннины старания, Андрей Владимирович спросил:

— Анна, вы умеете обращаться с компьютером?

Анна кивнула.

— Может быть, вам будет удобней вести записи на нём?

Кивок.

— Идёмте.

Андрей Владимирович провёл Анну в свою спальню-кабинет и усадил перед компьютером.

— Пожалуйста. Можете пользоваться им и в моё отсутствие.

Анна снова кивнула, но теперь в знак благодарности. На компьютере дело пошло быстрее. Да и мысли стали более упорядоченными. Привычка? Должно быть. Смущало только наличие двуспальной кровати за спиной. О ней Анна старалась не думать. Возможно, Андрей Владимирович действительно любит Анну, и рано или поздно она должна будет стать его женой, но Анна искала и не находила в себе ответного чувства. Ничего, кроме благодарности и смущения. И

⁵ Томограмма — компьютерный снимок головного мозга, представляющий собой “срез” органа.

ещё, — где-то далеко, на самом краю сознания жила тень воспоминаний о другой любви. Чистой и — безответной. Была ли она, эта любовь, или привиделась больному разуму, Анна не могла утверждать с уверенностью. Но существовало нечто, что хотелось вспомнить во что бы то ни стало. Это воспоминание тоже вызывало боль и мучительную раздвоенность, но отказаться от него не было сил.

Эту ночь Анна спала плохо. Мучили кошмары — то борьба с пьяным мужчиной, то поспешное бегство откуда-то... Страшней всего было видение свалки, уже не раз посещавшее Анну. Сумрак, крадущиеся, трусливо поджав хвосты, бродячие собаки, зловоние гниющего мусора и — окровавленный молоток в руке. От этого кошмара Анна просыпалась и долго потом не могла уснуть. Перед самым рассветом забылась зыбким, непрочным сном...

Глава 3

Когда Анна проснулась, Андрея Владимировича уже не было дома. Плохо выспавшись, Анна чувствовала себя не совсем здоровой, поэтому завтракать не стала, а вместо этого выбралась в сад. Старые деревья с потрескавшейся корой будто ждали её, таким теплом повеяло на Анну от их стволов. Она переходила от одной яблони к другой, трогала ладонью шершавую кору, мысленно разговаривала с ними. Древний, наполненный плодородием дух, исходящий от земли, напомнил Анне о бесполезности собственного существования. Кто она? Зачем она? Ведь не для того же она живёт, чтобы удовлетворять учёное любопытство медиков. Профессору Зимину не нравится её томограмма. Ну и что? Ей, Анне, не нравится профессор Зимин, что ничуть не хуже.

Анна нагнулась и размяла в пальцах горсть отогревшейся на солнце влажной земли. Близка и понятна суть её — материнство. Анна этого лишена, она даже не помнит своих дочерей. Разве это не жестоко — отнять у человека часть его внутренней, глубинной сути, большой фрагмент его жизни, какой бы она ни была? Но жалобы на судьбу бесполезны, и Анна не хотела жаловаться.

В самой середине сада в земле темнело множество ямок, наверное, здесь в прошлом году сажали картошку. Честно говоря, Анна не могла представить себе Андрея Владимировича с лопатой в руках. Может быть, он кого-то нанимает?

Солнышко пригревало совсем по-весеннему, и от этого ночные кошмары показались чем-то вроде страшной сказки о Буке, рассказанной на ночь капризному ребёнку. Однако один кошмар не растаял вместе с минувшей ночью — деньги. Мысль о них жгла сознание Анны, не позволяла отдаться простым радостям весеннего сада. Может быть, выбросить эти деньги в мусорный контейнер, забыть и не мучиться? Так могла подумать только настоящая идиотка. А если найдётся владелец восьмидесяти тысяч? Не маньяк, не убийца, а просто человек, которому принадлежат деньги, неизвестно как оказавшиеся у потерявшей память Анны. Что тогда? "Простите, но, чтобы не мучиться происхождением денег, я выбросила их"?

Анна вздохнула и вернулась в дом. Старый дом преобразился от солнечного света, люющего в его высокие окна. На полу играли узорные от тюлевых штор зайчики. День обещал бы быть хорошим, если бы не мысли, одолевавшие Анну. Наверное, справедливо утверждение о том, что злейший враг человека — он сам. Стоило ли так изводить себя? Что же делать, Анна ведь — сумасшедшая. Она просто не может иначе.

Посидев немного за компьютером, Анна написала для Андрея Владимировича весьма оптимистическую записку и поняла, что лжёт. Каждым словом лжёт,

пытаясь убедить доктора в том, что всё у неё в порядке. Но написанное отличается от сказанного, и её, Анну, не подведут ни интонация, ни выражение глаз.

Перед тем как идти гулять, Анна приняла таблетки, подложенные ей Андреем Владимировичем. Она подозревала, что большинство из них — просто витамины. Кроме тех, маленьких, в оболочке красного цвета. Впрочем, какая разница?

... Анна пригласилась на солнышке, как кошка, и едва не задремала на своей любимой скамеечке. Помешал ей какой-то тип, устроившийся напротив. Тип не сводил с Анны глаз и вообще выглядел очень подозрительно. Он то ёрзал на скамейке, то начинал насвистывать, а то откровенно пилился на Анну. Она уже хотела уйти, когда он не выдержал и неуверенно спросил:

— Анна Георгиевна?

Анна с испугом глянула на него.

— Анна Георгиевна, вы меня не узнаете?

Она отрицательно помотала головой.

— Гарик Орбелян, “Кримновости”.

Эта фраза не говорила Анне ровно ни о чём.

— Значит, правду говорят, будто бы вы потеряли память, — огорчённо протянул Гарик.

Анна не обратила внимания на бестактность и вообще намеревалась уйти, но привязчивый репортёр ухватил её за рукав.

— Погодите, куда же вы? Зайдём в кафе, закажем по чашечке кофе, поболтаем.

Поболтаем? Для Анны это слово звучало почти оскорблением. Она вырвала рукав пальто из рук Гарика и поспешно пошла по улице, опасаясь, что навязчивый молодой человек двинется следом. Через несколько шагов оглянулась. Гарик стоял на прежнем месте и озадаченно смотрел ей вслед. Может быть, они на самом деле когда-то работали вместе, может быть, были дружны. Теперь в жизни Анны было много “может быть”.

В этот день она долго бродила по городу, пока не почувствовала, что проголодалась. Андрей Владимирович давал деньги на карманные расходы, и она решила перекусить в каком-то кафетерии. Взглянув на цены, указанные в меню, поняла, что для неё, скромной пенсионерки, посещение кафетерия — роскошь. На пятьсот тенге, которые она взяла с собой, здесь можно было выпить чашку кофе и съесть пару пирожных. Сладкого Анне не хотелось, и она сочла целесообразным вернуться домой. Домой? Когда это старый дом на окраине города стал её очагом?

Думать сейчас об этом не стоило, голова и так забита проблемами. Анна повернула к автобусной остановке.

Мимо Анны проехала большая синяя машина, и тревожный звоночек вновь звякнул в Анниной душе. Что-то недоброе связывало в памяти Анну и такую (или почти такую) машину. При попытке вспомнить — что именно, заболела голова. Лучше не вспоминать.

Она поднялась в полупустой автобус, закрыла глаза и постаралась думать о чём-нибудь постороннем. О деревьях в саду, например. О первом, настоящему солнечном дне после зимы, прошедшей, словно не в явь. Думалось плохо. Какие-то посторонние звуки нарушали плавное течение мысли, то капризный голос ребёнка, то шипение открывающейся двери. Женщина-кондуктор вывела Анну из состояния задумчивости, и Анна испытала приступ беспричинной ярости. Всего-то надо было заплатить за проезд. Анна

сделала над собой усилие, чтобы не вспылить. Это тоже отозвалось головной болью. Сегодняшнюю прогулку она затеяла явно зря.

Вернувшись домой, Анна наскоро перекусила, взяла в шкафу первую, попавшуюся под руку книгу, и легла. Книга оказалась томиком Агаты Кристи, но Анна уже в который раз прочитывала первую фразу “Десяти негритят” и начинала её сызнаова. “Это будет почище “Хождения по мукам” блаженной Евгении Семёновны”, — подумалось Анне.

Пришедший с работы Андрей Владимирович застал ее спящей. Будить её не решился, с жалостью посмотрел на сжавшееся в комочек хрупкое тельце. Наверное, опять толком не ела, всё чай да чай. Андрей Владимирович сам не мог разобраться в своих чувствах — иногда ему казалось, что жизнь без Анны невысказана, а порой, как сегодня, его захлёстывала ранящая жалость. Надо же было такому случиться — болезнь, гибель мужа, потеря дома, и всё это на одного человека — маленькую и беззащитную женщину.

Когда Андрей Владимирович закрыл за собою дверь, Анна с облегчением вытянула ноги. Она вообще не любила притворяться, просто не знала — как вести себя с этим чужим мужчиной, которому она была очень многим обязана. Что-то в их отношениях не связывалось, словно сам дом отторгал новую непрошеную хозяйку. Не потому ли Анна большую часть времени проводила вне его? Ей нравилось бродить по улицам её города, который уж точно принимал Анну такой, какова она есть. Было в городе что-то, говорившее ей о том, что она не всегда была такой — слабой и никчёмной, в нём была её память.

Невозможно долго притворяться спящей. Анна со вздохом натянула халат, причесала у зеркала короткие волосы и вышла на кухню. Надев поверх спортивного костюма фартук, разрисованный “хохломо́ской” росписью, Андрей Владимирович колдовал над сковородкой. Рядом что-то побулькивало в кастрюльке. Пахло жареным мясом.

Совість Анны беспокойно шевельнулась, хотя бы ужин Анна могла приготовить.

— А, проснулись? — приветствовал её Андрей Владимирович. — Как спалось?

Странно, но столько времени общаясь с лишённой дара речи Анной, Андрей Владимирович так и не отвык обращаться к ней с вопросами. Или это не случайно, в надежде на то, что когда-нибудь она ответит?

— Завтра с утра поедем, сделаем ещё одну томографию, — сказал Андрей Владимирович. — Пусть Зимин успокоится.

Анна пожала плечами. Ей было всё равно. Они могут заглядывать в её мозг сколько угодно. Она не думала, что за время, прошедшее с последнего обследования, там что-либо изменилось.

Анну не покидало ощущение собственной ненужности. Она чувствовала себя так, словно выпала из какого-то совсем другого, деятельного и яркого мира, а этот, серенький и неясный, был ей совершенно чужд. Вот Гарик Орбелиан был из того, её родного мира, это она знала теперь совершенно точно. Почему же испугалась встречи с ним? Из-за этих чёртовых долларов, что лежали в углу платяного шкафа? Анне и в голову не приходило воспользоваться неведомо откуда взявшимися деньгами, более того, сама мысль об этом казалась ей кощунственной. Эти деньги никоим образом не могли принадлежать ей, так кто же она тогда — их хранительница? Передаточное звено между кем-то и кем-то? И почему её никто не ищет? Ну не могут такие деньги быть бесхозными.

Мысль вернулась к Гарику Орбеляну. Может быть, он искал её именно из-за этих денег. Нет, тогда бы не отпустил так просто. Мозг Анны работал с напряжением, опасным для него. Анна уже чувствовала ломоту в висках, покалывание в похолодевшем затылке. Ну и пусть. Жить без памяти о прошлом невыносимо, уж лучше совсем сойти с ума. Тоненькие голоски в сознании известили о том, что близок новый приступ, и Анна испугалась. Она обессиленно опустилась на кухонный табурет, неожиданно вспомнив совсем другой, с пёстрой ситцевой подушечкой, тесёмками привязанной к ножкам. Это было там — на кухне с кафелем в голубой цветочек. Голоса в мозгу грубели и их количество увеличивалось, но Анна уже видела мысленным взором облупленные стены другой кухни, залитый чем-то липким стол и таракана, ползущего по пластику стола.

— Анна, Анна! — услышала она слабо, словно сквозь слой ваты. — Боже мой, Анна!

Её подхватили на руки, и через некоторое время она уже оказалась в своей постели. Боль спасительного укола приглушила голоса, скрыла за мутной пеленой какие-то кухонные воспоминания, и Анна успокоенно вздохнула. Мир, пусть и чужой, пусть не приемлющий её, остался на месте...

Мир оставался на месте, это для Анны в этом мире ниши не находилось. Как потерянная, она бродила по городу, он единственный принимал её. Принимал, одаривал фрагментами воспоминаний, головной болью и знаниями, которые, как рассыпанная ребёнком мозаика, никак не складывались в единое целое.

Слабая связь, возникшая было между прошлым и настоящим Анны, оборвалась, оставив по себе боль и слабость, как после очередного приступа болезни. По предложению профессора Зимина Анна ещё раз прошла обследование, включая и компьютерную томографию мозга. Из-за этой-то томограммы и спорили сейчас профессор с Андреем Владимировичем. Спорили они в кабинете профессора, предусмотрительно выставив из него Анну, но голоса спорщиков доносились и сюда, в коридор, где на кожаном диванчике сидела Анна.

В конце концов Андрей Владимирович вышел к Анне, как маленькую девочку взял её за руку.

— Идёмте.

И они поехали домой.

Дома Андрей Владимирович не находил себе места. Он то включал телевизор, то, оставив Анну пялиться на экран, уходил с газетой в спальню. Побыв там немного, шёл пить чай на кухню.

Анна выключила телевизор, по которому шла какая-то чушь, и удалилась в свою комнату. Сегодня голова болела несильно, и Анна попробовала читать. Но едва взялась за книгу, как в дверь постучал Андрей Владимирович.

— Анна, можно к вам?

Анна кивнула.

— Даже не знаю — с чего начать, — заговорил доктор. — Обычно такие вещи говорят родственникам больных, с вами ситуация несколько иная. Видите ли, Анна, бывают такие случаи, когда исцелить человека может только операция.

Анна стала слушать внимательней. Они — что, хотят проделать дыру в её голове, чтобы убедиться, что там всё в порядке?

— Так вот, Анна, глупо отрицать очевидное — вам необходима операция. Оперировать будет сам профессор Зимин. Если, конечно, вы дадите согласие на хирургическое вмешательство.

Вот как? Это что-то новое. До этого Анну лечили только таблетками и уколами, теперь, значит, решили заглянуть внутрь её многострадальной черепной коробки.

“Я должна подумать”, — написала Анна прямо на полях книги.

— Разумеется, это ваше право. Вы можете отказаться от хирургического лечения. Но я бы советовал согласиться. Надеюсь, мне-то вы доверяете?

“Что с моей головой?” — нервно черкнула Анна.

— Н-ну, такое бывает, хоть и очень редко. — Андрей Владимирович смутился. — Может быть, это последствия ушиба головы, может быть, микроскопическое кровоизлияние из лопнувшего мелкого сосудика. Микроинсульт — слышали?

“Короче, это опухоль?” — написала Анна.

— Да, но совсем незначительная. На первой томограмме я не сумел её разглядеть.

Андрей Владимирович не стал говорить Анне, что по своему расположению опухоль можно считать неоперабельной. К чему пугать пациентку? Да, может быть, всё ещё и хорошо кончится. Зимин — один из лучших практикующих нейрохирургов.

“А если не оперировать?”.

Поля книжки, исписанные летящим почерком Анны, едва вместили эту фразу.

— Течение болезни может осложниться многократно.

Андрей Владимирович не лгал. Потеря памяти — это цветочки по сравнению с тем, что могло ожидать Анну в ближайшем будущем. И безумие — не самое страшное, что могло с ней случиться.

Анна демонстративно отложила книгу и повернулась к стенке. Поняв, что разговор окончен, Андрей Владимирович тихонько вышел. Ему было страшно за эту маленькую женщину, страшно за себя, на старости лет обретшего пусть слабую, но надежду, страшно за Зимина, из-за его уверенности в благоприятном исходе операции.

Анна не поднялась к ужину, сколько Андрей Владимирович ни звал её. Заглядывал в дверь, — она притворялась спящей. Однако ей было совсем не до сна. Она думала о прошлом. Как ни странно, не о грядущей операции, а о скрытом от неё прошлом.

Утром Анна навестила своих дочерей и свекровь. Чувствуя себя крайне неловко, посидела в гостях у малознакомых людей. Не испытывая никаких эмоций, простилась. Её ждали дела, которые уже нельзя отложить. Слишком мало осталось времени. Она нашла в киоске экземпляр газеты, в которой, если верить редакционному удостоверению, когда-то работала, и отправила электронное письмо Гарику Орбеляну в отдел криминальных новостей. Анна просила о встрече.

Орбелян не замедлил явиться на ту самую скамеечку, сидеть на которой очень любила Анна. Воспользовавшись своим, почти исписанным журналистским блокнотом, объяснила бывшему коллеге, что говорить она не может, но слышит и сообщает нормально.

— Какая жалость! — огорчился Гарик. — Как же вы теперь будете работать?

У парня явно не хватило ума понять, что работать в газете Анна уже не будет никогда.

Не откладывая в долгий ящик, Анна застрочила в блокноте. Гарик заглядывал ей под руку.

— Восемьдесят тысяч долларов! — ахнул он: — Да разве такие деньги теряются бесследно?

“Вот и поищите в ваших криминальных хрониках — не попадалось ли что-нибудь, связанное с утратой именно этой суммы”, — написала Анна.

— Хорошо, я сделаю это для вас, — согласился Гарик. — Только не думаю, чтобы это где-то “засветилось”.

Они договорились встретиться на следующий день. Анна вся извелась в ожидании условленного времени. Андрей Владимирович счёл её состояние волнением перед операцией, старался всячески успокоить. На ночь дал снотворное, чего не делал уже давно.

Анна прибежала к месту встречи задолго до назначенного часа, Орбеляна пришлось ждать. Его приход ничего не прояснил. Какие-то тёмные истории о сведениях счётов между местным криминалитетом, убийства, ограбления, но — во всех этих историях фигурировали совсем другие суммы денег. Ничего похожего на случай с Анной не попадалось. “Где ещё это может фиксироваться?” — написала Анна в блокноте.

— В управлении правовой статистики и специальных учётов.

“Вы можете получить информацию там?”.

— Конечно. Я пороюсь в их архивах.

“Спасибо, это очень много для меня значит”.

Анна ехала домой, и ей не давал покоя один из описанных Орбеляном случаев: фиктивная продажа какого-то ресторана за три миллиона триста шестьдесят тысяч тенге. Чем эта история запала в больной мозг Анны, она и сама не знала, но чёртов ресторан тревожил раздёрнутое сознание.

Чтобы хоть чем-то занять себя, села за компьютер, писать давно заброшенные записки для Андрея Владимировича. Сумма в три миллиона триста шестьдесят тысяч неведомо как вылезла и там. Перечитав, Анна стёрла цифирь. Отстукивала какую-то ахинею, а мысли были заняты результатами Гариковых изысканий. Хорошо это или плохо, если старания бывшего коллеги окажутся результативными? Появится возможность избавиться от проклятых денег. Они причиняли Анне не меньше страданий, чем болезнь.

Андрей Владимирович не мог не заметить, как переменились Аннины записки. Читая, в одном месте профессионально отметил спутанность сознания. Анна писала о дожде, который, виляя хвостом, ласково положил морду ей на колени. Воспоминания детства. Может быть, была такая собака по кличке Дождь? Но почему строчной буквы? Уж грамотности Анне не занимать. А как понимать реку, покрывшуюся по весне душистыми бутонами?

Поразмыслив, доктор сделал совершенно правильный вывод — Анна напряжённо о чём-то думает, и ей сейчас вовсе не до записок. Пишет абы как, отсюда и виляющий хвостом дождь, и цветущая река. И Андрей Владимирович решил, что Анна боится предстоящей операции. Он тоже боялся. Несмотря на то, что оперировать взялся сам профессор Зимин, исход подобных операций до сих пор был пятьдесят на пятьдесят. Повод для волнения был. Либо Анна умрёт прямо на операционном столе, либо недуг покинет её. Понимая всё это, Андрей Владимирович оттягивал сроки вмешательства, пока это было возможно.

Анна снова отказалась от ужина. Может быть, поела где-то в городе? Настаивать Андрей Владимирович не стал, но увеличил дозу поливитаминов, принимаемых Анной.

Анне снова снились кошмары. В который раз она бежала по скользкой, зловонной грязи, и чужие, ненавистные руки хватали её. Раз за разом — бегство и захват мерзких лап. Наверное, она стонала во сне, потому что Андрей Владимирович не раз стучал в дверь и осведомлялся — всё ли в порядке?

Проснулась Анна задолго до рассвета. Лежала, не решаясь уснуть. Корявые ветки старых яблонь мельтешили за окном, и Анна поняла, что погода снова испортилась. Этот апрель больше напоминал осень, нежели весну.

Анна лежала и думала о предстоящей встрече с Орбеляном. Удалось ли ему раскопать что-нибудь?

Она слышала, как ушёл на службу Андрей Владимирович, потом, словно он ожидал выхода доктора из дома, по оконным стёклам застучал дождь. Сначала нерешительно, робко, постепенно набирая силу. Через несколько минут на улице бушевала гроза. Резкие порывы ветра гнули и ломали старые яблони, обломанные ветки пролетали мимо Аннина окна. В одной рубашке Анна стояла у окна, глядя на улицу, и думала о том, что нечто похожее на эту бурю ворвалось в её жизнь и переменяло её. Да так переменяло, что Анна до сих пор не может прийти в себя.

Освоившись в докторовом доме, Анна пренебрегла халатом. Сидя на кухне в одной ночнушке, она пила запрещённый кофе и думала о деньгах. Тех самых, что отравляли её жизнь, тех самых, что лежали в углу шкафа. Не Дед Мороз же, в самом деле, принёс их. Добрый случай? Ха-ха! Случай, отравивший человеку жизнь, не может быть добрым.

Анна неторопливо собралась и поехала на встречу с Орбеляном. Она знала, что едет рано, но не всё ли равно, где находится в этом мире, не принимающем её.

Гроза уже прошла, только пронзительный ветер гнал по небу обрывки лохматых туч. Анна поёжилась в зябком пальто. Ей казалось, что она никогда не любила весну. Да и за что её любить-то, за эти грязные лужи и ветер?

Сидеть на мокрой лавочке было нельзя, и Анна прогуливалась вдоль аллеи, поджидая репортёра. Про себя она ворчала, что тот назначил неудачный час, ведь у неё, у Анны, времени так мало осталось. Анна боялась не успеть.

Орбелян пришёл какой-то задумчивый, долго рылся в пластиковом портфельчике, потом достал отвратительного качества ксерокопию. Анна читала документ и не могла ничего понять. Убийство двух предпринимателей, хорошо известных соответствующим органам как рэкетирские авторитеты. Обвиняемый, какой-то Капустин, до сих пор не признался в содеянном, несмотря на все предпринятые оперативно-розыскные меры.

Наверное, несладко несчастному Капустину пришлось со всеми этими оперативно-розыскными мерами. Самым странным в документе было то, что главной уликой против обвиняемого служил факт покупки им у погибших Корзунова и Микиткина убогой забегаловки под названием "Фрегат". Точнее, даже не это, а то, что, по оценкам экспертов, упомянутый "Фрегат" не стоил и четверти уплаченной за него суммы. Значит, братки попросту ободрали Капустина, выступившего в этом случае в качестве лоха. Правда, в тот же день Микиткина нашли на свалке с пробитой головой, неподалёку от его БМВ (полицейские долго ломали голову — какая сила понесла рэкетира на свалку и что заставило его выйти из машины), Корзунов был застрелен днём позже, денег ни при том, ни при другом не оказалось.

Был и четвёртый фигурант этого странного дела, к счастью, живой. Некто Седых. Он был признан свидетелем, так как слышал фразу Капустина, заявившего после значительного облегчения его карманов: "Ну всё, суки, вам не жить".

"Ну и что? — написала на блокноте Анна. — Какое отношение всё это имеет ко мне?"

— Ты посмотри на сумму, — сказал Гарик, волнуясь, переходя на ты, — три миллиона триста шестьдесят тысяч нашими.

“Не понимаю”.

— В долларах — двести сорок тысяч. У тебя — восемьдесят. Это же пай одного из троих братков.

“За уши притянуто”.

— Возможно. А может, и нет. Микиткина убили в день получения денег, он их даже домой не довёз. Корзунова — чуть позже, на другой день. Деньги, имевшиеся у обоих, пропали. Из всей троицы выжил только Седых. Конечно, он утверждает, что никакого “наезда” с их стороны не было, и Капустин сам попросил продать ему “Фрегат”. Может, и попросил. Но не за такую же сумму.

“Мне кажется маловероятным, чтобы “мои” деньги имели какое-то отношение к этой истории”, — написала Анна в блокноте.

— А мне — наоборот. По-моему, то, что лежит у тебя — доля Корзунова или Микиткина. Скорей, Микиткина. Твоя болезнь началась сильным приступом как раз в день его убийства. Только как к тебе попали эти деньги?

Анна пожалала плечами. Откуда ей это знать, если она абсолютно ничего не помнит.

— Слушай, я хочу встретиться с Седых. Вдруг это что-то даст.

“Если Седых — преступник, это может быть опасно”.

— Какой же я репортёр, если испугаюсь этой встречи?

Анна подумала, что она Орбеляну помощник никакой. Что толку от сумасшедшей, лишённой к тому же дара речи? Да и слаба она, едва ветром не качает.

Условившись о следующей встрече, они расстались. Ксерокопию Орбелян оставил Анне и, придя домой, она принялась изучать полутрамотный полицейский документ. Настораживало поведение Николая Седых. Он то просил у полицейских защиты от неведомого убийцы, то принимался оплакивать своих приятелей, то дерзил и угрожал следователю. Всё это было внесено в протокол. Скорей всего, Седых не боялся никого и ничего в этом городе, а нюни при полицейских разводил, как говорят в определённых кругах, для отмазки.

Анне этот Седых очень не нравился. Она жалела, что не смогла удержать Орбеляна от встречи с ним.

В этот день Анна чувствовала себя плохо, постоянно болела голова, мелькали какие-то золотистые мушки перед глазами. Очевидно, сказывалось умственное утомление. Нельзя забывать о том, что её мозг нездоров.

Она пролежала в постели весь остаток дня, с трудом проглотила кусочек омлета, заботливо принесённого к ней в комнату Андреем Владимировичем. Анну опять раздражал запах пищи, и она попросила убрать омлет.

Андрей Владимирович измерил Анне давление, заглянул в глаза и сделал укол. После укола стало легче, Анна сама не заметила, как задремала. Последнее, о чём она успела подумать, это то, что завтра ей нужно сносить держаться на ногах, чтобы встретиться с Орбеляном.

Утром Андрей Владимирович разбудил Анну.

— Одевайтесь, душа моя, поедem в клинику.

Анна вопросительно посмотрела на доктора.

— Пора готовиться к операции. Нельзя тянуть время.

Анна отрицательно покачала головой, метнулась к своему блокноту. “Ещё хотя бы недельку!”.

— Но это опасно, — сказал Андрей Владимирович, полагая, что Анна просто боится операции.

“Для меня это очень важно”, — написала она и умоляюще посмотрела на доктора.

И Андрей Владимирович не выдержал:

— Хорошо, отсрочим визит к Зимину, но только на неделю. После этого я никаких возражений не приму.

В порыве благодарности Анна даже чмокнула доктора в чисто выбритую щёку.

Орбелян в этот день не пришёл. Это встревожило Анну, но что она могла предпринять? Она ведь даже рассказать об этом никому не могла, да и если бы смогла, кто бы ей, шизофреничке, поверил?

Не находя себе места, Анна слонялась по дому Андрея Владимировича. Она могла бы набрать номер телефона редакции газеты, в которой работал Орбелян, а ещё раньше — она, Анна. Набрать номер и — что? Молчать в трубку? Компьютер! Она не может позвонить, но написать-то сумеет, Орбеляну же писала.

Анна нашла купленный в киоске экземпляр газеты, там должен быть e-mail. Долго думала над составлением письма. Адресовать его Орбеляну? А если его нет в редакции... и вообще — на свете? Она зябко поежилась от этой мысли. Подумав, написала Крымову, просила ответить срочно.

Теперь она бегала по квартире концентрическими кругами, не удаляясь слишком далеко от компьютера. Чёртова железка молчала. Анна решила, что у компьютера могут быть проблемы с оповещением, стала смотреть почту через каждые пять минут. Зазвонивший телефон оторвал её от этого занятия. Анна уже отвыкла от этого блага цивилизации и не спешила подходить к телефону. А он трезвонил, не умолкая. И тогда она решилась. Взяла трубку.

— Анна, если это ты, постучи по трубке, — задыхающимся голосом кричал Орбелян, Анна его сразу узнала.

Она тут же выполнила просьбу репортёра.

— Анна, блокнот и диктофон там, где мы курили...

В трубке послышался хрип, потом связь вообще прервалась.

С Орбеляном случилось что-то страшное, теперь сомнений у Анны не было. Что делать? Куда бежать? "Там, где мы курили...". Где это? Анна не помнила, чтобы она когда-нибудь курила. Но ведь в её сумочке оказались сигареты и зажигалка. Значит, раньше курила. Чувствуя, что это невероятно важно, Анна напрягла память. Усилие отозвалось болью в висках. Плевать на это. "Там, где мы курили". Где, чёрт возьми, курили? В редакции, где же ещё. Где ещё они с Орбеляном могли курить? Но разве тогда не действовал закон о табакокурении в общественных местах? Действовал. Именно поэтому они с Орбеляном курили где-то там, где их не могло засечь бдительное око редактора.

Анна поняла, что ей просто необходимо попасть в редакцию. Пропустят ли её? Куда денутся, удостоверение-то у неё сохранилось. И Анна начала собираться. Она предвидела всю нелепость своего появления на прежней работе, где, может быть, её помнили весёлой и компанейской, теперь она могла только молчать. Молчать и стараться сделать вид, будто бы узнаёт бывших коллег.

К счастью, народа в редакции оказалось мало, почти все были "в разгоне". Анну заметили две или три женщины, поздоровались, она кивком ответила им. Анна этаж за этажом обходила здание редакции. Где здесь можно курить, спрятавшись от начальства? В подсознании всё время вертелась раскидистая пальма, но пока таковой Анна не видела.

Пальма оказалась на пятом этаже здания. И не просто пальма, а целый зимний сад. Райские кущи. Огромный холл посреди этажа наполовину зарос буйной тропической зеленью, здесь действительно можно вполне незаметно курить.

Как сомнамбула, Анна ступила на одну из каменных дорожек, ведущих в тропическую чашу. Где-то булькал искусственный ручеек, с жестяным шорохом отклонялись от Анниных прикосновений широкие листья. Анна внимательно вглядывалась в темно-зелёные дебри, ища укромное местечко, которое могло бы укрывать крамольных курильщиков.

В этой роще не так просто что-нибудь найти, но Анна была уверена в том, что она на правильном пути. Она облазила зимний сад вдоль и поперёк, но ничего похожего на диктофон и блокнот ей не попадалось. Зато попалась недозрелая уборщица. Поливая из шланга своих тропических монстров, уборщица верещала как сорока, оскорблённая тем, что Анна не ответила на её вопрос, — что это она тут делает.

Поняв, что карга в синем халате не даст ей и шагу ступить без этого стреко-тания, Анна покинула “райские кущи”.

Хождение по коридорам мало что дало ей, кроме нежелательных встреч с сослуживцами. На Анну смотрели как... на зверька. Небольшого, любопытного, и в то же время способного укусить. Мучительны были и мысли об Орбеляне. Что с ним случилось, жив ли он? И о том, что содержат в себе его блокнот и диктофон, раз он не решился оставить их при себе?

Рассуждая таким образом, Анна добрела до небольшого тупичка на втором этаже. Тупичок кончался обшарпанной дверью, которая была слегка приоткрыта. Память тела сильнее памяти ума, едва Анна вошла в тесную и тёмную каморку, как её левая рука протянулась к выключателю, и в комнатухе вспыхнул свет.

Очевидно, когда-то, при прежних технологиях, здесь была фотолаборатория. Отсутствие окон компенсировалось большим вытяжным раструбом, из стен торчали заглушённые за ненадобностью трубы. Здесь вполне можно было курить, не опасаясь начальственного гнева, что и подтверждалось баночкой изпод кофе, наполовину наполненной окурками.

Анна тщательно огляделась. В голой комнатке негде что-либо спрятать. Разве что за вытяжной трубой. Только Анне туда не добраться, ростом не вышла. Вот Орбелян запросто мог. Анна потопталась вокруг трубы, пытаясь и так, и эдак заглянуть за её широкий раструб.

В комнатуху вошли двое мужчин, на ходу прикуривая сигареты.

— О, Анюта! — обрадовался один, — а нам сказали, что ты больна.

Кивнув совершенно незнакомому мужику, Анна раскрыла свой блокнот и написала “Орбелян разыграл меня. Диктофон и блокнот — там, за раструбом”. Мужик, перепачкав в пыли ладони, пошарил за жестяным отворотом. Вот оно, иско-мое! Но помощник не торопился отдавать свой трофей.

— Кажется, это блокнот Орбеляна. Да и диктофон тоже.

“Отдайте! — написала на ключке из блокнота Анна, — это очень важно!”.

— Ого, никак признание в любви! Только каким-то чудным способом.

Мужик протянул Анне вымазанные в пыли вещи. Нисколько не беспокоясь о чистоте сумки, Анна спрятала в неё полученное и бросилась к выходу.

— Можешь не торопиться! — крикнул ей вслед мужик, — Гарика всё равно нет в редакции.

Домой Анна бежала, словно вещи Орбеляна жгли её. Оказавшись дома, раскрыла сначала записную книжку. Среди прочих журналистских заметок — ко-сая строка: “Седы убил Корзунова, доказательства на кассете”. Анна прослушала и кассету, понятого было мало, слова заглушал шум какого-то механизма. Однако сейчас есть компьютеры, способные разделить человеческие голоса от

механических шумов. Только где они, эти компьютеры? И кто подпустит к ним немую дурочку? Кто поверит информации, переданной через такие ненадёжные руки?

Только сейчас Анна поняла, как она устала. Головная боль валила с ног, кроме привычного обруча, сжимавшего череп, появилось болезненное ощущение в шее, потянуло плечо. Анна приняла обезболивающую таблетку и легла. Думать по-прежнему было больно. Беспокоила судьба Орбеляна, при таком обрыве разговора трудно было надеяться на то, что он жив и здоров.

Боль не унималась, Анна приняла ещё одну таблетку. Так, в полусне, она и лежала до тех пор, пока со службы не пришёл Андрей Владимирович. Осторожно заглянул к ней в комнату и ахнул:

— Голубушка, да на вас лица нет! Немедленно в клинику!

Анна отрицательно помотала едва не взорвавшейся от боли головой. У неё ещё были дела здесь, в этом мире, и их необходимо было довести до конца. Откуда-то Анна знала, что она необыкновенно упряма, и сейчас твёрдо стояла на своём. Помог укол, головная боль утишилась, отдалилась куда-то, сон приятной негой обволок усталое тело. Спать, только спать...

Во сне под ноги легла уже виденная однажды каменистая тропа, и остроухая собака с добрыми глазами звала за собой. Тропа была разной — то ровной и прямой, то извилистой, с крутыми подъёмами, по которым Анне приходилось карабкаться на четвереньках. Но она вела вверх, и Анна изо всех сил спешила за зовущей её собакой...

Утром Анна долго писала на компьютере письмо полицейским. Слишком многое зависело от того, — поверят ей или нет. Поэтому она тщательно обдумывала каждую фразу. Рассказала об Орбеляне, о странном обрыве разговора, о том, как она нашла диктофон и записную книжку репортёра. Перечла и поняла, что перед ней — письмо из сумасшедшего дома. Начала сначала, с того, что Корзунова убил Седых, доказательство тому — диктофонная запись Орбеляна, репортёра областной газеты. Орбелян, успев передать ей, Анне, информацию, неожиданно оборвал телефонный разговор и исчез. Анна просит со всей серьёзностью отнестись к её письму и исследовать диктофонную запись. Так, пожалуй, лучше.

Анна упаковала свои “вещественные доказательства” в полиэтиленовый пакет, к ним приложила письмо. Потом написала ещё одно, для дежурного. Ведь объяснить полицейскому она ничего не сможет.

Подготовившись таким образом, Анна пошла в полицию. Лёгкое головокружение сопровождало каждый её шаг, но боли не было. И слава Богу.

Дежурный действительно пытался расспросить Анну о цели её визита, вместо ответа она протянула ему записку. Эффект вышел неожиданный, решив, что Анна не только немая, но и глухая тоже, полицейский принялся орать. Простые фразы, вроде “подождите, я вызову следователя”, звучали у бравого дежурного наподобие армейских команд. Ничего не поделаешь, человеку с ограниченными возможностями приходится привыкать к разной реакции соплеменников на его необычность.

Анна присела на банкетку, ряд которых стоял напротив оконца дежурного, и принялась ждать. Она всё время думала об Орбеляне. Что с ним? Жив ли он? А если жив, то, возможно, нуждается в помощи.

Невысокий человек в обычном костюме и очках в хромированной оправе вышел из недр полицейского отделения.

— Кто здесь Корилина?

Анна поспешно поднялась.

— Следователь Керимов. Вы хотели меня видеть?

— Она глухонемая, — встрял со своими разъяснениями дежурный.

Анна сердито замотала головой, а Керимов озадаченно взялся рукой за бритый подбородок.

— Как же мы с вами будем общаться?

Анна изобразила на ладони действие, похожее на письмо.

— Ага, по переписке. Свидетелей по переписке у меня ещё не было. Идёмте.

Вслед за Керимовым Анна поднялась на второй этаж и оказалась в большой, почти голой комнате, которая давно нуждалась в ремонте.

— Присаживайтесь. — Следователь указал Анне на стул, сам же уселся на край старого конторского стола.

Этот стол, несколько стульев да древний сейф в углу и составляли всё убранство кабинета. Анна выложила на стол пакет с “вещдоками” и протянула следователю письмо. Читая, тот хмурился всё больше и больше.

— Откуда вы знаете Орбеляна? — прервавшись, спросил он, забыв об Аннинной немоте.

Но Анна была к этому готова, вытащила из сумки блокнот и карандаш, настрочила: “До болезни я работала вместе с ним. Мы — бывшие сослуживцы”.

— Вот откуда ваша фамилия кажется мне знакомой, — прочитав, сказал следователь. Свидетелей-журналистов в моей практике ещё не было.

“Я не могу быть свидетелем, — написала Анна, — характер моего заболевания исключает это”. Керимов странно посмотрел на Анну и принялся изучать блокнот Орбеляна.

— Гарика я знаю хорошо, — заговорил следователь, — общаемся с ним по работе, да и на рыбалку вместе ездим. То, что вы написали о нём, весьма тревожно, но я не думаю, чтобы Орбелян так просто сдался.

Диктофонная кассета ничего не дала. Тот же механический шум, перекрывающий человеческую речь.

— Кассету нужно прогнать через компьютер, “почистить”, — задумчиво сказал Керимов. — Но, боюсь, я вас разочарую — диктофонные записи судом в качестве доказательств не принимаются.

“Почему? Человек рисковал жизнью ради этой записи”, — настрочила Анна.

— Законодательство такое.

Анна шла домой и думала о том, что Орбелян, возможно, погиб, добывая эти доказательства, а они судом не принимаются. Это же несправедливо. Однако она сделала всё, что было в её силах, больше от Анны ничего не зависит. Теперь вся надежда была на Керимова. От того, как оперативно станет действовать следователь, зависел исход всего этого запутанного дела. Анне пришло в голову, что следователь так и не спросил — какое отношение ко всему этому криминалу имеет она, Анна. Ну что же, может быть, так лучше.

Возвратившись, Анна долго бродила по ещё сырому после вчерашней грозы саду. Ей опять некуда было деть себя, мир не принимал, отторгал её как нечто чужеродное. Это чувство было Анне хорошо знакомо, ещё с тех лет, когда всё вокруг сошло с ума и оставаться здравомыслящей во взбесившемся мире становилось всё трудней и трудней. Словно открылась некая задвижка, в сознание Анны бурным потоком хлынули воспоминания. Она пошатнулась, ухватившись за шершавый ствол яблони, чтобы не упасть, и открыла разум своему прошлому...

Глава 4

... Удивительно, откуда в обычной русской семье взялась кудрявая темно-волосая девочка с глазами шоколадного цвета и греческим профилем. В этом усматривался какой-то элемент случайности. Аня была поздним и единственным ребёнком в семье, вероятно, из-за маминой болезни. В детстве Аня не мучилась тайной своего происхождения, да и у кого было любопытствовать — у вечно занятого, строгого седоволосого отца, директора сельской школы? Или у малоподвижной и беспомощной матери, страдающей тяжелой стенокардией? Малейшее усилие или волнение вызывало у мамы одышку, приступ слабости и мучительную боль в груди. Мамин лоб покрывался бисеринками пота, если она пыталась отнести телёнку ведёрко с пойлом. Поэтому Аня с детских лет привыкла к сельской домашней работе. Не маму же заставлять.

Лет в двенадцать Аня со всей ужасающей отчётливостью поняла, что мама, скорее всего, долго не проживёт. Боль осознания этого, как и неизбежности маминой смерти, была слишком сильной и острой для ребёнка. Аня безмолвно, чтобы не разбудить родителей, спавших в соседней комнате, проплакала полночи. Утром она проснулась усталой, с головной болью. Отец, собираясь в школу, взял Аню за подбородок.

— Что-то ты бледна сегодня. Ничего не случилось?

Боясь разреваться, Аня молча помотала головой. Она как раз застёгивала, неловко вывернув назад руки, форменный школьный фартучек и, целиком сосредоточившись на этом нехитром занятии, сумела удержать слёзы.

— Ну-ну, — буркнул отец, очевидно списывая состояние дочери на возрастные изменения в организме. — Может быть, тебе стоит поговорить с мамой?

Аня молча кивнула. В семье с ней никогда не сюсюкали, её не заласкивали, обращались, как со взрослой — на равных. Отец считал, что именно таким образом ребёнка можно воспитать самостоятельным. Однако это не мешало Ане постоянно чувствовать родительскую любовь и заботу.

Идя с отцом в школу, Аня по-детски думала, что когда-нибудь все умрут — и мама, и папа, и она сама, но ведь это случится не сегодня... И совсем не детская мысль врезалась в сознание — когда бы это ни случилось, боль утраты родных людей всё равно будет острой. Это было первое детское открытие Ани Бородихиной. Потом открытий было много, в жизни не всегда выходит так, как мы надеемся.

Страх за маму долго преследовал Аню, но первым она потеряла отца. Георгий Тимофеевич умер внезапно, от инфаркта. Ане было четырнадцать, и она считала, что знает о жизни и смерти всё. Все заботы по дому она взвалила на себя, пыталась сунуться и в организацию похорон отца, но ей мягко посоветовали не суетиться, всё сделают без её участия.

Хоронила директора школы вся деревня. У Ани не было чёрного платья, поэтому она надела школьную форму. Она шла за гробом рядом с мамой, то и дело обмиравшей, беспомощно обвиснув на руках соседок. Соседки плакали, мама тоже. Не то чтобы Аня не чувствовала постигшего её горя, она просто вся одеревенела и её глаза оставались сухими. Женщины советовали ей — поплачь, легче будет, но это как-то не воспринималось. Мыслями Аня была далеко от этих похорон, от того, что лежало в украшенном бумажными цветами гробу. Аня думала об отце — сильном, загорелом. Она помнила его живым, на берегу реки, с бамбуковой удочкой в руках. Отец всегда брал Аню на рыбалку, и малопонятные для непосвящённых слова “жерлица”, “мотыль” и “снасточка для живца” не составляли для неё тайны.

Похороны отца Аня понять и принять не могла. Он так и остался в её памяти живым и сильным.

— А дочка-то, гляди — ни слезинки, — донеслось до неё из толпы.

— Видно — неродная кровь... — прозвучало в ответ.

Аня слышала это, но шла, как замороженная, не было сил ни ответить, ни заплакать.

Когда её подвели к могиле бросить горсть земли, Аня подумала, что это очень противоестественно — заставлять близких самих бросать землю на гроб родного человека. Но сделала то, что ей велели. За её спиной возник лёгкий ропот и, оглянувшись, Аня увидела, что мать, запрокинув голову, снова повисла на руках соседок. На этот раз как-то не по-живому, жутко, словно переломленная пополам.

На том же «газике», который привёз покойника, маму повезли в деревенскую больницу, Аня тоже поехала.

— Ничего страшного, приступ стенокардии, — успокоила Аню докторша Ирина Сергеевна. — Пусть мама полежит у нас, ты ведь большая девочка, сможешь сама с хозяйством управиться.

Не столь велико было хозяйство Бородихиных, чтобы Аня не смогла с ним управиться: корова, телёнок, двое поросят да куры. Был ещё огород, но о нём и говорить не стоило, Ане доставляла удовольствие возня с рыхлыми, унавоженными грядками, ровными рядками помидоров и капусты. Часами она могла копаться на огороде. Отец по этому поводу говорил, что в семье агроном растёт.

Аня впервые осталась одна в доме. Это было настолько непривычно, что боль потери отца и тревоги за мать отошли на второй план. На первом была оторопь перед пустым, знакомым до последнего сучка в половице, домом. Аня не представляла — как она сможет лечь спать в этом доме, в один день переставшем быть родным. Торопливо, бегом по комнатам, она влетела в дом, через голову стащила школьную форму и влезла в домашний сарафан. Так же стремительно, словно за ней гнались, выскочила из дома.

На улице было легче. Она накормила животных, полила огород, встретила из стада корову Жданку. Пока корова пила воду, кося на Аню ласковым тёмным глазом, Аня думала о том, что сейчас Жданка — самое близкое ей существо, оставшееся в их осиротевшем дворе.

Пододвиг корову, подсунув ей в ясли сенца — на всякий случай, вдруг голодна, Аня расположилась на ночлег в сарае, в загородке для сена.

Проснувшись Аня уже другой, взрослой и поумневшей, что ли. Подумала о вчерашних поминках, на которых подвыпившие старушки расхваливали её отца, о маме, лежавшей под капельницей с лицом блеее подушки... Долго раздумывать было некогда, небольшое хозяйство ждало заботы.

Управившись, Аня уже без страха вошла в дом и собралась готовить передачу для матери. И тут перед ней встал неразрешимый вопрос — что носить в больницу? Мама лежала в ней неоднократно, но передачи всегда готовил отец. Аня ткнулась в холодильник и вспомнила, что со вчерашнего дня не ела. Да и не готовила ничего. Только на поминках пощипала блины, еда в горло не лезла.

У мамы — диета. Ей нельзя острое, солёное, жирное, жареное... Как быть? Что приготовить? Выручила тётка Катя, соседка, пришедшая навестить Аню.

— Корову-то угнала в стадо? — первым делом спросила она.

— Да угнала, угнала. Вот — не знаю, что маме нести, — с досадой ответила Аня.

— Такая большая, и не знаешь?

Тётъ Катя загремела кастрюлями, но все они были пусты.

— Ты чего сама-то ела?

— Ничего.

Суровые морщины на лице тётъ Кати разгладились.

— Не горюй, сейчас что-нибудь придумаем.

Совместными усилиями они соорудили, как показалось Ане, настоящую больничную передачу — подслащённый творог со сливками, хлеб с домашним сыром, принесённым тётъ Катей, немного салата из молодой редиски. Взяли утреннего молока в бутылке.

— Деньги-то у тебя есть — хоть хлеба купить? — спросила тётъ Катя.

Деньги? Об этом Аня как-то не задумывалась. Бородинхины не делали секрета из места хранения денег. Аня знала, где они лежат. Заглянула в ящик комода, в китайскую фанерную шкатулку, облепленную цветными раковинками. Деньги были, и, как показалось Ане, их было много — красненькая десятка, синяя пятёрка и два потрёпанных рубля.

— Есть деньги, аж семнадцать рублей, — сообщила Аня соседке.

— Возьми рубль с собой, на обратном пути купишь хлеба, — посоветовала та.

... На Анином “выходном” сарафане карманов не было, рубль пришлось держать в руке. Всю дорогу до больницы Аня думала, что вот — она, вполне взрослая девушка, носит маме в больницу передачи, сама распоряжается семейными деньгами... Теперь, когда нет папы... Эта мысль резанула до слёз, но Аня сумела удержать их, ведь она осталась единственной маминой опорой... Чтобы отвлечь себя от грустных дум, вспомнила, как однажды мама дала ей тридцать копеек, купить двести граммов конфет к чаю. Конфеты в сельмаге были всегда одни и те же — круглые, обсыпанные сахаром шарики с повидлом внутри. В деревне их называли “Дунькина радость”. Они показались Ане скучными и невкусными. А вот “петушки” на палочках, которые возле магазина продавала баба Валя, играли на солнышке янтарными бликами и выглядели очень аппетитно. Аня разжала ладошку с двумя пятнадцатикопеечными монетками. По десять копеек “петушок”, как раз на троих хватает. И Аня решилась. Вечером, когда папа собирался пить чай, мама торжественно выложила на блюдечко перед ним “петушок”. Удивившемуся папе мама объяснила, что “петушков” к чаю купила Аня, вместо конфет. Папа покачал головой и сказал:

— Некоторые люди совсем не дают себе труда подумать, прежде чем что-то покупать.

Он отодвинул от себя блюдечко с “петушком”, отставил чашку с чаем и ушёл спать. А Аня долго ворочалась, мучаясь своей очевидной глупостью...

В больнице Аню обрадовали:

— Передачу принесла? Не надо. Посиди немного, сейчас маму домой заберёшь.

Мама вышла откуда-то из длинного больничного коридора, бледная, но довольно уверенной походкой. Аня взяла её за руку и повела домой. В другой руке несла узелок с непригодившейся передачей. Возле магазина спохватилась, что нужно купить хлеба, и вспомнила о рубле. Ещё в больнице он лежал в ладошке, свёрнутый в мягкую трубочку. В одной руке узелок, а в другой — рубль. Наверное, он так и остался в больнице, когда Аня взяла маму за руку. Неожиданно даже для себя Аня разревелась. Слёзы лились градом, мама вытирала их платком, пыталась успокоить дочь. Уж она-то прекрасно понимала, что дело вовсе не в потерянном рубле. Этими, ещё детскими слезами пролилось всё горе, всё напряжение

последних дней. С ними, со слезами, излилось недолгое Анино детство, дальше начиналась преждевременная взрослость.

После смерти отца Бородихиным назначили пособие по утере кормильца. Вместе с маминой инвалидской пенсией насребалось около шестидесяти рублей. Конечно, многим помогал совхоз, кроме того, выручало хозяйство. Сдав осенью заезжим заготовителям телёнка, мама купила Ане зимнее пальто из синего драпа, с лоснящимся цигейковым воротником. Купила, как водится, на вырост, чтобы дольше прослужило. В этом пальто Аня ещё целую зиму ходила в школу, в нём же добиралась до сельскохозяйственного техникума, расположенного в райцентре, в восьми километрах от дома. Аня привычно преодолевала это расстояние дважды в день. Поселиться в общежитии она не могла — на кого же оставить маму? В том, что она будет агрономом, Аня не сомневалась, поэтому училась старательно, не пропускала ни одного дня.

Однажды зимой, идя в темноте на занятия, видела волков. Сразу даже не испугалась, ну идут следом некрупные, худые собаки, посвечивают жёлтыми глазами. Страх пришёл потом, когда начались райцентровские огороды. Одна из “собак” села в снег и, задрав вверх острую морду, жутко завывала. По райцентру так и покатился собачий лай, перемежаемый воем и скулением. Со всех ног, путаясь в полах длинного, на вырост, пальто, Аня бросилась бежать. Мягко топчась валенками, пронеслась по пробуждающейся улице и влетела на деревянное крыльцо техникума.

Рассказывать об этом случае никому не стала, боялась, что дойдёт до мамы, а ей нельзя тревожиться. Только теперь ходила на занятия с длинной крепкой палкой, которую прятала под крыльцо учебного корпуса. Правда, и волки больше не показывались.

Училась Аня легко, схватывала всё на лету. В группе её любили за общительность, она оказалась вполне компанейской девушкой, но... в приятелях у неё ходила вся группа, а близких друзей и подруг не было. Группа состояла в основном из ребят, специальность такая — не женская, агрономия. Но и с теми четырьмя девушками, которые учились с Аней в одной группе, частных отношений не складывалось. От этого Аня не чувствовала себя ущербной, друзей ей заменяли книги. Их очень много осталось в отцовской библиотеке, кроме того с каждой стипендии Аня бежала в книжный магазин райцентра. А вдруг да что-нибудь хорошенькое завезли.

Анино “а вдруг” оправдывало себя редко. Полки магазина были забиты “эпохальными” стенограммами “судьбоносных” съездов, пропагандистской литературой да скучными мемориями партийных бюрократов. Впрочем, в разделе “методика” можно было сыскать неплохие пособия по агротехнике и полеводству, и стоили они совсем недорого, в пределах рубля.

Однажды каким-то чудом на полку магазина попал томик разрозненного собрания сочинений Анатоля Франса. Из любопытства Аня выложила за книгу почти три сэкономленных на обедах рубля, для неё это была очень дорогая книга. Принесла томик домой, раскрыла и — пропала. В книге оказалась “Рубиновая лилия”. Аня зачиталась так, что забыла вовремя подоить корову. Мама, вязавшая носок из домашней пряжи, напомнила ей об этом, и Аня с сожалением закрыла книгу. Ей очень хотелось поскорей узнать — чем же закончится такая пылкая любовь художника с труднопроизносимым именем Дешартр к замужней даме. От книги веяло запретным, почти крамольным, но таким сладким, покоряющим душу чувством. Музыка романтической Франции прошлого века не умолкала в неискушённой душе, и Аня влюбилась в Дешартра. Это была первая

любовь, странным образом направленная не на реально существующего человека, а на персонаж куртуазного романа. Аня начала писать трогательные в своей наивности стихи. Голубую школьную тетрадку, в которой преобладали рифмы “любовь-кровь”, “было-забыла” и тому подобные, выкрал из Аниного портфельчика шкодный соученик, Федька Коротышкин. Тетрадка переходила из рук в руки, на Аню многозначительно поглядывали и хихикали. Увидев свою “секретную” тетрадку у Федьки, Аня пришла в ярость и отлупила поганца. Отлупила так, что у Федьки перекосило физиономию, а поступок Ани разбирали на комсомольском собрании.

Её решительно осудили и выгнали вон из комсомола. У Ани сложилось впечатление, что исключили её вовсе не из-за Федькиных синяков, а из-за злополучной тетрадки со стихами “не той тематики”.

— Как тебе не стыдно, ты же советская девушка! Позор и мещанская пошлость! — “заклеймил” Аню комсорг техникума.

Странно, но стыдно Ане не было. Она чувствовала себя оскорблённой — как они посмели лезть в её чувства, её душу?

Вечером после собрания Федька получил ещё один добрый тумак, и домой добирался в обход, стараясь не попасться Ане на глаза. Несмотря на маленький рост и кажущуюся хрупкость, Аня обладала далеко не девичьей силой. Тренажёрными залами ей служили огород, сарай и сеновал, ведь дома она была за мужчину.

После этого события отношения с сокурсниками осложнились. Аня не хотела общаться с ними, чувствуя какое-то неявное предательство в их поведении, они не слишком-то стремились сблизиться с исключённой из комсомола крамольницей и драчуньей. Аня замкнулась в себе. Её мир был вовсе не мал, он вмещал в себя всю вселенную с её прекрасными книгами, стихами и мечтами. Разве этого мало?

После Франса Аня добралась до отцовского Шекспира, ранее не вызывавшего у неё интереса. Теперь каждая его книга читалась и перечитывалась по несколько раз, все восемь томов. Упоение романтикой классической литературы настолько повлияло на Аню, что она жалела, что не родилась тогда, когда жили и действовали герои её любимых драм и романов. При этом Аня не подозревала, что её родной двадцатый век ничуть не менее романтичен. Просто рядом нет равного Шекспиру, Данте, Франсу или Толстому.

... Купленное на вырост пальто верой и правдой прослужило Ане все четыре года учёбы в техникуме. Только вот расти Аня, кажется, больше не собиралась. Как была ростом с сидящую собаку, так и осталась. С отличием окончив техникум, Аня нацелилась в Энский сельскохозяйственный институт. Оставить маму одну было невозможно, поэтому пришлось поступать на заочное отделение. Аня устроилась на работу в совхоз агрономом-полеводом (была такая незначительная должность) и засела за учебники, готовясь к вступительным экзаменам.

Мама, шаркая суконными тапками на отёкших ногах, готовила ужин, когда в окошко кухни постучали.

— Аня, это к тебе, — позвала мама.

Вовка Кудряшов, первый парень на деревне, гармонист и забияка. Демобилизовавшись из армии, Вовка работал в совхозе трактористом, носил залихватский чуб, сушил девичьи сердца одним взглядом глаз пронзительной синевы.

— Аняк, ты это... вышла бы, что ли, — сказал Вовка, не поздоровавшись.

— Ну вышла, дальше что? — нарочито грубовато спросила Аня, спустившись со ступенек крылечка.

Её раздосадовало то, что ей мешают заниматься, поэтому Вовку она встретила недружелюбно.

— Пойдём погуляем? — предложил Вовка.

— Не могу, некогда.

— Зазналась, нос дерёшь? Марку держишь, а-гро-ном-ша. — Последнее слово Вовка сказал по слогам, с издёвкой.

— Вовсе нет, — сказала Аня и, неожиданно для себя, шагнула за калитку.

Впоследствии она пожалела об этом, но жизненный опыт приходит со временем. Вовкино гуляние закончилось в неумеренной похвальбе своей силой и лихостью, рассказах об огромных количествах выпитого спиртного и попытках облапить Аню. Красавец парень, прозванный в деревне Вовка-Девичья беда, оказался примитивным, как амёба. Говорить с ним было абсолютно не о чем. Аня быстро соскучилась, Вовкины нахальные поползновения рассердили её, и она сбежала домой.

С этого вечера Кудряшов зачастил к Бородихиным. Ане его ухаживания не нравились, и она запиралась в своей комнате, корпела над книгами. Вовка гонял чай с Аниной мамой, веско и солидно говорил:

— Вы не подумайте, тётя Аня, я ведь жениться на вашей Аньке хочу, а она фордыбачит. Я бы хоть завтра сватов заслал...

Мама осторожно поинтересовалась — что Аня думает обо всём этом. Ане стало смешно:

— Мам, ну какой он мне муж, с ним же словом не перемолвишься. Да и учиться мне надо.

Мама с сомнением покачала головой. Аня обняла маму за худенькие плечи:

— Мам, ну не нравится он мне. Пристал как банный лист.

— Что ж, тебе видней.

Тётя Катя взялась присмотреть за коровой и курами, пока Аня сдаёт экзамены. Аня упростила маму не провожать её до автобуса, остаться дома. С дешёвенькой клеёнчатой сумкой, купленной по случаю в райцентре, на гремучем деревенском автобусе Аня поехала покорять Энск.

Город встретил провинциалку шумом, рёвом автомобильных моторов, ровным гулом метрополитена. Аня таращилась на здания дореволюционной постройки, благоговейно ступала по старинной мостовой. Побывала и на гранитной набережной Эны, постояла на знаменитом Анненском мосту. Город вызывал у неё трепет, она столько читала о его легендарных улицах и площадях. Теперь ходила по ним сама.

Энск настолько вскружил Ане голову, что она плохо помнила, как сдавала экзамены, знала только, что в списках зачисленных в институт была и её фамилия. Можно было возвращаться домой. Напоследок она прошлась по городу, заглянула в магазины, выбирая подарки маме и тёте Кате. Выбор был велик, вот только Анины возможности ограничивались двенадцатью рублями, оставшимися после покупки обратного билета. Маме Аня купила новые войлочные тапки с пушистой меховой опушкой, тёте Кате — глубокие «татарские» галоши завода «Красный треугольник». В деревне — вещь незаменимая. Денег осталось ещё на коробку шоколадных конфет «Ассорти».

С этими подарками Аня и вернулась домой. Вернулась победительницей, поступившей в желанный вуз. Втроём с мамой и тётей Катей они пили чай с привезёнными Аней конфетами (в местном магазине, кроме уже упомянутой «Дунькиной радости», других сладостей не водилось), мама счастливо смотрела

на Аню. А тётя Катя немедленно переобулась в новенькие, сверкающие лаком галоши.

— Значит, учиться будешь? — спросила тётя Катя.

— Да, буду.

— А как же Вовка? Думаешь, он всё это время тебя ждать будет? Девочек незамужних в деревне — хоть в штабеля складывай.

Аня смутилась. Дался им этот Кудряшов! В деревне все знали про односельчан всё. А чего не знали — домысливали сами. Так уж повелось, и ничего с этим не поделаешь. А как же тайнство любви? Жгучая, сокрытая от всего мира страсть, воспитанная Шекспиром и Франсом? Неуклюжие ухаживания Вовки Кудряшова как-то не воспринимались как проявления любви. Здоровая девственность Ани бунтовала против столь грубых посягательств на неё, и Вовка не вызывал никаких положительных эмоций. Встречаясь с ним в поле или на улице, Аня здоровалась очень холодно и пресекала все попытки завести разговор. Вовка от этого бесился и грозил Ане тем, что она ещё сама прибежит к нему. В этом Аня сильно сомневалась. Вот и все отношения, да только деревня думала иначе.

И потекли неприметные деревенские будни: работа, учёба, дом. Зимой агроному в селе делать особенно нечего, и Аня устроилась разнорабочей в кормоцех. С утра запрягала в сани с большим деревянным корытом древнего мерина, которого какой-то путник прозвал Аредом, что постепенно трансформировалось в "Ирода", ехала к дробилке, заполняла корыто дроблёным ячменём и везла его в кормоцех. Там работники опрокидывали корыто в широкий металлический ящик, и Аня ехала за очередной порцией. Мерин не оправдывал своего злополучного имени, всё свободное время он смирно стоял, пуская слюни с чёрных губ, а когда понукали, двигался крайне неохотно и медленно. Работа у Ани была нетяжёлой, но пыльной. От ячменной трухи першило в горле, воспалялись глаза. Аня терпела, она же — агроном.

Этой же зимой случилось несчастье — заболела старая Жданка. Стояла, тяжело дыша, раздутые бока ходили ходуном. Корова не ложилась, ничего не ела, только жалобно мычала и пила воду. Веттехник Николай Семёнович осмотрел корову и велел зарезать, пока сама не пала. Как это — зарезать Жданку? У Ани это в голове не укладывалось, ведь корова была почти членом семьи. Аня пыталась лечить Жданку стрептоцидом, но это не помогало, корове становилось всё хуже и хуже. Тогда, отодвинув Аню, в сарай вошли Николай Семёнович и Вовка Кудряшов. За воротами тарахтел Вовкин трактор с тележкой. В него по деревянному трапу загнали пошатывающуюся от слабости Жданку, и Вовка увёз её куда-то.

Аня бродила по двору как неприкаянная. В дом не шла, чтобы не расстраивать маму. Жданка сопровождала Аню с самого детства, большую часть её пока ещё недлинной жизни. Это она жарко и шумно дышала в шею, когда Аня водила её на верёвке на прививки и ветосмотры, она норовила лизнуть шершавым, как рашпиль, языком, когда Аня задавала ей сено, рядом с ней нестрашно было ночевать, когда мама попадала в больницу. Аня вспоминала, как обнимала Жданку за тёплую, с большим подгрудком, шею, как таскала из дома сахар-рафинад для коровы, а потом, приложив ухо к её лбу, слушала, как грохочет сахар на коровьих зубах...

Вечером Вовка привёз пятьсот восемьдесят рублей.

— Купите другую корову.

Аня с мамой сидели молча, не прикоснувшись к деньгам. Вовка неловко потоптался у дверей и вздохнул:

— Ну что вы так, это же не человек...

— Спасибо, Вова, — ровным голосом ответила мама, и Вовка ушёл.

Они не купили другую корову, воспротивилась мама. Мол, зачем лишние хлопоты, а литр молока всегда можно взять у соседей. Деньги, вырученные за Жданку, мама положила на сберкнижку, на Анино имя.

Странно, то, что сделал Вовка, можно было считать благодеянием, однако в глазах Ани он сделался едва ли не злодеем, губителем животных. Теперь Аня и слышать о нём не хотела.

От всего хозяйства Бородихиных остались одни куры да ленивый старый кот, от поросят отказались ещё после смерти главы семьи. Ане стало значительно легче с домашними делами, но ещё долго опустевшее коровье стойло пугало своей сиротливой ненужностью.

Приближалась весна, а с ней и сессия. Аня не представляла, как она уедет, пусть ненадолго, — у мамы сильно отекали ноги, больное сердце явно не справлялось. Даже в лице мамы появилась какая-то болезненная одутловатость, губы и ногти стали синеватыми. Мама лежала в больнице, но через неделю её выписали без видимого улучшения. Она теперь большей частью сидела в постели на высоко взбитых под спиной подушках, так ей было легче дышать. Одышка мучила маму и в покое.

Приходя с работы, Аня первым делом заглядывала в мамину комнату:

— Ты как?

— Сегодня уже лучше.

Так мама говорила каждый день, но лучше ей не становилось. Даже сильно устав на работе, Аня подолгу не спала, прислушиваясь к затруднённому маминому дыханию. Было страшно — а вдруг сейчас вдохнёт, а выдохнуть уже не сможет?

Однако когда стаял снег, маме стало лучше. Она даже выходила погреться на заваulinку, тяжело передвигая распухшие ноги в подаренных дочерью тапках. Простоватая тётя Катя присоединялась к ней и говорила:

— Что, мать, оклемалась? А я уж думала, что ты наперёд меня деревянное пальто примеришь. А я-то ведь на шесть годочков тебя постарше.

Вообще деревенские старики удивительно спокойно говорили о смерти, словно смиряясь с суровой неизбежностью. Смерть служила для них предметом шуток, они даже подначивали друг друга, споря — кто раньше умрёт. Древняя баба Тася, в ответ на шутку о том, не женихов ли она ждёт на лавочке у калитки, беззубо улыбаясь, прошамкала:

— У меня уж есть два жениха — один Могилин, другой Лопатин.

А дед Самострелов, который ещё в царской армии служил, отмерил себе на деревенском кладбище место и не позволял никого на нём хоронить. Взгорок ему там, видите ли, приглянулся, для себя берёт.

Увидев, что маме стало легче, Аня воспрянула духом. Тревожно, конечно, но, Бог даст, обойдётся. Ехать-то надо. И она поехала. Подготовилась плохо, работа и беспокойство за маму сказались на занятиях. В результате едва не завалила сессию, выгребла исключительно на своей хорошей памяти. Аня уже собиралась домой, когда квартирная хозяйка Клара Григорьевна принесла ей телеграмму из деревни.

— Ты уж не убивайся сильно, деточка, все мы смертны...

Аню как громом поразило. В первый момент даже не могла поверить в то, что мамы больше нет, что теперь осталась на свете одна. Слез не было, только перехватывало дыхание да куда-то в бездну проваливалось сердце.

По телеграмме билет удалось купить без очереди, и Аня поехала домой, туда, где её возвращения уже не ждала с нетерпением мама. Что теперь стало с ней? И сможет ли она почувствовать, что дочь всё-таки приехала к ней, пусть и с опозданием? Аня не понимала, не принимала смерть. Всё в ней противилось этому.

Когда она шагнула через порог родного дома, сидящие у гроба старухи завыли в голос:

— Ой, ты ж сироти-инушка, да никого ж у тебя не осталось, и голову приклонить не к кому.

Аня глянула в гроб. То, что лежало там под кружевным покровом, показалось ей незнакомым. Мама никогда не носила белых старушечьих платков, теперь опухшее лицо было туго перевязано именно таким. На лбу покойницы лежал церковный венчик, делая маму ещё более неузнаваемой. Горела, потрескивая, свечка, воткнутая в стакан с солью, муторно голосили старухи. Стиснув зубы, Аня вышла из дома. Это не могла быть её мама, они что-то напутали. Кто “они” и что напутали, Аня не понимала, но и возвратиться в дом не могла. За ней выскочила тётя Катя:

— Ну ты чего? Нехорошо так, иди посиди возле матери.

Аня глянула на соседку невидяще и, сделав над собой усилие, вернулась. Сидя у гроба, думала, что мужчиной быть проще, никто не станет упрекать за отсутствие слёз. Старухам было невдомёк, что Аня не желала помнить маму мёртвой, для неё она оставалась живой...

Похороны прошли как в недобром сне, когда всё зыбко, туманно и не воспринимается реальностью. Аня так и не приняла до конца своё свершившееся одиночество. Дома она прислушивалась, ожидая, что вот-вот скрипнет дверь, тяжело ступая, войдёт мама. Спросит — как сдавалось, как Энск, как настроение? Поинтересуется — что нового сказала Клара Григорьевна. И полное, почти лишённое морщин, лицо мамы будет участливо кивать на Анины рассказы, а в серых глазах — неподдельный интерес. Аня вспомнила глупую, пустяковую обиду — ссору с мамой из-за дурацкой мини-юбки. Зачем Ане нужна была эта юбка, она и сама толком сказать не могла, но в предпоследнюю поездку купила её в Энске, выложив за лоскут искусственной кожи аж восемьдесят рублей. Не умея врать, сказала маме стоимость одежды, да ещё и встала на защиту своей неправоты. Мама не ругалась, она никогда не ругалась. Просто сказала, что на эти деньги можно было купить четыре нормальных платья. Аня распалялась, чувствуя, что мама права, и сама не заметила, как наговорила ей дерзостей. Потом было примирение, мама обняла послушницу, прижалась к ней лицом, обняла, мягко похлопывая по спине, словно баюкая дитя. Тогда всё забылось, а вот теперь вина перед мамой навалилась на Аню тяжким гнётом. И исправить уже ничего нельзя. Вспомнились нелепые “петушки”, купленные к чаю вместо конфет. Этот случай нельзя было считать ссорой, но и это было Аниной виной. А позже, когда в техникуме произошла скандальная история с её голубой тетрадкой? Тогда маму вызвали в техникум. Договорившись с дядей Васей, директорским водителем, мама поехала в райцентр. Пешком, как Ане, ей было не под силу. Вернувшись, смотрела на Аню мученическими глазами, ночью не спала, вставала, пила лекарство. Аня тоже не могла уснуть. Под утро мама толкнула дверь в её комнату.

— Не спишь?

— Нет.

Большая, в ночной рубашке до пят, мама присела на краешек Аниной кровати. Заплетённая на ночь коса лежала на маминой груди, и, словно эта коса её давила, мама вздохнула:

— Не расстраивайся. Многие пишут стихи в твоём возрасте, это естественно. А за глупость взрослых ты не в ответе.

Аня не знала — чью глупость имела в виду мама, но поняла, что она на Аниной стороне. От этого стало легче, ведь в сущности, несмотря на всю свою раннюю взрослость, Аня была тогда обыкновенной семнадцатилетней девчонкой с детскими представлениями о жизни.

Как много вспомнилось непоправимо прошедшего, когда мамы не стало! Аня поедом ела себя за свой подростковый эгоизм, за упорство, с которым она цеплялась за свои ошибки и заблуждения. Теперь все раскаяния не имели никакого значения, но избавиться от них было невозможно.

Дом, ставший без мамы каким-то нежилым, тяготил Аню, и она поняла, что жить здесь не сможет, что она уже взрослая и пора начинать собственную жизнь. Одинокую, построенную на полной самостоятельности. Правда, где-то в Ярославле жила ещё тётя Женя, мамина сестра, но Аня её никогда не видела, только её письма и фотографии. Стоило ли отягощать далёких родственников своим присутствием? Аня ограничилась тем, что написала тётё Жене о маминой смерти. Здесь, в деревне, были выполнены все обязательства, оплачены все долги. Больше здесь делать нечего.

Глава 5

Аня продала всё, что смогла — кур, мебель поновее, посуду. То, что никто не купил, отнесла тётё Кате. Ей же отдала старого кота Матвея. На ветхий бородинский домишко покупателей не нашлось, Аня просто заколотила подвернувшимися досками окна и двери и уехала в Энск.

Клара Григорьевна встретила жилищку сочувственно, вопросами не донимала. У говорливой старой еврейки хватило такта оставить Аню в покое. Анина комнатка была не занята, поэтому жильё искать не пришлось. Аня распаковала свои вещи, поблагодарив, отказалась от ужина и легла спать. Её утомили сборы и долгая дорога, кроме того, после похорон матери она почти не спала ночами. Ей не мешал неумолчный шум города за окном, она не слышала трамваев, проносившихся со звоном и скрежетом по беспокойной Пролетарской улице, уснула почти мгновенно.

Пробуждение было почти насильственным, Аню тормошили и трясли, в уши лез настойчивый голос:

— Просыпайся же, сколько можно валяться? Анеле, сердце моё, у нас есть дело, мы можем опоздать, вставай скорее!

Аня, продирая глаза, села на кровати. Беспокойная Клара Григорьевна в китайском атласном халате и с бигуди в крашенных волосах выпрямилась.

— Анеле, скорей вставай, приводи себя в порядок и кушай, мы поедем к профессору Сикорскому, он нас ждёт.

Какой ещё профессор? Спросонok Аня не могла понять — о чём речь. Клара Григорьевна победно глянула на Аню:

— Деточка, я позаботилась о твоём будущем, нашла тебе подходящую для молодой девушки работу. И если ты не поторопишься, мы можем её упустить.

Сон слетел с Ани в одно мгновение. Конечно, она задумывалась о работе, когда ехала сюда, и знала, что ей, не имеющей энской прописки, будет трудно

отыскать место. И — надо же — всезнающая Клара Григорьевна и тут помогла. У Аниной квартирной хозяйки был невообразимо широкий круг знакомств, иногда казалось, что она знает весь Энск. Несмотря на пенсионный возраст, Клара Григорьевна работала операционной медсестрой в третьей городской больнице, никогда не жаловалась на годы и болезни, красила волосы в цвет воронова крыла и была очень энергичной дамой. При этом она обладала уютным кругленьким животиком, пухлыми ручками и выдающимся бюстом, который носила с гордостью. Клара Григорьевна овдовела ещё в молодости, замуж больше не вышла, растила единственную дочь. Девочка, по её словам, вышла — загляденье, окончила Энский университет, в котором и познакомилась со студентом из Израиля. Вышла за него замуж и теперь жила где-то на Ближнем Востоке. Клара Григорьевна и радовалась за дочь (её муж оказался сыном богатых родителей), и печалилась о том, что Сарочка уехала так далеко. Дочь исправно писала письма, присылала фотографии своих смуглых деток и посылки. Судя по всему, Сарочке жилось очень неплохо.

Свою невестребованную любовь к дочери Клара Григорьевна обратила на Аню. Заботилась о ней, старалась накормить повкусней, а готовить она умела. Вот и сейчас — Аня только подумала о том, что работу найти будет непросто, а Клара Григорьевна уже расстаралась.

Подходящая для девушки работа оказалась местом лаборанта в исследовательской группе профессора Сикорского. Аня вспомнила — того самого, по учебнику которого она училась в техникуме. Это обстоятельство казалось ей невероятным — живой классик биологии, В. Л. Сикорский — собственной персоной.

Группа учёных работала в Энском ботаническом саду. Ане вменялось в обязанности мыть лабораторную посуду, убирать помещения и опрыскивать талой водой экспериментальные растения в ящиках. Работа достаточно простая и не слишком тяжёлая. Всех комнат, в которых размещалась группа, было четыре, включая кабинет профессора и маленькую оранжерею. В ней стоял громадный промышленный холодильник, в котором готовили лёд. Из него Аня и получала талую воду для опрыскивания растений.

В первые дни профессор приглядывался к Ане, и это беспокоило её. А вдруг Вячеслав Леонидович решит, что она плохо работает? Но профессор убедился в том, что Аня всё делает так, как надо, и, кажется, вообще забыл о ней. С утра до вечера Аня возилась то с грязными колбами и пробирками, то с растениями, а к концу рабочего дня мыла полы в комнатах, подметала в оранжерее и вешала в своей каморке синий халат на гвоздик. Рабочий день окончен. Платили Ане немного, её оклада в восемьдесят рублей только и хватало, чтобы заплатить Кларе Григорьевне за квартиру да дотянуть до получки. Впрочем, беря с Ани сорок рублей за комнату, квартирная хозяйка считала своим долгом потчевать квартирантку разнообразной стряпнёй, на которую была большой мастерицей. Поэтому на еду Аня тратила мало.

Двухкомнатная квартира Клары Григорьевны, оставшаяся ей от покойного мужа, находилась в доме дореволюционной постройки и, судя по тесноте, предназначалась для прислуги при господских апартаментах. Домовитая хозяйка, Клара Григорьевна превратила своё жильё в некое подобие красивой корбочки от конфет. Всё здесь было небольшое, стерильно чистое и уютное.

Мудрая Клара Григорьевна знала, что делала. Аня чувствовала, как притупилась острота пережитой утраты. За постоянной занятостью углубляться в тяжёлые думы было просто некогда.

Аня попала в мир, который населяли необычные люди — учёные. Среди них не было словесных перепалок по принципу “сам дурак”, хамство и бестактность

здесь не приветствовались. Это вовсе не значит, что в группе царили тишь да гладь, бывали споры, да ещё какие! Оппоненты вытирали пот с высоких лбов, спорили, приводя в подтверждение такие аргументы, о которых Аня и слыхом не слыхивала. Ярым спорщиком был молодой эмэнэс Миша. Он умудрялся задирать даже самого Сикорского. В ответ профессор обычно говорил:

— Дорогой Михаил Кондратьевич, я не вполне с вами согласен, но, полагаю, у нас ещё будет время для дискуссий.

Миша отставал от руководителя проекта, но на лице его плавала странная улыбочка, по Анину мнению означавшая: “Ага, профессор, боитесь уронить авторитет?”. Миша более всех в группе симпатизировал Ане, но делал это так неумело, что она боялась общения с ним. Растягивая в улыбке тонкие губы, эмэнэс спрашивал, глупо коверкая слова:

— Как дела на дярёвне? С покосом управились ли?

Аня терялась и не знала, как ей принимать очередную Мишину эскападу. В отличие от большинства своих односельчан она говорила правильно, в её речи отсутствовал налёт диалекта. Может быть, причиной этого было то, что она росла в интеллигентной семье, а может быть — множество книг, прочитанных ею.

В группе постоянно ходили по рукам самодельные брошюрки отвратительного полиграфического исполнения — серые или розоватые, с большими лакунами пропущенного текста, или неверно сброшюрованные, с тёмными полосами через страницы. Это был изготовленный на советской копировальной машине “Эра” самиздат. Тогда даже глагол такой существовал — “отэрить”. Означало это — изготовить копию на “Эре”.

В таком варианте Аня впервые читала “Мастера и Маргариту” Булгакова, стихи Ахматовой и Пастернака. Не то чтобы это была какая-то запретная литература, просто таких книг не было в книжных магазинах.

Ахматова потрясла Аню настолько, что свои собственные стихи в очередной, теперь уже зелёной общей тетради, показались ей убогими. Она без сожаления выбросила тетрадку в мусорный контейнер, а музыкой стиха своей великой тёзки упивалась до тех пор, пока брошюрку не отобрали следующие в очереди читатели.

Ане нравилось общество, в котором ей приходилось работать, эти люди казались ей очень чистыми и честными, она старалась подражать им даже в мелочах. Сама того не сознавая, Аня захватила огромный пласт культуры, который впоследствии назовут временем шестидесятников. Аня была самой молодой в группе, поэтому постоянно чувствовала какую-то негласную опеку. Но однажды учёные обидели Аню. Случилось это так — Миша прибежал утром на работу очень возбуждённым, с порога громко сказал:

— А у меня весточка от Юрки. Пишет, что встретили прекрасно, двухэтажный дом с бассейном, собственная лаборатория. А здесь до пенсии в эмэнэсах сидел бы!

— Тише, мы же не одни, — сердито осадил его Глеб Сергеевич.

Все как-то сторожко посмотрели на Аню и занялись своими повседневными делами. Аня расстроилась. Она-то давно считала себя частью коллектива и думала, что эти неправдоподобно искренние люди не имеют от неё секретов.

Весь день в лабораториях перебрасывались приглушёнными фразами. До Ани долетали обрывки непонятных разговоров: “ну, это же в долларах”... “Юрка молодец, воспользовался случаем”... “вилла в Калифорнии”... Вечером Аню пригласил в свой кабинет Вячеслав Леонидович. Без каких-либо предисловий он сказал:

— Я надеюсь, вы понимаете, что ничего из сказанного здесь не должно быть известно другим?

Аня испуганно закивала. Да и кому ей рассказывать-то? Кларе Григорьевне?

Профессор внимательно посмотрел на Аню, потом подошёл и погладил её по голове:

— Не сердитесь, вы — хорошая, добрая девочка, но есть вещи, которых вам лучше не знать.

Аня опять закивала, а в голове всё спуталось. Поэтому ответа она не нашла. Да и не требовалось от неё никакого ответа. После этого случая Аня стала считать себя причастной к какой-то, ей самой неясной, тайне.

К осени Аня вполне освоилась в Энске, привыкла к своей работе, к людям, окружающим её. Примерно в это же время она стала замечать пристальное внимание профессора Сикорского к своей скромной особе, а среди персонала поползли шепотки о романе профессора с новенькой лаборанткой. Аня со своей наивной верой во всеобщее благородство прозевала тот момент, когда эти слухи появились, поэтому непонятные намёки сотрудников не вызывали у неё особенных эмоций. Она привычно считала, что посмеиваются над её провинциальностью. Однако знаки внимания, оказываемые Ане Вячеславом Леонидовичем, льстили ей. Правда, она относилась к ним на счёт своей добросовестной работы.

Аня не была столь толстокожей, чтобы не заметить происходящего вокруг неё, интуитивно она чувствовала, как нечто носится в воздухе, нечто, напрямую касающееся её. Но — что именно?

Насмешливый Миша принёс Ане небольшой газетный свёрток, шепнул:

— Здесь не разворачивайте. Дома.

Весь день Аня мучилась нетерпением. Что в свёртке? На ощупь и по весу — книга, но какая?

Книги Аня любила с детства, они заменяли ей общество друзей, и отношение к ним было трепетным. Вечером, запершись в своей комнатке, Аня вытащила свёрток из сумки и нетерпеливо, разрывая газету, развернула. Ницше, “Так говорил Заратустра”. Любопытно. Время от времени Аня слышала имя сумасшедшего философа, даже знала толкование термина “ницшеанство”. Теперь серый томик крамольного Ницше лежал на столике перед ней. Аня быстро перелистала изданную в Брюсселе книгу, вчитываясь “по диагонали”. Притчи. С претензией на Новейший завет. Библию Аня узнала ещё в детстве. Верующих в семье не было, а Библия сохранилась ещё от покойной бабушки. Аня из любопытства прочла. Стиль изложения Ницше показался ей пародией на притчи Христа из Нового завета.

В дверь постучала Клара Григорьевна, позвала Аню ужинать. Книга с сожалением была отложена.

Ане в жизни везло на хороших людей. Взять хотя бы Клару Григорьевну — пожилая еврейка относилась к своей жилищке как к малому дитяти: старалась накормить повкуснее, заботилась о том, чтобы Аня одевалась по сезону.

— Ты не знаешь Энска, — говорила Клара Григорьевна, — это такой сырой и ревматический город, здесь раньше от чахотки за полгода умирали. Поэтому надень плащ.

Чахотка и ревматизм для двадцатилетней Ани не казались вескими аргументами, но огорчать заботливую старушку не хотелось, и Аня выполняла её требования. Опять же, Вячеслав Леонидович. Иногда он подвозил Аню домой на своём зелёном “Москвиче”, расспрашивал — как устроилась с квартирой, не нужно ли чего, не обижают ли сотрудники... Заботливость профессора отличалась

от материнской опеки Клары Григорьевны, Аня чувствовала это интуитивно, но убеждала себя в том, что именно таким и должен быть хороший руководитель.

Полужинав, Аня уселась в креслице у окна и открыла запретную книгу в серой обложке. Читать Аня давно приучила себя с самого начала, не уступая искушению заглянуть в оглавление и выбрать понравившийся заголовок. Одно дело — просматривать книгу “по диагонали” в магазине, и совсем другое — прочесть, понять, вникнуть. Попадались книги, от которых, едва раскрыв, уже невозможно оторваться, но были и такие, которые читались через силу. Иногда это умственное усилие оборачивалось узнаванием хорошей, умной книги, нового, талантливого автора, но бывало и так, что работа мозга была напрасной, книжка оказывалась пустой и скучной.

С Ницше вышло иначе. Заратустра, сначала показавшийся Ане полным идиотом, имел какую-то необъяснимую, отравную власть над сознанием. И окружавший его больной, поставленный с ног на голову мир — тоже. Читать Ницше — трудно, не читать — невозможно. Аня вчитывалась в длинные периоды Заратустриного бреда и, незаметно для себя, провела в креслице весь вечер. Спихватилась около полуночи. Расстелила постель, легла, тоже с книгой. Кутру Аня её одолела. Чувствуя себя нездоровой и отравленной бредовыми идеями, она завернула серый томик в старую газету, намереваясь отдать его Мише.

Видимо, выглядела Аня не очень, потому что за завтраком Клара Григорьевна выговаривала ей за ночное чтение:

— Разве можно так читать?! — сердилась она. — Я уже не говорю об испорченном зрении, от недосыпания страдает весь организм. Ты только посмотри — какая ты бледная!

Чтобы успокоить Клару Григорьевну, Ане пришлось съесть лишний бутерброд и выпить вторую чашку какао. Кругленькая старушка, провожая квартирантку на работу, сунула ей в сумочку неведомо откуда взявшийся апельсин.

Этот день был для Ани тяжёлым. Сказывалась ли бессонная ночь, или не выходявший из ума Ницше со своими смутными и гибельными пророчествами, Аня не понимала. Но ей было нехорошо. Миша, которому она хотела вернуть книгу, сказал, что это — подарок. Аня поблагодарила, но подарку не обрадовалась. Затолкала свёрток в свой рабочий стол, подальше от глаз.

Даже самые тяжёлые дни когда-нибудь кончаются, истёк и этот. Закончив уборку рабочих помещений, Аня с облегчением повесила халат на вешалку и вышла на улицу. Зелёный “Москвич” профессора Сикорского уже ждал её.

— Что случилось? — спросил Вячеслав Леонидович.

— Ничего.

— Вы выглядите нездоровой.

— Всю ночь читала, — призналась Аня.

— Вот как. И что же? — заинтересовался профессор.

— Ницше.

Сикорский озадаченно умолк, перестраиваясь в другой ряд. Потом заговорил:

— Кто дал вам эту книгу? Только не лгите, что купили в магазине, это невозможно.

Аня растерялась, ей вовсе не хотелось подводить Мишу. Она и не ожидала, что профессор так рассердится.

— Хорошо, не говорите, сам догадаюсь — Михаил Самарин. Верно?

Аня молча кивнула, чувствуя себя предательницей.

— И что же вы извлекли для себя из сочинения старого сифилитика?

Как быть — рассказать Вячеславу Леонидовичу обо всей отравности этой книги, о болезненном ощущении никчёмности бытия? Чепуха, девичья впечатлительность. Книгами ещё никто не травился, если не считать буйной фантазии Дюма-отца. И Аня решительно соврала:

— Философия как философия. Не хуже прочих мнений.

— Приехали, — буркнул профессор.

Аня глянула за стекло, но машина пронеслась мимо её дома. Аня что-то пискнула об этом, но Сикорский успокаивающе улыбнулся:

— Это фигурально. Ничего страшного, здесь за углом — кафе. Посидим, поедим мороженого. Я думаю, нам есть о чём поговорить.

Отеческий тон Вячеслава Леонидовича подействовал на Аню, тем более что далеко они не поехали, кафе со странным названием “Карамболь” действительно находилось сразу за углом. В этом заведении имелся бильярдный зал, наверное, отсюда и название.

Сикорский уверенно прошёл к угловому столику, Аня попевала за ним. Некоторое время сидели молча, ожидая официантку. Та не торопилась, и молчание стало напряжённым, как всякая затянувшаяся пауза. Что-то, а держать паузу профессор умел, Аня убедилась в этом на собственном опыте. Смотрит в глаза и молчит. И под этим внимательным взглядом в душе начинают шевелиться воспоминания обо всех мелких прегрешениях: о разбитой второпях колбе, о вчерашнем преждевременном уходе с работы, о выкуренной тайком в туалете болгарской сигарете...

Официантка наконец-то прервала безмолвный тет-а-тет, и Аня была ей за это благодарна. Сикорский заказал Ане мороженое с шоколадной крошкой, а себе — стакан минеральной воды. Аня осторожно брала ложечкой подтаявший пломбир и думала о том, что выглядит ужасно в своём рабочем сером свитере и джинсах. Впервые в кафе, с мужчиной, и в таком затрапезе. Ей казалось, что она — неловкая, неуклюжая, что все посетители смотрят на неё посмеиваясь.

Сикорский же, казалось, забыл и о своей минералке, да и об Ане тоже. Завесив глаза хмурыми бровями, думал о чём-то. Жёсткая морщинка пересекла его лоб между бровей, профессор выглядел необыкновенно суровым. Окончательно струсив, Аня положила ложечку в креманку. Сейчас не до мороженого. Опомнившись, Вячеслав Леонидович вымученно улыбнулся:

— Ну чего скисли-то? Мороженое тает.

Аня нерешительно пожала плечами.

— Не грустите. Всё будет хорошо. Только прошу вас, держитесь подальше от диссидентствующего Самарина. Он волен распоряжаться собственной судьбой как угодно, а вас я ему не отдам.

Что-то странное, неясное, но родное прозвучало в этом “не отдам”. Аня вздрогнула. Как это понимать? Наверное, она выглядела окончательно сбитой с толку, потому что профессор каким-то очень интимным движением взъерошил её короткую стрижку и ласково сказал:

— Эх, вы, детёныш...

Эта коротенькая фраза не шла из ума. Уже дома, мучаясь сомнениями, Аня раз за разом прокручивала её в памяти, пытаясь понять — что звучало в ней. Отеческая ласка? Или же восхищение зрелого мужчины девичьей юностью? Аня просыпалась ночью, пила воду на кухне, размышляла. Она впервые взглянула на профессора глазами женщины, а не ребёнка, и этот взгляд всколыхнул в душе дремавшую там жажду любви. Аня вспомнила детскую влюблённость в книжного Дешартра, свои дурацкие стихи, посвящённые неизвестно кому, и это окончательно лишило её сна.

Утром Клара Григорьевна всполошилась:

— Дочка, ты не заболела?

Пухлая тёплая ладошка легла на Анин лоб.

— Вроде бы нормально. Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо.

Старушка заглянула Ане в глаза.

— Ага, мы влюбились.

Чувствуя, как полыхают уши, Аня противным, неубедительным голосом врала, что вовсе нет, просто бессонница, и вообще... Конечно же, Клара Григорьевна несколько ей не поверила.

— Что ж, этого следовало ожидать. Девочка одна, в большом городе... Надеюсь только, что он — хороший мальчик.

Клара Григорьевна разговаривала словно сама с собой, не замечая Аниного конфуза. Аня ещё сама не поняла, что именно она испытывает к Вячеславу Леонидовичу, но это чувство было феерично, как бывает только в юности. Прекрасные, голубые перспективы рисовало её воображение, и там, в этих перспективах они, с Вячеславом Леонидовичем шли рука об руку... Почему — с Леонидовичем? Просто — Вячеславом. Славой. Нет, Вячеславом — лучше. Аня шёпотом произносила это имя, словно пробуя его губами — каково? В переполненном автобусе Аню толкнули в спину, весьма ощутимо, но она только засмеялась про себя. Жизнь — необыкновенная, яркая и такая блистательная, разворачивала перед ней все свои тайны, имя которым — Любовь...

На работе Аня порхала, что-то напевая про себя. Что-то совсем невразумительное, какое-то “трам-тарам-пам-пам”. Вячеслав Леонидович появился ближе к обеду. Проходя мимо, буркнул “добрый день” и, насупившись, скрылся в кабинете. Что-то случилось?

К Ане подошёл Самарин.

— Анюта, ты сегодня просто светишься. В лотерею выиграла?

— Угу, — промычала Аня, не переставая тереть тряпкой лабораторную склянку.

— Какие мы разговорчивые.

Миша топтался рядом, не уходил. Что ещё ему?

— Хочешь, я тебя познакомлю с интересными людьми?

Любопытство было едва ли не главной чертой Ани, и знакомство с новыми людьми представлялось ей частицей будущего счастья. Это же здорово. Уже договорившись с Мишей о встрече, Аня подумала о том, что это могло не понравиться Вячеславу Леонидовичу. Успокоила себя тем, что он ничего не узнает.

Миша ждал не у подъезда, а подальше, на углу. Предложил руку бубликом, Аня непривычно взяла его под руку. Было приятно идти с весёлым и интеллигентным мужчиной, казалось, люди оборачиваются, смотрят вслед. Миша сыпал шутками, байками, у него это получалось очень смешно. Наверное, поэтому Ане показалось, что шли недалеко. У подъезда серого старинного дома, чем-то неуловимо похожего на Анин, Миша остановился, серьёзно глянул Ане в глаза и сказал:

— Надеюсь, ты понимаешь, что обо всём, что ты здесь услышишь, не стоит болтать?

— Конечно.

— Пошли.

В старой, но более просторной, чем у Клары Григорьевны, квартире Мишу уже ждали. Сухая и, как показалось Ане, очень старая женщина в очках протянула худую ладошку:

— Алиса Валерьевна.

Представлялись и прочие, кого-то Миша называл попросту “старинной”, кто-то хлопал его по плечу, кто-то решительно жал Анину руку, но запомнилась почему-то только Алиса Валерьевна. В большой комнате почти все курили, и мужчины и женщины. Спорили непонятно — о теории Свифта и квантовой механике. Женщины шушукались о своём, до Ани доносились упоительные, известные даже советским девушкам имена: Ив Сен-Лоран, Коко Шанель и ещё что-то непонятное, но от этого не менее соблазнительное. Неожиданно Аня услышала обрывок разговора: “... Любой самодержец — уже тиран, это противоречит принципам демократии...”. А как же Пётр Великий — царь-просветитель? Именно об этом Аня и спросила рослого бородача, рассуждавшего о самодержавии.

— Вот как, вы оправдываете Петра? — бородач с любопытством уставился на Аню, — а позвольте вас спросить, на каком основании?

— Как это — на каком, — загорелась Аня, — роль императора в развитии России несомненна, науки, просвещение, флот, наконец.

— А какой ценой? Миллионов человеческих жизней, попранных прав и физических страданий россиян?

— Но... — Аня растерялась, — такая была эпоха. Царь-реформатор вынужден был преодолевать инерцию...

— Вот в физику, мадемуазель, экскурсов делать не надо, — ядовито заметил бородач. — Ницше по этому поводу сказал...

Что сказал Ницше, Аня так и не узнала, потому что худощавый блондин взял бородача за плечо со словами:

— Да брось ты, Вадим, это же совдеповский урок истории. Пойдём лучше пить вино.

Бородач подмигнул Ане и вышел вслед за блондином в другую комнату. Миша шепнул на ухо:

— Ну как, нравится?

— Не очень, — призналась Аня.

Она впрямь чувствовала себя здесь неуютно. Люди казались странными, разговоры — непонятными. Кроме того, было просто скучно среди незнакомых людей. Аня пожалела, что пришла.

Вечер тянулся нескончаемо, люди входили, выходили, прямо из бутылок пили креплёное вино, из-за этого в квартире пахло кислым. Миша предложил выпить и Ане, ей налил в стакан. Не пробовавшая спиртного Аня смело отхлебнула, тут же закашлялась. Вино оказалось мерзкого вкуса.

— Пей залпом, — подсказал Миша.

Ане не хотелось, но она боялась показаться неженкой. Проклятое вино долго не могло уместиться в её желудке, потом неожиданно и мягко ударило в голову. Теперь лица людей казались Ане милыми и добрыми, а бородач даже нравился. Аня всё рвалась продолжить спор, Миша удерживал её.

Бородач подмигнул Ане, и она поняла, что он — страшно умный и милый, только вот Петра Великого почему-то не любит. Впрочем, это его дело. Вот только Ницше... Ане очень хотелось доказать бородачу, что мрачные измышления полоумного философа никак не укладываются в реальную, живую и яркую действительность. Философские поползновения Ани её спутник пресёк весьма решительно. Посмеиваясь, Миша потащил захмелевшую Аню в прихожую...

На другой день Аня снова имела неприятный разговор с Вячеславом Леонидовичем. На этот раз в его кабинете. Чувствуя за собой вину, Аня молчала, понуро глядя в окно. Но и профессор был не слишком разговорчив. Он увесисто

ронял редкие слова, болезненно морщился, отводил взгляд. Беседа не складывалась, было тягостно и неловко. В конце концов Сикорский не выдержал:

— За каким чёртом вас понесло в компанию этих ... “вольнолюбов”?

Аня непонимающе глянула на профессора. Разве в этом есть что-то плохое? Аня мучилась неведомой виной, глядя на профессора, и сердилась на себя. Хотя тоже не знала за что.

— Вы что, не понимаете, — с чем они играют? Хотите нажить неприятности?

Сикорский достал из стола пачку сигарет, потом смял её и бросил в мусорную корзину. Нахмуренные брови профессора сложились страдальчески.

— Вот, бросил давно, а всё тянет...

Повисла напряжённая пауза. Аня сидела как на иголках, думала об одном — когда всё кончится. Ей было жалко Вячеслава Леонидовича с его непонятным страданием, жалко себя, она уже совсем запуталась. Ницше? Ну и что? Разве нельзя читать что хочешь? Вечеринка? Но ведь на ней ровным счётом ничего важного не происходило. Ну, пили вино, не такой уж это криминал. Что же так расстраиваться-то? Хуже всего было то, что невидимая ниточка взаимопонимания, возникшая два дня назад между Аней и Сикорским, исчезла. Вячеслав Леонидович словно отгородился от Ани высоченным забором, а теперь пытался перелезть через него.

— Эх, Аня-Анюта... — вздохнул профессор, — ничего-то ты не понимаешь.

От этой фразы, вернее, от тона, которым она была произнесена, Ане стало жарко. Забора не было, и Вячеслав Леонидович сидел совсем рядом, такой близкий и родной. Его седая грива, делающая профессора похожим на Эйнштейна, растрепалась, усиливая сходство, тёмные глаза смотрели печально и спокойно. Ане захотелось припасть к широкой груди Вячеслава Леонидовича, пореветь, ощутить на своём затылке тёплую отеческую руку. Она даже всхлипнула, но, спохватившись, удержала слёзы. Острое чувство одиночества охватило Аню. Во всём огромном городе не было человека, которому можно поплакаться в жилетку. Не было и не предвиделось. Прекрасный Энск заманил доверчивую провинциалку в свои каменные чащобы, да и бросил там.

Сикорский встал из-за стола, обходя его, уронил на пол какую-то папку с бумагами, но поднимать не стал. Он просто положил руки на плечи сидящей Ане, притянул её голову к себе и, наклонившись, поцеловал в губы. Это было настолько неожиданно, что Аня едва не вскрикнула. Сумасшедший вихрь эмоций взметнулся в душе, сметая непрочные преграды условностей, и Аня, вскочив, бросилась профессору на грудь. Вячеслав Леонидович был крупным мужчиной, и маленькая Аня вся укрылась в его объятиях. И весь неуют тягостного разговора, холод одиночества и мудрствования ницшеанства вытеснило одно простое чувство — счастье.

Весь день Аня находилась под впечатлением происшедшего. Она не задумывалась ни о чём, просто, переполненная новизной ощущений, раз за разом вспоминала, как дрогнуло нечто внутри неё, когда Вячеслав Леонидович впервые поцеловал её губы, как надёжно и покойно в его объятиях. От этих воспоминаний горели уши, и Ане казалось, что все сотрудники догадываются о том, что с ней творится. Миша странно поглядывал на неё, но не подходил, да и не до него было.

После работы Аня торопливо выскочила за дверь, с надеждой глянув на автостоянку у конторы. Не увидев знакомого зелёного “Москвича”, испытала разочарование. Как же так? Разве они отныне не всегда будут вместе?

Она хмуро брела по осенней улице, не обращая внимания на нудный дождь, зарядивший видимо, надолго. Сумятица, царившая в душе, мешала думать. Аня всё сбивалась на воспоминания пережитых ощущений. Это было здорово, но кто же знал, что всё окончится тоскливым дождём?

Дома Аня напугала Клару Григорьевну отказом от ужина, сбросила отсыревшую одежду и легла. Дождь всё стучал по оконному карнизу, неприметно, исподволь заливая город, смывая всё, что было с Аней до сегодняшнего дня. Она чувствовала чёткий незримый рубеж, разделявший её жизнь на две части — “до того” и “после того”. Каким будет неясное “после того”, Аня не задумывалась, ясно было одно — теперь всё иначе.

Клара Григорьевна шаркала тапками в коридоре, прислушивалась у двери, но Аня притворилась спящей. Сейчас она никого не хотела пускать в свой новый маленький мир, в котором над всей суетой существования главенствовали нежные и одновременно властные губы единственного на свете мужчины...

Любовь захватила Аню решительно и бесповоротно, как это бывает только в юности. Противостоять этому не было ни сил, ни желания, поэтому случилось именно так, как случилось. Последняя вспышка чувства стареющего мужчины и первая трепетная страсть девушки захватили обоих, голову потеряла не только Аня, но и Вячеслав Леонидович. Он как-то забыл о сухой и чопорной супруге, взрослых детях, беспокойных внуках, все заботы профессора сосредоточились на благополучии и счастье маленькой лаборантки из Богом забытой деревни, и Аня отвечала ему со всей безоглядностью первой любви. Удивительно ли, что вскоре об уже состоявшемся романе вслух говорили в рабочей группе? Только счастливые любовники ничего не замечали. Окрылённая чувством Аня “завалила” сессию и, обидевшись, оставила институт. До него ли было? Почти каждый вечер зелёный “Москвич” вёз сумасбродную пару на профессорскую дачу под Энском, ставшую приютом беззаконной любви, и Аня бросалась в объятия Вячеслава Леонидовича так, словно не видела его, по меньшей мере, несколько лет.

Сикорский, в свою очередь, словно помолодел. Энергичный от природы, он развил кипучую деятельность: повысил Аню в должности, назначив старшим лаборантом (с соответствующим окладом), присмотрел для юной любовницы подходящий кооператив, собирався уже внести первый взнос за квартиру, когда разразился скандал. Ревнивая мадам Сикорская написала жалобу в партком НИИ. “Персоналка” подействовала на профессора отрезвляюще. Вячеслав Леонидович не бросил Аню, как следовало ожидать, он просто стал осторожней. Теперь любовники не засиживались на даче до полуночи, на работе не позволяли себе ничего лишнего. Аню не смутили предосторожности, принимаемые Вячеславом Леонидовичем, она любила его таким, каким он был, и ничего не хотела менять в своей жизни.

Так прошла зима. Тусклая энская оттепель чавкала снегом под ногами, деревья с набухшими почками казались гуще, утратив зимнюю прозрачность. В этот день Аня с утра чувствовала себя нехорошо, как-то мутно. Она грешила на несвежий гуляш, съеденный в столовой ботанического сада, и на всякий случай приняла активированный уголь. Теперь Ане не приходилось мыть полы и пробирки, её работа заключалась в необременительном составлении реестров результатов экспериментов, возне с бумагами. У неё даже было некое подобие собственного кабинета — каморка рядом с кладовой. Каморка была тесной, в ней помещались только письменный стол и шкаф, заваленный пыльными папками с бумагами. В эту каморку и прибежала Татьяна Петровна, секретарь Сикорского.

— Ой, Анечка, что теперь будет?! — заверещала она, выпучив круглые глаза с подсинёнными веками, — к Вячеславу Леонидовичу супруга пришла, о чём-то крупно разговаривают в кабинете.

Аня спокойно посмотрела на Татьяну Петровну и, пожав плечами, спросила:

— Ну и что?

— Как это что? — удивилась та, — неужели же вас нисколько не волнует?

Аню сейчас ничего не волновало, кроме того, что происходило в её организме. А что-то там происходило, стиснутый тошнотворной спазмой желудок явственно говорил об этом. Аня поняла, что на работе ей не усидеть, попросила Татьяну Петровну предупредить Вячеслава Леонидовича и ушла домой.

Дома стало полегче. Пришедшая с ночной смены Клара Григорьевна напояла Аню холодной минералкой, и желудок отпустило. Но всё равно Аня чувствовала себя разбитой. Задёрнула шторы и улеглась в постель с томиком Толстого. Позвякав посудой на кухне, Клара Григорьевна тоже утомилась, в квартире наступила тишина.

Ане не читалось. Думалось тоже плохо — неубедительно, поверхностно. Аня пыталась догадаться — о чём шла речь в кабинете Вячеслава Леонидовича. Беда была в том, что Аня не представляла себе жизни без Сикорского, он был всем — отцом, мужем, любовником, светом в окне. Потерять Вячеслава Леонидовича было невозможно, зачем тогда вообще жить? И в то же время Аня хорошо понимала, что во всём этом есть некий элемент неожиданности. Если задуматься, ну какая она пара маститому профессору, семейному человеку, руководителю научной группы? Подумала Аня и о том, что Вячеслав Леонидович страдает из-за неё. У него наверняка неприятности по службе, дома развал. Разве этого она хотела?

Размышления довели Аню до отчаяния. Она встала, достала из стола пачку бумаги. Излагая свои мысли на бумаге, Аня успокаивалась, вот и сейчас она принялась писать письмо Вячеславу Леонидовичу. Написав несколько предложений, поняла, что плохо, слащаво и глупо. Так может писать только тупая влюблённая самка, озабоченная поисками самца. Рассердилась, разорвала лист. Хотелось найти такие слова, чтобы Вячеслав Леонидович прочёл не только письмо, но и самую душу, преданную, любящую. Как начать? С силой потерев лоб, она просто написала: "Дорогой друг!". Это ей понравилось. Звучало классически непритязательно, даже слегка отстранённо, и в то же время хорошо. Дальше дело не шло. Не вываливать же на бумагу все те смешные и горячие словечки, которые шепчут друг другу в любовной горячке. Тогда Аня стала писать о чавкающей снегом тусклой оттепели, о густых от набухших почек деревьях, о носящейся в воздухе весне и простуде, сопутствующей ей...

Письмо вышло длинным. Да и странным каким-то. Однако что-то в нём было, Аня чувствовала это — что-то такое, от чего сжималось сердце и чесались глаза. Сложив листок вдвое, Аня спрятала его в сумку, подальше от любопытной Клары Григорьевны.

Очень хотелось услышать голос Вячеслава Леонидовича, коснуться его руки. Привычная уже тоска одиноких ночей понемногу овладевала Аней, и сделать с этим ничего нельзя. Оставалось утешаться воспоминаниями. Их было много, этих обжигающих воспоминаний, поэтому Ане было чем занять мозг. Если, конечно, сумеет отогнать пошленькое и отравное слово "адольтер"...

Окончание в следующем номере.

Сергей ПЕТРЕНКО

“В жизни всё происходит случайно...”

Ты собираешься в дорогу, ты собираешь чемоданы,
Оставив на стекле помадой, как шестизначное ничто,
Код голоса (к чему, зачем?), код голоса в пустой мембране,
Забрав все запахи и звуки, застёгивая на ходу пальто,

Выходишь, и листаешь мир, пустые контурные карты.
Шестая часть огромной туши, филейный срез материков.
Я остаюсь совсем один, и вот, не дожидаясь марта,
Мне незнакомая свобода выскакивает из портков.

Но в забытии найдя предел, шагнув в распахнутые двери,
Я нахожу, что время года другое, да и год другой.
По мостовым ушедших лет снуют назойливые тени,
Не замечая тень живую, у них сегодня выходной.

У них сегодня Новый год, рачительно неся бутылку,
Спеша к двенадцати до дамы, от предвкушения стола...
Я захожу в прохладный зал, скользящих ножниц по затылку
Сияние напоминает, напоминает, ты была.

Школьной линейкой замерить границы страха,
Циркулем обозначить круг безопасной суши,
Обнажённая маха, видно, давала маху.
Любовь только слово, его бы да Богу в уши.

Лобзиком тонким выпилить домик счастья,
Переиначить, вывернуть наизнанку.
К Новому году запасы вина и сладостей,
После бритья ваткой заклеить ранку.

**Сергей
ПЕТРЕНКО**

родился 9 января 1977 года в г. Рудном Кустанайской области. Работал в геологоразведке, водителем самосвала, грузчиком на рыбозаводе, охранником, корреспондентом ряда городских газет, диктором на радио. В последние годы трудится горняком на шахте “Соколовская”. Публикуется с 1997 года. Стихи печатались в журналах “Берега”, “Алга” (Кустанай), “Золотой век”. Постоянный автор “Нивы”. В 2006 г. в Астане стал лауреатом Международного фестиваля творческой молодёжи “Шабыт” (“Вдохновение”) в номинации “Литература”. Живёт в г. Рудном Кустанайской области.

Это и есть моё житие поэта,
А за окном всё так же метут метели.
В комнате мало света, но эта Света
Как по часам приходит в конце недели.

Из фирменных блюд вечные макароны,
Вечные темы с утра и до полшестого.
Ей интересно, зачем не летят вороны
К тёплым краям, всегда остаются дома.

Видно, и здесь птицам хватает крошек,
Делят помойку с бывшим интеллигентом.
Она любит русский рок и бездомных кошек,
В известной позе на даче проводит лето.

На старом диване белеют трусы и блузки,
На подоконнике тушь и патрон помады.
Этому есть название — любить по-русски.
Тихий семейный быт, эпизоды ада.

Прекрасна собачья преданность взрослых женщин,
Опять оголяешь коленку, как школьный глобус.
Ищешь мужчину, интеллигента с софитной плешью.
Доставая ключи, проклинаешь ночной автобус.

Щёлкнут замки, и навстречу шагнёшь устало,
В солоноватый воздух, кислый сироп жилища.
В проёме окна сквозняк надувает парус
Безотрадного тюля, к автоответчику мышью

Юркнешь, махнув хвостом и разбив яичко.
После сигнала вновь тишине внимая,
Вспомни, что за Уралом живёт сестричка,
А за стеной напротив кассирша Рая.

Верный диван принимает упруго тело,
Старая кошка на мягких, ленивых лапах.
Ты бы смогла, если бы ты хотела...
Нежная преданность приобретает запах.

*Я привык к этой жизни,
а значит и к смерти привыкну.*

Е. Бершин

Тот, единственный, словом не узнанный звук,
Не воспринятый голосом, нежный и тонкий.
Не печалься, мой лучший и преданный друг.
Так кончается всё, так качают ребёнка

На руках, метроном неизбывной волны...
На качелях, где детство застыло, как фото.
Я не чувствую жизни, но чувство вины
Продолжает свой труд, и вершится работа.

Молоточки незримого плотника в такт
Отбивают навязчиво ритмы разлуки.
Неисполненный, пьесы не созданной акт,
Всё же лучше, чем эти жестокие звуки.

Тонким лезвием вымерен верный итог.
По истёртым ступеням, невидимым шагом
Продолжает беда заготавливать впрок
Отражения света, не ставшие благом.

Продолжая работу, сквозь пальцы сочится душа.
В утлой лодочке рук остаётся не много, не мало...
Но уже тонко-тонко отточено карандаша,
Безобидное с виду, для сердца смертельное жало.

Словно бусы, нанизывать буквы — вот ремесло.
Материал для разбивки садов и бесплотных строений.
Скуп улов рыбака, натирает мозоли весло
За награду воды, мертвецов бесприютные тени.

А когда я устану, присяду на старенький стул.
Погружается мир в темноту, точно кинотеатр.
Чьи-то руки закроют глаза, под размеренный гул,
В чешуе нестерпимого света появится автор.

И без четверти смерть отсчитают часы на стене.
Нет ни боли, ни страха, приблизив последние строчки,
Сделав паузу, он снисходительно жертвует мне
Эту четверть бессмертия до завершающей точки.

Так бывает, когда желания снов невнятны.
Прикоснуться к глазам, чей разрез по-монгольски узок.
Но опять на щеках усталость рисует пятна,
И по этой реке забвения тянет грузно

Мою лодку, влечёт всё дальше, в пустые стены.
На обоях старых рисунков поблёк от горя.
И под скрип уключин уже не способно тело
Совершать работу, и хочется хлеба с солью,

Словно в детстве, такой зернистой... и в то же время
Капилляры питает старость, как соком вишню.
Так безумный пахарь на камни бросает семя,
Вот и я мелодию света уже не слышу.

Моя музыка самой острой и самой тонкой,
Разорвёт временные нити, и чёрной станет.
И уже не поможет Богу его иголка,
Та, которой сердце моё каждый день латает.

И уже не прибавить смысла теплом и кровом.
Остаются скупые буквы, пустые строки.
Замыкается круг единственно верным словом,
Самым верным, и оттого жестоким.

Пролагая маршруты травы и речного песка,
Муравьи и улитки спешат в заколдованный дом.
На пороге качает травинка жука-светляка,
И встречает гостей утомлённых загадочный гном.

В этот дом на холме я всегда приходил невпопад,
Принося на ботинках и в сердце серебряный снег.
И страну насекомых, не знавших зимы, снегопад
Завораживал страхом, толкая народ на побег.

Дым табачный струился из окон, в глубокой реке
Водомерки на контурных картах чертили узор.
И раздув самовар, принимался в смешном колпаке
Несмешливый хозяин тяжёлый вести разговор.

В жизни всё происходит случайно, и даже зима.
Азиатская кукла, качусь на салазках под горку.
И монгольским прищуром одарит меня кутерьма
Беспросветного белого снега, беда, да и только.

Богобоязно жить в заколдованном этом краю.
Степь сливается с небом, пространство умножив стократно.
И никто не поможет, я идол, застывший в строю.
Сделай шаг, и уже никогда не вернёшься обратно.

Измеряется время по теням растаявших дней,
Потому и бессмертен хозяин, владыка-декабрь.
И куда человечку с любовью деваться своей?
Разве, плюнув на заповедь, вылепить снежную бабу.

Расточая божественный грех, натянуть тетиву,
Раскалённой стрелой победить ледяного владыку.
Богобоязно жить в заколдованном этом краю,
Словно чётки, нанизывать сердце на тонкую нитку.

Аманжол БУЛЕКПАЕВ,
депутат Сената Парламента РК

Воспоминанья о былом

(Продолжение. Начало в № 4 за 2007 г.)

После окончания школы в новеньких сержантских погонах возвратился я в Кустанай, на окраине которого в то время располагалась исправительно-трудовая колония № 4. Меня сразу назначили начкаром, то есть начальником караула.

Зона — она, как говорится, и в Африке зона, иллюзий по этому поводу иметь не надо. То, что в прессе писали и пишут, на экранах телевизоров демонстрируют по этому поводу, в основном реалиям действительности соответствует. Условия там тяжёлые, а законы волчьи.

Тюремное население очень разнообразно. Много сидело молодых парней — за драки, хулиганство, большинство из них по глупости, по пьяному делу променяли свободу на колючую проволоку.

Многие сидели за совершение хозяйственных преступлений. Это были солидные, зачастую вполне приличные люди, так называемые цеховики, руководители предприятий, бухгалтеры. Думаю, что, родись они десятка на полтора-два лет позже, многие из них могли бы стать если не олигархами, то вполне уважаемыми бизнесменами. Они и в зоне, в принципе, устраивались неплохо на всяких хозяйственных должностях.

Были, конечно, и закоренелые преступники, “авторитеты”. Не скажу что зона под их контролем была, но среди определённой части контингента вес они имели. Работать — не работали, как и положено по воровскому закону. Следили за соблюдением своих понятий.

Помню одного “авторитета”. Отсидел он больше половины срока, послали его документы на УДО, условно-досрочное освобождение то есть. Вопрос решился положительно, вышел он на волю. Однако через месяц-полтора встречаю его опять в зоне. Разговорились мы с ним.

— Для меня, — говорит, — настоящий родной дом здесь, а не на воле. Меня здесь кормят, одевают, крыша над головой, да и уважают меня здесь.

Он действительно, согласно воровской иерархии, не последним человеком в колонии был.

Но и тем заключённым, которые хотели после выхода на свободу отойти от криминала и честно трудиться, не всегда удавалось это сделать. Освободившимся было трудно устроиться даже на далеко не престижную работу, руководители предприятий избегали бывших осуждённых, как чёрт ладана. Таким образом, они становились на свободе людьми как бы второго сорта и чувствовали себя неуютно.

Много лет спустя, будучи акимом Акмолы, я в не самый лёгкий для города период изыскал возможность и выделил городскому департаменту внутренних дел несколько миллионов тенге на реабилитацию граждан, освободившихся из мест лишения свободы.

В этой связи большой исторической заслугой Президента страны Нурсултана Абишевича Назарбаева перед будущим мне представляется его настойчивая деятельность по совершенствованию и гуманизации правовой политики суверенного Казахстана.

Ещё на заре независимости, в 1994 году, Президент утвердил Государственную программу правовой реформы, главным результатом исполнения которой стало принятие в 1995 году Конституции Республики Казахстан, определившей стратегические направления дальнейшего развития общества и государства, закрепившей основополагающие права и свободы человека и гражданина, а также новую систему государственных институтов.

Рассчитанная на пятилетие, к 1999 году эта программа была своевременно выполнена. Но глава государства не остановился на достигнутом и, поступая очень дальновидно, поручил правительству перейти к очередному этапу правовой реформы. Таким образом, была разработана Концепция правовой политики Республики Казахстан.

Этот документ имел для нашей страны не только большое юридическое, но и колоссальное общественно-политическое значение, поскольку он определил основные векторы дальнейшего развития правовой системы республики. Нурсултан Абишевич неоднократно подчёркивал, что гарантией тех экономических достижений, которыми мы по праву можем гордиться, является эффективность правовой системы республики и то, как она обеспечивает защиту прав и интересов наших граждан.

Согласитесь, что многие завоевания, сегодня кажущиеся вполне закономерными и даже обыденными, достигнуты именно в рамках реализации Государственной программы правовой реформы 1994 года: Казахстан стал президентской республикой, был создан более эффективный двухпалатный профессиональный парламент с чётко очерченными полномочиями, реализован принцип разделения властей, многое сделано в плане обеспечения независимости судебной системы.

В результате активного проведения в стране политики демократизации, процессов гласности и внедрения в экономику рыночных принципов принудительный правовой механизм в конечном итоге был разрушен. Закономерно, что главной задачей в этих условиях стало создание новой законодательной базы независимого, правового государства. С этой задачей страна и, в частности, парламент, его депутаты успешно справились. Нам удалось уйти от доставшихся республике принципов рухнувшего тоталитарного государства.

Затем страна вышла на второй уровень правовой реформы, который глава нашего государства в своём Послании народу Казахстана охарактеризовал как “качественно новый этап развития нашего общества, государства и личности”. Это этап гуманизации.

Одним из главных достижений в этот период стало то, что из силового ведомства — Министерства внутренних дел — пенитенциарная система была выведена и отнесена к Министерству юстиции республики.

Следствием этого шага стала либерализация режима содержания осуждённых в местах лишения свободы. Отныне в основу правовой политики заложен принцип: совершивший противоправное деяние преступник, даже находясь в тюрьме или колонии, всё равно остаётся человеком. Поэтому в рамках практического проведения в жизнь политики гуманизации парламентом в первую очередь были приняты законодательные

меры, направленные на запрещение, предупреждение пыток и унижения личного достоинства граждан, попавших в орбиту уголовного преследования.

Дело в том, что некоторые нормы в наших тюрьмах не претерпели изменений ещё с печально знаменитых 30-х годов прошлого столетия. Ну, например, есть ли воспитательное значение в ограничении осуждённых в переписке с родными (приснопамятные 10 лет без права переписки!)? Зачем в свободном, открытом обществе ограничивать телефонные переговоры осуждённого с родственниками, получение посылок и передач? Почему разговаривать по телефону с семьёй можно не более четырёх раз в год? Общение с близкими людьми, напротив, скорее, благоприятно, чем негативно скажется на психике заключённого и на его поведении.

Поэтому было принято совершенно правильное решение о пересмотре этих норм, что одновременно позволило навести порядок в части предоставления незаконного послабления режима и всяких поблажек и незаконных режимных льгот различным авторитетным категориям преступников.

Можно сказать, что вектор ориентации системы наказания повернулся на 180 градусов. Если раньше говорили: был бы человек, а статья найдётся, то теперь первое, что должны сделать следователь и судья, — это выяснить: нет ли законных оснований для освобождения человека от уголовной ответственности. А привлекать его только в том случае, если таких оснований действительно нет. Более строгий вид наказания применяется только в том случае, если менее строгий не способен обеспечить достижение цели наказания. Проще говоря, если можно не наказывать, то надо не наказывать, а если не наказывать нельзя, то надо наказывать наиболее мягко.

Почему глава государства счёл необходимым начать внедрение политики гуманизации с правовых отношений в уголовно-исполнительной системе?

Я думаю, потому, что данная система — это последний оплот старого тоталитарного режима. Правоотношения в ней долгое время находились в тени, а общество проявляло к этой системе самое пристальное внимание, что вполне естественно после многих десятилетий полной закрытости. Первыми шагами гуманизации уголовно-исполнительной системы стал принятый парламентом закон об амнистии в связи с 10-летием независимости Казахстана. Анализ показал, что эта акция гуманизма не отразилась на росте преступности в стране, возврат в места лишения свободы составил лишь 0,2 процента амнистированных.

Но уголовно-исполнительная система — это только одна из важных составляющих, которые были подвергнуты процессу гуманизации. Параллельно этот процесс распространился на правоотношения в банковской, кредитной, финансовой и других сферах деятельности. Иными словами, все те силовые, волевые методы работы, которые были приемлемы в эпоху плановой экономики, были гуманизированы, проведена большая работа по устранению перекосов, приведению к балансу отношений в системе “государство — общество — личность”.

По большому счёту, гуманизация стала политическим принципом государственного строительства, в основе которого лежит признание человека, его прав и свобод высшей ценностью государства и утверждение прав личности на свободное развитие, проявление и применение своих способностей как важнейшего критерия оценки качества отношений в

обществе и деятельности государства. Иными словами, принцип таков: чем больше у человека возможностей реализовать себя в обществе, тем выше уровень развития и государства, и общества.

Другое направление политики гуманизации — это декриминализация преступлений, относящихся к средней категории тяжести, в том числе и путём перевода их в сферу административной, гражданско-правовой ответственности. В этих рамках было увеличено применение наказаний, не связанных с лишением свободы, в отношении лиц, впервые совершивших преступления небольшой и средней тяжести, расширено применение имущественных санкций за отдельные виды преступлений.

Ещё одна эффективная мера гуманизации — введение в практику такого наказания, как ограничение свободы. Суды определяют такое наказание по месту жительства, и если в течение определённого срока осуждённый к ограничению свободы это наказание выдерживает без нарушений, он в места лишения свободы не направляется.

Достаточно важной проблемой не только системы наказания, но и политики гуманизации общества в целом представляется проблема смертной казни, замены её пожизненным заключением. Этот вопрос до сих пор не имеет однозначного мнения в обществе, и введение моратория на смертную казнь стало актом большого личного гражданского мужества Президента республики Нурсултана Абишевича Назарбаева.

Нужно сказать, что в последнее время число сторонников отмены смертной казни заметно возросло, что в значительной мере можно объяснить ростом в обществе правового сознания и понимания необходимости процессов гуманизации. Одновременно это является и свидетельством правильности выбранного пути.

И я, как человек, знающий зону не понаслышке, уже будучи сенатором, искренне приветствовал политику гуманизации уголовно-исполнительной системы и принимал активное участие в подготовке проектов соответствующих законодательных актов.

Я не такой уж наивный человек и достаточно хорошо знаю, что сегодня наши правоохранительные, судебные органы и система исполнения наказаний достаточно далеки от совершенства. Есть коррупция, поборы, вымогательства и другой негатив. Но суть в том, что главным приоритетом государственной правовой политики в независимом Казахстане является защита прав, интересов и свобод граждан. Мы имеем мощную законодательную основу для борьбы с негативными явлениями в правовом поле. Именно в этом я вижу исключительную заслугу главы государства Нурсултана Абишевича Назарбаева.

А тогда, четыре с половиной десятилетия назад, я ходил по периметру зоны и даже в самых смелых и разнузданных фантазиях не мог себе представить, что когда-нибудь я лично буду принимать участие в разработке законов независимого государства, направленных на послабление режима содержания заключённых.

Солдат всегда здоров, солдат на всё готов, — пел опальный советский бард, заслуженная слава которого, как это часто случается, настигла его лишь после смерти.

Расхожая поговорка “солдат спит, служба идёт”, в общем-то, весьма далека от истины. Восемь часов в сутки, как и положено по уставу, солдат, конечно, спит. Остальное время — это армейские будни, наполненные нелёгким солдатским трудом, а во внутренних войсках — ещё и большой ответственностью.

В армии очень многое зависит от командования. С толковым, умным офицером солдаты живут как за каменной стеной. Из своего армейского начальства я с особой теплотой вспоминаю командира войсковой части полковника Завгороднего. Настоящий офицер, умный, порядочный, человек чести. Он генералом вышел на пенсию и уехал куда-то в Россию.

Не в обиду моим школьным учителям будет сказано, но первым воспитателем и наставником я считаю своего взводного командира. Именно он в те годы сыграл важнейшую роль в процессе моего личностного становления. И, думаю, не только моего.

По национальности он был кумык. Вёрткий, шустрый, как ртуть, обладающий хорошим солдатским юмором, он весь горел на армейской работе, и взвод наш, соответственно, в части был на лучшем счету. Беседы, советы, отеческие наставления взводного, не только по службе, а вообще по жизни, я до сих пор вспоминаю с большой признательностью.

Об армейской дружбе написано немало. Это действительно явление уникальное. Видимо, потому, что отношения складываются не в самых лёгких условиях. Армия проверяет молодых людей на прочность, закаляет их. И межличностные отношения, формирующиеся в трудных армейских буднях, тоже проверяются, крепнут и закаляются. Поэтому армейская дружба более прочная, чем детская или юношеская.

Конечно, был и у меня армейский друг — Володя Дудник. Исключительной порядочности парень, грамотный, имел среднее специальное образование. Дружба у нас была — водой не разлить: даже письма из дома друг другу читать давали. Он познакомился с кустанайской девушкой, они стали встречаться, а после службы он увёз её к себе в Подмосковье.

После службы мы обменялись двумя-тремя письмами, и дороги наши разошлись, казалось бы, навсегда. Но память осталась. Вдруг спустя много лет передают мне от него привет. Удивительная случайность произошла: один знакомый моих знакомых, будучи в командировке в подмосковном городе Обнинске, попал на свадьбу, за столом оказался с братом невесты. Тот ему говорит:

— А у меня в Целинограде армейский друг живёт. Может, слышал такую фамилию — Булекпаев?

— Да у нас, — отвечает он, — эту фамилию весь город знает, как-никак Булекпаев — мэр Целинограда.

После, будучи по делам в Москве, я выбрал время и смотался к Володе в Обнинск. Тёплая встреча была: ведь сколько лет не виделись, Володя уже дедом стал, внуков имел. А жену его я и вовсе не узнал: в моей памяти она так и запечатлелась молоденькой казахстанской девчонкой. Посидели, выпили по рюмке, вспомнили службу, армейских друзей и командиров. Всё как полагается. И опять расстались.

Я со своей будущей женой, кстати, тоже в армии познакомился. Случилось так, что меня ещё до сержантской школы направили на курсы военных химиков в Алма-Ату. Курсы по каким-то причинам не состоялись, и я возвращался в свою часть. Провожал меня старший брат Амантай, который в то время учился в столице.

На вокзале, как обычно, суета, толчея, хлопоты. Амантай помог какой-то девушке занести в вагон чемодан и расположиться. Уже в пути мы познакомились.

Дорога, обычно, быстро сближает людей. Вскоре я узнал, что моя попутчица Жаухар — студентка столичного сельхозинститута, едет домой, в Зайсан, на каникулы. Отец её незадолго до Победы пропал без вести в Польше, и мать — медицинская сестра — одна поднимала троих детей: двух сыновей и дочь. Перед расставанием мы обменялись адресами и некоторое время переписывались.

Спустя несколько месяцев, вновь оказавшись в Алма-Ате в командировке, я разыскал Жаухар и мы опять встретились. А год спустя она стала моей женой, перевелась в Целиноградский сельхозинститут и уехала жить к моей матери.

Когда в Целинограде начали строить силикатный и молочный заводы, в городе тоже создали колонию: нужна была дешёвая рабочая сила. Несколько солдат из нашей войсковой части перевели в Целиноград, в том числе и меня. Так что завершал свой армейский путь я уже на родной земле, причём семейным человеком.

Жаухар подарила мне двух детей — сына и дочь. Мы их вырастили, воспитали, я считаю, не хуже многих других молодых людей. Во всяком случае, за детей нам никогда краснеть не приходилось.

Прослужив, почти как в морфлоте, три с половиной года, я демобилизовался и возвратился домой, где меня в том же саманном домике ждали жена и мать. Хотя “возвратился” сказано почти условно. Последние месяцы я дослуживал в родном городе и с родными виделся довольно часто.

По случаю создания, точнее, воссоединения молодой семьи мать выделила нам матрац, две подушки и одеяло с другими постельными принадлежностями. Собственно, это было всё наше первое совместное имущество. А семейная жизнь проходила в маленькой комнатухе площадью девять квадратных метров. Отопление печное, “удобства” — во дворе.

Это был февраль 1964 года, последние месяцы руководства страной Н. С. Хрущёвым. Я с восторженным удивлением наблюдал, как разительно меняется облик родного города. Я уходил в армию из захолустного провинциального Акмолинска, а вернулся в современный, развивающийся и с каждым днём хорошеющий Целиноград. В центре города выросло много пятиэтажных домов, которые, по принадлежности проектировщиков, называли “ленинградскими” и “московскими”. А возводимое на центральной площади семиэтажное здание обкома партии и облисполкома горожане ещё до ввода его в строй окрестили Домом Советов. Название это закрепилось, его так и называли вплоть до переезда столицы.

Меня всегда удивляло и даже умиляло остроумие моих земляков. Надо обладать хорошим, здоровым юмором, чтобы плавающий в черте города по Ишиму прогулочный катерок назвать “Титаник”, детскую железную дорогу в парке — Байкало-Амурской магистралью, а захудалую пивнушку на берегу — “Ривьерой”.

Жителям новой столицы, между прочим, остроумия тоже занимать не приходится. “Зажигалка”, “кукуруза”, “доллар”, “элеватор”, “семь бочек”,

“шприц” — эти названия столичных новостроек убедительно свидетельствуют, что юмор народный неиссякаем.

Современные “кукурузы” и “зажигалки” ни в какое сравнение не идут с возводимыми в 60-е годы “хрущёвками”, которые сегодня, с высоты нового века, презрительно критикуют. Я бы сказал, критика эта не вполне объективна. В своё время эти посрамлённые последующим поколением “хрущёвки” значительно сняли напряжённость в решении жилищной проблемы. Дешёвые, экономичные, прочные, неплохо зарекомендовавшие себя в сейсмоопасных условиях, эти пятиэтажные коробочки-близнецы гостеприимно приняли неприсохлых жителей бараков и саманных мазанок. Между прочим, всё краевое, областное и городское начальство тоже проживало именно в этих пятиэтажках. Счастливым, получившим квартиры в “хрущёвках”, двадцать-тридцать квадратных метров полезной жилой площади, с крохотной кухонькой, отдельными ванной и туалетом, горячей и холодной водой казались настоящими хорами, жизнь виделась благополучной и радостной, и коммунизм уже маячил на безоблачном горизонте, рукой подать.

Я давно не верю ни в какие “измы”. Ещё задолго до перестройки, Первого съезда народных депутатов СССР и 19-й партийной конференции эту веру я утратил полностью. Я не был активным пионером и комсомольцем, хотя был довольно дисциплинированным членом КПСС. Последнее вполне закономерно и оправданно, иначе я просто не стал бы тем, кто я есть, и сегодня писал бы не мемуары человека, прошедшего большой путь от простого шофёра до депутата Сената Парламента страны, а в лучшем случае — заявления в собес об оказании материальной помощи. Между прочим, вступал я в ряды КПСС по убеждению, хотя на счёт успешного строительства коммунизма в отдельно взятой стране, а тем более в мировом масштабе, у меня уже тогда были большие сомнения. А безукоризненная в своей простецкой логике фраза “марксистско-ленинское учение бессмертно, потому что оно верно” меня просто умиляла.

В то же время я думаю, что многие простые люди тогда всерьёз верили, что к 1980 году материально-техническая база коммунизма в СССР будет построена. Во-первых, завершить это строительство в плановые сроки обещал не какой-нибудь прораб, а сам руководитель единственной и, соответственно, правящей партии и по совместительству — главный начальник этой большой стройки.

Во-вторых, реальные основания для такой веры у народа действительно были: страна, разгромившая фашизм в его собственном логове, победившая самую могущественную, полмира завоевавшую армию, успешно восстановившая разрушенное войной хозяйство, могла позволить себе веру в светлое будущее. Да и масштабы грандиозных свершений тех лет, в том числе освоение целинных и залежных земель Казахстана, итоги выполнения семилетнего плана развития народного хозяйства, позволяли всерьёз надеяться на радикальные изменения в жизни советских людей. Поэтому патриотизм и энтузиазм народных масс, я считаю, был вполне искренним.

Целиноград бурно развивался. В городе началось строительство завода противозерозионных машин, будущего “Казахсельмаша”. В целом за годы семилетки создано более 60 новых предприятий и производственных цехов, в их числе — заводы по переработке рыбы и производству хлебобулочных изделий. В два раза увеличилось производство промышленной продукции, а производительность труда выросла на 46 процентов.

В это время построили вполне современный железнодорожный вокзал, а новый аэровокзальный комплекс стал принимать самолёты “Ил-18”. На облик города существенно повлияли для тех лет весьма выразительные в архитектурном плане универмаг “Москва” и гастроном “Колос”, гостиница “Москва” и здание “Целинэнерго”. Началось строительство первого в городе жилого микрорайона (ныне это микрорайон “Целинный”).

Но главным украшением областного центра стал Дворец целинников, возведённый по проекту рижских архитекторов Д. Доннеберга, А. Краукликса и Б. Фогельса в парковой зоне вблизи правого берега реки Ишим. С его высокой трибуны выступали Д. А. Кунаев, Н. С. Хрущёв и М. С. Горбачёв, генерал армии Д. Д. Лелюшенко и министр Среднемаша Е. П. Славский, командующий округом генерал Н. Г. Лященко и многие другие видные деятели того времени. Практически все лидеры СНГ и многих других государств мирового сообщества тоже поднимались на сцену этого дворца, ныне Конгресс-холла.

В годы освоения целины город стали активно посещать известные творческие коллективы. Свет рампы нашего лучшего дворца слепил глаза Людмиле Гурченко, Иосифу Кобзону, Анне Герман, Карелу Готу, Михаилу Боярскому, Людмиле Сенчиной, танцевальному ансамблю “Берёзка” и “Виртуозам Москвы”. С нашими зрителями встречались популярные талантливые артисты и режиссёры Павел Кадочников, Кирилл Лавров, Светлана Светличная, Никита Михалков, Вадим Абдрашитов и многие другие. Целиноградцы рукоплескали великим казахстанским талантам — Бибигуль Тулегеновой, Алибеку Днишеву, Розе Рымбаевой, популярному ансамблю “Дос мукасан”. Не будет преувеличением сказать, что с введением в строй Дворца целинников наш город стал одним из важных очагов культурной жизни республики.

Но самым важным событием в богатой истории этого центра культуры и политической жизни государства стала инаугурация Президента республики Н. А. Назарбаева, состоявшаяся 20 января 1999 года.

Думаю, теперь вполне уместно плавно перейти к рассказу о культурной жизни нашего города.

Переехавшие в новую столицу алматинцы первое время весьма критически, если не сказать пренебрежительно, оценивали культурный уровень Акмолы, как общий, так и культуру сферы обслуживания в частности.

Я их не осуждаю. Разница в уровнях общей культуры является одним из противоречий между столицей и провинцией, которые так же, как антагонизмы между городом и деревней, существовали всегда и, я думаю, будут существовать в обозримом будущем вопреки единственно верному и бессмертному учению. Это, по-моему, нормально, во всяком случае, так во всём мире, на всех континентах, исключая разве что Антарктиду.

Но свой родной город, своих земляков я в обиду никогда не давал и не дам. Древняя земля Сары-Арки всегда была щедра на таланты. Давным-давно на Атбасарской, Кояндинской ярмарках, на Карауткульском кумысном базаре при большом стечении народа традиционно выступали акыны-импровизаторы, композиторы-песенники, произведения которых, не знавших нотной грамоты, передавались из уст в уста. Достаточно вспомнить имена Умбетей-жирау Тлеуова, Саккулака Гапанова, Култумы Утемисова, Азденбай-сал Кудербаева, Газиза Файзуллина, Балуан-Шолака Баймурзаева, чтобы

представить себе богатство древнего акмолинского музыкально-певческого искусства. На всю республику известны имена акынов Р. Байкошарова и К. Такежанова, Б. Меркемелиденова и А. Альжанова.

Акмолинцы гордятся многими своими земляками — деятелями искусства: народными артистами Казахстана певицей Рабигой Есимжановой и композитором К. Кумисбековым, заслуженным деятелем, кобызистом и кюйши Д. Мыктыбаевым.

С Приишимьем связано творчество известных писателей. Не многие сегодня помнят, что Акмолинск является родиной талантливого советского писателя-фантаста Александра Казанцева, родившегося в нашем городе в 1906 году. Правда, с 1908 года, когда его семья уехала из Акмолинска, он больше не бывал на своей исторической родине, хотя и связь с ней поддерживал. Это, впрочем, не помешало сессии городского маслихата по личному обращению ко мне наших литераторов Андрея Дубицкого и Владимира Гундарева с просьбой в 1996 году (к девяностолетию со дня рождения) присвоить А. П. Казанцеву звание Почётного гражданина города Акмолы.

В этой связи уместно сказать несколько слов о наших талантливых земляках Андрее Дубицком и Владимире Гундареве.

Андрей Фёдорович Дубицкий родился в Акмолинске в 1915 году, окончил Омское художественное училище, до войны преподавал черчение и рисование в школах нашего города, начал писать и публиковать рассказы о жизни своих земляков. С начала Великой Отечественной войны — на фронте. Сперва сапёр, затем стал военным корреспондентом, ответсекретарём дивизионной газеты. После Победы продолжил журналистскую и писательскую деятельность, работал в краевой и областной газетах “Целинный край”, “Акмолинская правда”. Он автор многих художественных книг, главные герои которых — земляки-акмолинцы, простые люди, рабочие и крестьяне, солдаты Великой Отечественной.

На протяжении многих лет своей яркой творческой жизни Андрей Фёдорович занимался краеведением, стал действительным членом Географического общества. Давней истории Приишимья он посвятил повести “Скрижали истории” и “Лихолетье”, а своему родному городу — книги “Акмола — город славный”, “Город на Ишиме”, “Пройдёмся по улицам Целинограда”, “Где течёт Ишим” и другие. За вклад в развитие краеведения ему было тоже присвоено звание Почётного гражданина города Акмолы.

К сожалению, в 2005 году Андрей Фёдорович умер в почтенном возрасте 90 лет.

Владимир Романович Гундарев — поэт и публицист послевоенного поколения. По рождению он сибиряк, у него, насколько я знаю, прочные связи со своей родной Кыштовкой в Новосибирской области, он является почётным гражданином этого района.

Но сердцем и душой он наш, акмолинский, потому что юношей приехал на целину по зову сердца, захваченный комсомольской романтикой, и с тех пор его жизнь неразрывно связана с Акмолинщиной. Он открыл дверь в большую литературу стихами о Целине, о её покорителях. Здесь прошло его становление как творческой личности, герои его книг — “целинный Маресьев” Леонид Картаузов, первоцелинники Владимир Дитюк и Михаил Довжик. Именно здесь, на целине, родилась известная на весь бывший большой Союз его песня “Деревенька моя”, которую часто и очень проникновенно пела Ольга Воронец. “Деревенька”, как её душевно называют в народе, до сих пор очень

популярна, говорят, любимая песня президента Беларуси Александра Лукашенко, её поют и в дальнем зарубежье, к примеру, в Израиле. А вот то, что автор знаменитой “Деревеньки” живёт, здравствует и по-прежнему творит в нашем городе, знают почему-то немногие.

Интересно, что именно Владимиру Гундареву довелось в своё время по моему поручению вручить в Москве удостоверение почётного гражданина Акмолы и соответствующий приветственный адрес писателю Александру Казанцеву.

Продолжая рассказ об этом незаурядном человеке, нужно сказать, что большая заслуга Гундарева перед нашим городом ещё и в том, что Владимир Романович в нелёгкое для страны и Акмолы время, в 1990 году, основал и до сих пор, несмотря на большие трудности, прежде всего, финансовые, издаёт литературно-художественный и общественно-политический журнал “Нива”. Будучи акимом Акмолы, я по мере своих возможностей поддерживал его.

Кроме этих двух известных литераторов Акмолинщины, несправедливо было бы не сказать о других ярких литературных талантах.

Приишимские степи вдохновляли и вдохновляют многих известных поэтов и писателей. Среди них — уроженец Акмолы, участник Гражданской войны Александр Абрамович Дубовицкий, с 1934 года, ещё при М. Горьком, ставший членом Союза писателей СССР. Он участник многих реальных событий, связанных с установлением в регионе власти Советов, работал под руководством Сакена Сейфуллина. Закономерно, что его творчество было основано на большом жизненном опыте.

Богата творческая палитра писателя, участника Великой Отечественной войны Хаджимурата Рахимова. Его трилогия “Тайны Сенгира” посвящена событиям, происходящим в акмолинских степях в предоктябрьский период и в первые годы установления Советской власти.

На весь Казахстан широко известна песня “Дударай”, автором которой является также уроженка акмолинских степей Марьям Рекина.

Вдохновлённый трудовым подвигом и гражданским мужеством Героя Соцтруда, первоцелинника Леонида Картаузова, акмолинский писатель Нургожа Уразов создал поэму “Парень с целины”, а наша известная поэтесса Рысты Шотбаева в своей поэме проникновенно рассказала о жизни известной на целине женщины-механизатора Натальи Геллерт.

Целая плеяда талантливых авторов выросла в редакции немецкой газеты “Фройндшафт”. Среди них — Алексей Дебольский, Александр Гасельбах и другие.

Не скажу, что я такой уж завзятый театрал, но знаю, что первые театральные кружки в Акмолинске появились ещё в начале прошлого века, а их организатором был видный государственный деятель, участник национально-освободительного и революционного движения в Акмоле, соратник Сакена Сейфуллина Абдолла Асылбеков.

В годы войны в город была эвакуирована группа Ворошиловградского драматического театра, поставившая несколько профессиональных спектаклей по мотивам произведений казахских классиков.

С 1955 года в Акмоле работает русский театр драмы им. Горького. В его репертуаре много спектаклей по произведениям многонациональной советской драматургии и зарубежной классики.

Значимым событием для культурной жизни города стало создание в 1990 году казахского музыкально-драматического театра. Его первым

руководителем был известный в республике режиссёр, заслуженный деятель искусств РК Жакып Омаров, а творческим дебютом стала постановка спектакля по пьесе Г. Мусрепова “Акан-серэ — Актокты”.

Меня, между прочим, тоже вполне обоснованно можно отнести к создателям в Акмоле этого театра, во всяком случае, свой вклад в это дело я внёс: выделение театру здания бывшего райкома партии стало моим личным и по существу волевым решением, впоследствии обретшим форму постановления городского маслихата. Охотников за бывшей партийной собственностью было немало, а это здание представляло весьма лакомый кусок. Да и 26 служебных (впоследствии приватизированных) квартир для артистов тоже не с неба упали.

Из представителей изобразительного искусства нельзя не упомянуть на всю страну известных акмолинских мастеров кисти Марка и Алексея Поруниных, Ивана Свитича, Виктора Холуёва, графика Виктора Толчинского, талантливых живописцев Михаила Антонюка и Василия Товтина, замечательного скульптора Юрия Буштрука, произведения которых и поныне украшают открывшуюся ещё в 1980 году постоянную экспозицию нашего музея современного искусства.

Так что называть Акмолу “некультурным” городом было бы несправедливо.

Вообще-то я полагаю, что уровень человеческой культуры не определяется объёмом багажа знаний или наличием эстетических идеалов. Думается, что культура — это состояние души, богатство внутреннего мира человека. Мне доводилось встречать людей не то чтобы путающих Гоголя с Гегелем, Бабеля с Бебелем и Гюгена с Ван Гогом (последних двух я, впрочем, тоже легко могу перепутать), а вообще не слыхавших этих фамилий. Среди них я знал немало людей исключительно искренних и порядочных, нравственно чистых, духовно щедрых, но не обогативших, по выражению одного из основоположников, “свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество”. Считать ли их культурными людьми — вопрос, как говорится, дискуссионный.

Так получилось, что в Целинном крае я прожил очень недолго. Он был создан в декабре 1960 года. А спустя три месяца, когда мы с Володиёвым бдительно несли службу по охране простых советских заключённых, Никита Сергеевич Хрущёв принял решение о переименовании города Акмолинска в город Целиноград.

Уже значительно позже, четверть века спустя, я обнаружил в Ведомостях Верховного Совета и Правительства Казахской ССР Указ от 22 марта 1961 года, состоящий из одной строчки: “Переименовать город Акмолинск Целинного края в город Целиноград”.

Затем, через месяц, последовал Указ об образовании в составе Целинного края Целиноградской области с центром в городе Целинограде, хотя, в принципе, “образовать” её было не так уж сложно, в этих же границах она существовала с 1939 года, только называлась Акмолинской.

Целина отметила свой первый, десятилетний, юбилей. Заслуживших и, как часто водится, многих непричастных, удостоили памятным знаком “Участнику уборки десятого целинного урожая”. Но жить вдруг

стало ощутимо труднее. Сказывались волюнтаристские методы руководства народным хозяйством и, прежде всего, агропромышленным комплексом. Да и кукуруза никак не хотела расти в условиях Северного Казахстана.

Избалованные “первокатегорийным” снабжением целиноградцы с недоумением обнаружили, что с прилавков магазинов исчезли сперва деликатесные продукты, затем хорошие сорта колбасы и, наконец, мука высшего и первого сортов. Как ни парадоксально, но в столице хлебного края белый хлеб приобретался по талонам только для нуждающихся в диете больных.

В итоге 14 октября 1964 года Пленум ЦК КПСС принял вынужденную отставку Н. С. Хрущёва, за которой последовал очередной виток административно-территориального дележа: в декабре того же года упразднили Западно-Казахстанский и Южно-Казахстанский края, а вслед за ними подошла очередь и Целинного края. Он был упразднён 16 октября 1965 года, спустя ровно год после “упразднения” его создателя.

Давать оценку деятельности и личностную оценку руководителям такого масштаба, как Н. С. Хрущёв, очень трудно. Думаю, не случайно скульптор Эрнест Неизвестный, которого трудно заподозрить в большой симпатии к этому лидеру, создал установленный на Новодевичьем кладбище памятник из чёрного и белого мрамора, желая этим подчеркнуть, что в жизнедеятельности этого, бесспорно, незаурядного человека переплетены два начала — добро и зло.

Свою историческую миссию Хрущёв выполнил, вскрыв и развенчав культ личности Сталина. Его доклад на закрытом заседании XX съезда партии — пример большого гражданского мужества и, безусловно, событие исторического масштаба.

Но, сам будучи продуктом своей эпохи, Хрущёв не смог до конца отрицать основные принципы взрастившей его системы. Она цепкими когтями держала его и привела к вполне закономерному политическому и жизненному финалу. Думаю, это одна из наиболее трагичных фигур в ряду государственных деятелей бывшего Союза ССР.

Завершая речь о Н. С. Хрущёве, влияние которого на судьбу Акмолы трудно переоценить, думаю, было бы неправильным обойти вниманием ещё один факт в истории города: уже в те годы существовала идея переноса столицы из Алма-Аты в Целиноград. Об этом ходило немало слухов, велись кулуарные разговоры, и хотя официального подтверждения слухам не существовало, такая идея, несомненно, была.

Поводом для рождения этого проекта, я думаю, послужили серьёзные, вплоть до военных столкновений на границе, осложнения отношений с Китаем и споры по территориальным вопросам.

Вообще-то мировая практика свидетельствует о нежелательности расположения столицы государства вблизи границ со странами-соседями, какими бы дружественными не были отношения с ними. В политике, говорил старина Уинстон, не существует друзей, могут быть только общие интересы. А они, как известно, дело преходящее.

Спустя несколько десятилетий, когда процесс государственного строительства суверенного Казахстана потребовал новых, максимально благоприятных условий для эффективного управления государством, обеспечения оперативной связи с центром и оптимального функционирования государственных структур на местах, вопрос о переносе столицы из Алматы в центр республики вновь появился в повестке дня.

В этом смысле Акмола отвечала самым придирчивым требованиям. Наш город является крупным узлом всех видов транспорта — автомобильного, железнодорожного и воздушного. Через него проходят магистральные автодороги международного значения: Алматы — Екатеринбург, соединяющая юг Казахстана с Уралом, а также Акмола — Кокчетав — Петропавловск с выходом за пределы республики. Кроме того, в Акмоле пересекаются несколько автомобильных артерий республиканского значения.

Железнодорожный узел обеспечивает перевозки, определяемые транспортно-экономическими связями южного и центрального регионов страны, Западной Сибири — с Уралом, Поволжьем и центральной частью России.

Кроме геополитического фактора, для выбора столицы существует ещё достаточно много критериев. К примеру, мировой опыт свидетельствует о нецелесообразности сосредоточения в главном городе государства крупных промышленных предприятий. По западным меркам оптимальная численность населения столицы не должна превышать 500 тысяч жителей. По этой причине была построена новая столица Бразилии, принято решение о переносе в перспективе столицы Японии.

Поэтому выбор главы нашего государства Н. А. Назарбаева не случайно пал на Акмолу: по данным критериям наш степной город мировым стандартам столицы соответствовал полностью.

И когда меня, уже акима Акмолы, горожане с недоверием и надеждой спрашивали, будет ли в Акмоле столица республики, я ещё задолго до принятия судьбоносного решения отвечал: а почему бы и нет?

Но это — в далёком будущем, а тогда, зимой 1964-го, после демобилизации, я поступил на работу в таксомоторный парк и на двадцать лет связал свою судьбу с автомобильным транспортом города и области.

Несмотря на наличие приличного водительского опыта и армейских навыков, меня приняли на работу автослесарем какого-то небольшого разряда. Таксист в те времена была профессия денежная и престижная, большинство водителей попадали в таксисты по протекции. А это как раз то, чем я никогда в своей жизни не пользовался.

Очень удобным было то, что таксопарк находился рядом с домом. Дело в том, что у нас родилась дочь и, как все дети, требовала к себе постоянного внимания и заботы. Поскольку жена училась в институте, я работал преимущественно во вторую смену. До обеда оставался с дочкой на хозяйстве, а жена была на занятиях, после обеда — наоборот.

Во времена “позднего” Хрущева и “раннего” Брежнева зарплаты были небольшими, а у автослесарей — вообще кошкины слёзы, иной месяц я домой приносил рублей восемнадцать-двадцать. Жена получала стипендию — 25 рублей. На эти деньги мы жили, да ещё и матери помогали. Так что основы умения рассчитывать и экономить бюджет были заложены ещё в молодости, что очень пригодилось потом, когда освоение городского бюджета стало одной из основных сфер моей деятельности. Но скупым не стал, к деньгам и тратам всегда относился достаточно спокойно. Так в нашей маленькой избушке мы прожили семь лет.

Спустя некоторое время я перешёл работать таксистом. Поскольку в парке меня уже знали, обошлось без протекции. Но машина мне досталась — врагу не пожелаешь, хотя и после капремонта, но кто не знает, как этот капремонт в те времена производили.

Обычно с утра мы с напарником ремонтировали наш “ГАЗ-21”, а после обеда выезжали в город на линию. День — я, день — он. Зарботки были небольшие, поэтому, когда таксопарк получил новенький служебный автобус, я пересел за его баранку. Это была дежурная машина, развозившая круглосуточно работающий персонал и водителей по домам. Мы с напарником работали по 12 часов.

Директором парка в то время был Кузеванов, уж не помню его имени и отчества. Высокий, стройный, с военной выправкой, он, в своём неизменном кожаном пальто, походил на отставного офицера, каковым, в сущности, и являлся, так как был из фронтовиков.

Может быть, потому, что автобус мой был всегда чистенький, аккуратный, исправный (ухаживал я за ним, как в детстве за лошадьми), Кузеванов, несколько раз ездивший со мной по делам, обратил на меня внимание и предложил перейти работать на его служебную “Волгу”. Я согласился.

Мой новый шеф был человеком одиноким, его жена умерла, а взрослые дети жили на родине, в Ульяновске. Обитал в однокомнатной квартире. Вернее, ночевал там, поскольку жил он на работе. Каждое утро, ровно в семь часов, я подъезжал к его дому, а он, человек исключительно пунктуальный, уже ждал меня на улице. Работал он допоздна, не раньше десяти-одиннадцати часов вечера я отвозил его домой, ночевать.

Но так продолжалось недолго. Примерно через год отыскался на него какой-то компромат, его исключили из партии и, соответственно, освободили от занимаемой должности.

В парк прислали нового директора, бывшего работника обкома партии. Была раньше такая практика: достаточно было закончить высшую партийную школу, и можно было руководить чем угодно — от студии балльных танцев до автотранспортного предприятия. Впрочем, человек он был неплохой, но специфики таксопарка не знал, ему было очень трудно. Он, бедняга, как шолоховский Семён Давыдов, руководил совершенно не известным ему делом. Правда, тоже недолго, кажется, чуть больше года.

К этому времени я поступил на вечернее отделение техникума автомобильного транспорта, и теперь в “бардачке” моей машины постоянно лежали различные учебники. Справедливости ради следует сказать, что большей частью они там просто лежали, так как читать их время находилось далеко не всегда.

Целиноградский техникум автомобильного транспорта — это одно из старейших средних специальных учебных заведений города. Просуществовал он около сорока лет, и за это время в его стенах подготовлено более 12 тысяч специалистов автодорожной отрасли. Путёвку в профессию здесь получила практически вся элита наших автотранспортников: бывшие заместители акима области, а ныне глава республиканского департамента Кайсар Оспанов и начальник областного автоуправления Роберт Бегишев, руководители автотранспортных предприятий Иван Солодовников, Александр Левинтант, Герман Дубо, Николай Косенко, Геннадий Крестников, Серик Жамалиев, начальник ГАИ Сарсен Уваев, а вслед за ним — более половины работников городской автоинспекции.

Техникум известен тем, что его закончили наши знатные целинники — Герои Социалистического Труда Валентин Щербаков и Анатолий Юнусов, лауреат Госпремии СССР Пётр Колос.

Преподавательский коллектив этого учебного заведения в те годы был очень сильный. Я с благодарностью вспоминаю Ивана Кирилловича

Кузьмука, Веру Дмитриевну Чернядьеву, Хамита Баярлина, Николая Даниловича Лапенко, Юлиана Марьяновича Вилинского и, конечно, первого директора техникума Владимира Александровича Цоя. Его сменил Кенжебай Бекпаевич Бекпаев, человек творческий, настоящий педагог, руководивший техникумом двадцать два года и воспитавший целое поколение работников автотранспортной отрасли. Кстати сказать, двадцать лет спустя этот техникум закончил и мой сын.

Из одноклассников я до сих пор помню Васю Акунского, Ваню Губенко, Павла Куракина, Васю Жильцова, Мишу Сосновского, Каирбека Касенова, а из девчат — Галю Козловских и Жакию Сыздыкову. Но после окончания техникума пути наши разошлись.

Получение диплома совпало с очередной, как сейчас называют, кадровой ротацией: директором парка назначили молодого, недавно закончившего наш сельскохозяйственный институт Альберта Филипповича Козловского. Он возглавлял таксопарк в течение трёх лет, пока его не перевели главным инженером областного автоуправления, у руля которого в те годы стоял Наушан Касенгалиев.

С уходом Альберта Козловского в таксомоторном парке закончилась кадровая чехарда. В 1970 году директором назначили бывшего выпускника Харьковского автодорожного института Левона Леоновича Оганезова, который более четверти века его бессменно и успешно возглавлял.

К людям с кавказскими фамилиями в Казахстане всегда относились достаточно ровно и доброжелательно. Раз на раз, конечно, не приходится, некоторая настороженность в отношении, как сейчас называют, “лиц кавказской национальности” иногда всё-таки проявляется. Но Оганезова в коллективе приняли по-доброму, тем более что он был свой, транспортник, и не последний человек в отрасли: успел поработать в областном управлении и в автокомбинате.

Про это “лицо кавказской национальности” скажу так: побольше бы таких лиц всем другим этносам. Лучшие качества армянского народа воплотил в себе Левон Леонович. Человек высшей степени порядочности, профессионал своего дела, он обладал большой душевной щедростью и добротой. К этому следует добавить свойственный всем кавказцам искромётный юмор, искренность и сердечность в личном общении. Большим уважением пользовался он в коллективе таксопарка.

Следует сказать, что таксопарк — это государство в государстве, или город в городе, как Ватикан в Риме. Здесь свои законы, свои иерархия, инфраструктура, система правоотношений и ментальность, социальная структура и даже экономика своя — рыночная. Инженер, врач, учитель, токарь или пекарь зарплату получают два раза в месяц. А в таксопарке — каждый день живые деньги. Всё, что набралось за смену сверх плана — твоё. Но не совсем твоё: полтинник — технарям, полтинник — мойщикам, полтинник — водителю, который тебя после смены домой везёт. Во всём большом Союзе, в братских союзных республиках экономика была плановой, а в таксопарках — рыночной, и никакой Н. К. Байбаков, бывший председатель Госплана СССР, ничего поделывать с этим не мог.

Но при этом абсолютное большинство работников таксопарка вовсе не были ни рвачами, ни хапугами, к деньгам относились легко.

Талантливый писатель Илья Штермер, которого называют русским Артуром Хэйли (хотя, судя по фамилии, относительно национальности пребывают в стойком заблуждении), написал замечательный роман

“Таксопарк”. Исключительно правдивый роман. Говорят, автор, прежде чем взяться за повествование, специально устроился на работу в таксопарк и довольно долго проработал таксистом. Похоже, правду говорят: с глубоким знанием вопроса написано, очень реалистично.

Более того, таксопарк — это настоящий информационный центр, сюда стекались все городские новости, слухи, сплетни. В те годы парк личных автомобилей был крошечным, персональным и служебным транспортом располагало только высокое начальство. Соответственно, спрос на такси был немалый и среди клиентов не последние в городе люди попадались. А человек в дороге редко молчит, обычно хоть что-то водителю да расскажет, демонстрируя свою информированность.

Один умный социолог как-то очень доходчиво разъяснил, чем информация отличается, скажем, от яблока: если два человека обменяются яблоками, то у них так по одному яблоку и останется. А если обменяются информацией, то у каждого будет по крайней мере по две. А информированный человек отличается от не информированного, как всадник от пешего.

Таксопарк был хорошо информирован. Я думаю, что в орготделах и кадровых службах ещё только проекты приказов готовились, а мы уже знали, кого куда двигают. Кроме всевозможных кадровых секретов стекался большой поток другой, в разной степени интересной и полезной информации. Эти новости, слухи, сплетни варились в большом людском котле, бурно обсуждались, уточнялись, обрастали подробностями, просеивались, конкретизировались и, самое удивительное, в большинстве случаев — подтверждались.

Естественно, у таксистов вырабатывались специфические профессиональные навыки: разговорить клиента могли на счёт “раз”. Помню, был у нас водитель Дубов, легенда таксопарка. Он приехал в Целиноград из Кустаная в командировку по обмену опытом, тогда практиковалось такое полезное сотрудничество между регионами. Дубову понравился наш город и особенно коллектив таксопарка, он переехал в Целиноград, со временем получил квартиру и проработал в парке до самой пенсии.

Это был артист театра одного актёра, причём артист, как минимум, заслуженный. Обаятельнейший человек, юмор у него был неиссякаем, здоровый такой, хороший юмор, на его шутки никогда никто не обижался. Напротив, любого человека своими шутками и прибаутками он мог убедить сесть в машину, даже если у клиента и не было намерений раскошелиться на такси. Очарованные столь обходительным и остроумным водителем, клиенты щедро давали Дубову сверх счётчика “на чай”, так что он всегда план перевыполнял.

Думаю, рассказ о таксомоторном парке Целинограда уместно продолжить повествованием об автотранспортной отрасли в целом, которой я отдал более двадцати лет жизни. Этот факт, я полагаю, позволяет мне изложить некоторые свои соображения, ставшие плодом размышлений человека, прошедшего путь от автослесаря и таксиста до руководителя областного автотранспортного управления.

Прежде всего, скажу, что города с идеально работающим городским автотранспортом на земном шаре не существует.

Как-то в Америке, в середине прошлого десятилетия, меня принимал мэр города Монтгомери, столицы штата Алабама. Он гостеприимно

показывал мне хозяйство, много возил по прекрасному мегаполису. Однажды, во время одной из таких поездок, я поинтересовался, как у них работает общественный транспорт.

— Да как вам сказать, — замялся мэр, — в общем-то, работает... но проблемы, конечно, существуют.

По его тону я понял, что эти проблемы отнюдь не являются причиной головной боли мэра.

В это время мы проезжали мимо автобусной остановки, и я обратил внимание на сидевшего на скамейке под навесом опустившегося, грязного и пьяного негра.

— Видите ли, — указывая на эту живописную экзотику, сказал мэр, — у нас общественный транспорт преимущественно для вот таких.

Его слова нашли подтверждение буквально через несколько минут. Во время остановки на светофоре я увидел, что в окно стоявшего напротив нас “Мерседеса” чуть ли не до пояса высунулась пожилая, лет семидесяти, американка со сморщенным, как печёное яблоко, личиком и уставилась на светофор. Видимо, слабое зрение не позволяло ей через тонированное стекло разглядеть знаки светофора, а может, просто солнце слепило глаза.

Но это у них, а у нас было иначе, общественный транспорт был действительно общественным, и на протяжении всей его истории общество было стабильно недовольно работой извозчиков, конок, автобусов, трамваев, троллейбусов и такси. Помнится, ещё лет восемьдесят назад герои Ильфа и Петрова ударили автопробегом по бездорожью и разгильдяйству. Ударить-то ударили, но, думается, и дороги от этого удара лучше не стали, и интервал в движении автотранспортных средств на маршрутах не сократился. Во всяком случае, выше упомянутая мною тётя Маша, водитель первого и в пятидесятые годы единственного в Акмолинске автобуса, тоже особыми симпатиями горожан не пользовалась.

Сегодня, когда предприятия общественного транспорта реструктуризовались, акционировались, изменили собственность, а частный извоз официально стал одним из распространённых видов бизнеса, положение, конечно, изменилось: астанинцы даже в часы “пик” вполне могут своевременно попасть на работу, сохранив при этом пуговицы.

Но рассекающих на собственных “Мерседесах” семидесятилетних старушек я в Астане пока не видел.

Всё в мире имеет своё объяснение, свои причинно-следственные связи и закономерности.

К середине прошлого десятилетия проблемы в сфере общественного автотранспорта, особенно в зимний период, обострились настолько, что привели к массовому возмущению горожан с одной стороны, и к забастовке водителей автопарка — с другой.

Дело в том, что к тому времени в республике было не так уж много городов, где положение в сфере автотранспорта было хуже, чем в Акмоле. К примеру, в Павлодаре, Усть-Каменогорске и Семипалатинске, которые по населению не намного превышали Акмолу, было 60-70 пассажирских маршрутов, в Чимкенте — 45. В Акмоле же действовало 27 автобусных и пять троллейбусных линий. Вследствие недостатка топлива некоторые маршруты работали по сокращённому графику. Город располагал двумя пассажирскими автопарками с четырьмя сотнями автобусов, троллейбусным депо с 69 троллейбусами и таксопарком на 188 таксомоторов. Но при

самых благоприятных условиях на городские линии можно было вывести около сотни автобусов, не более 35 троллейбусов и порядка сотни такси.

Между тем общая протяжённость городских автобусных и троллейбусных линий составляла без малого тысячу километров, годовой объём пассажироперевозок превышал 54 миллиона человек. Зимой, в морозы и бураны, ситуация становилась просто катастрофической.

Больше всего мне жаль было детей, которых родители по утрам возили в детские сады. Не выпавшиеся, испуганные толчеей на остановках, штурмом автобусов, давкой в переполненных салонах, они капризничали, хныкали и плакали на руках у стервенеющих родителей. Последние, измученные утренним вояжем, тоже появлялись на своих рабочих местах нервными и злыми, как белые медведи в условиях глобального потепления. К этому, для полноты картины следует добавить нерегулярно выплачиваемые зарплату, пенсии и пособия, всеерные отключения электроэнергии и другие заморочки времени. В общем, зимой по будним утрам первой половины девяностых годов большинство горожан выглядели так, «словно в понедельник их мама родила».

Закономерно, что ежедневное утреннее совещание в мэрии начиналось с вопроса, сколько машин работают на городских маршрутах, каковы запасы бензина и дизельного топлива. Потом уже рассматривались криминальная ситуация, положение на ТЭЦ, вопросы тепло-, водо- и энергоснабжения, другие аспекты многогранного городского хозяйства.

Главной причиной автотранспортного коллапса того периода было финансовое положение автотранспортных предприятий. При стоимости проезда 10 тыин месячные расходы автопарков превышали доходы примерно в семь раз, а троллейбусного — в десять. Оба автомобильных и троллейбусный парк в долгах были, как в шелках, их задолженность за электроэнергию, воду, тепло, ГСМ составляла астрономическую сумму.

Другая головная боль руководителей парков — техническое состояние подвижного состава, уверенно превращавшегося в неподвижный. Ежедневно в ремонтных боксах парков находилось от 30 до 50 машин. Вместо того чтобы этот металлический хлам отправить прямым ходом на свалку, старые машины латали, как некий пан Казимир Козлевич свою любимую «Антилопу-гну», вкладывая в них всё новые и новые средства, в то время как стоимость запчастей стала паркам не по карману. Венгрия вообще прекратила поставку запчастей к своим «Икарусам», предназначенным для работы на линиях с большим количеством пассажиров. Ситуация в автотранспортных предприятиях была, что называется, аховой.

Экономическое положение отрасли заметно сказалось на отношениях водителей и пассажиров, перешедших в состояние необъявленной, но быстро вспыхнувшей и принявшей затяжной характер «войны нервов». Водители вместо объявления остановок постоянно угрожали пассажирам карами за безбилетный проезд, а пассажиры, особенно после упразднения в целях экономии кондукторов и сокращения числа контролёров на линиях, вообще перестали проезд оплачивать.

За свою долгую и, вероятно, не всегда и не во всём правильную и праведную жизнь, я не раз убеждался, что человеческий фактор — это одно из важнейших

и одновременно загадочных явлений, способных не только вызвать, спровоцировать многие события, но и повернуть вспять течение истории.

Движение на городских маршрутах обеспечивали порядка 400 водителей автобусов и троллейбусов. В большинстве своём это классные специалисты, трудяги и порядочные люди. Но и палец в рот им класть противопоказано, в обиду себя не давали ни при каких обстоятельствах. Объяснения с пассажирами осуществлялись, как правило, в выражениях, очень далёких от лексики выпускниц Смольного института.

Однажды, изучая работу городского общественного транспорта, я подъехал к железнодорожному вокзалу, где была конечная остановка многих маршрутов. Картина была сюрреалистична: на автобусной остановке томились порядка 200 медленно сатанеющих пассажиров, а напротив, метрах в ста — пять-шесть автобусов и пара троллейбусов. Водители устроились в одной из машин, покуривая за непринуждённой беседой.

Я ждал минут пять. Тем временем от стоявшей на остановке толпы отделилась женщина с маленьким ребёнком на руках, подошла к водителям, о чём-то попросила, видимо, получила отказ и повернула назад к толпе пассажиров.

Я остановил её, поинтересовался, давно ли не было автобуса.

— Да минут тридцать, — безразлично ответила она.

— Чего стоим, кого ждём? — озадачил я оторопевших от моего вмешательства и уверенного голоса водителей фразой известного анекдота.

— График, семь минут ещё, — не повернув в мою сторону головы, сквозь зубы процедил один из них.

Зря он не повернулся, может быть, узнал, с кем разговаривает. Я, между тем, медленно закипал:

— Слушай, — говорю, — посмотри, сколько народа тебя ждёт на остановке. Наплюй ты на свой график, до каких пор можно пассажиров на морозе держать!

— Накажут, — снова сквозь зубы процедил водитель.

— Обещаю тебе, что не только не накажут, а премию дадут, в конце концов, твоя должность и твой автобус существуют для людей, а не люди для того, чтобы ты зарплату получал!

— А чего вы мне “тыкаете”? — взвился водитель. — Вы должны со мной на “вы” разговаривать.

Тут уж и я психанул:

— Я тебя тогда на “вы” назову, когда тебя уважать буду. А за что тебя уважать, если ты с друзьями своими бессовестными в тепле сидите, а две сотни людей полчаса на морозе коченеют. Имейте в виду, если я займусь вашими судьбами, то ни одного из вас даже на ассенизационную машину работать не примут!

Что вы думаете? С места не сдвинулся и усом не повёл! Отстоял свои семь минут, потом медленно, продолжая играть на нервах пассажиров, подкатил к остановке, обдав меня густым облаком выхлопных газов.

Не знаю, как дальше сложилась судьба этого водителя, может, он и сегодня развозит на автобусе не самых зажиточных горожан по их делам, я в его судьбе никакого участия не принимал и вообще никогда никого не наказывал только для того, чтобы удовлетворить свои амбиции или остудить эмоции.

Я предельно ясно понимал: можно сколько угодно ругать водителей, увольнять их пучками, можно заменить весь кадровый состав парков во

главе с их руководителями, но общественный транспорт от этого работать лучше не будет.

Причины имели чисто экономический характер. Нужны были большие деньги на развитие отрасли: на обновление парка и ремонт машин, на строительство новых троллейбусных линий, наконец, на зарплату водителей, слухи о баснословности которой были сильно преувеличены. В среднем заработная плата водителей автобусов и троллейбусов не намного превышала среднегородскую зарплату работников государственного сектора.

Эту финансовую дыру не мог заткнуть республиканский бюджет, из которого финансировался общественный транспорт, являвшийся в ту пору республиканской собственностью. Систематические финансовые инъекции из городского внебюджетного фонда хотя и были по нашим меркам весьма существенными, проблему отнюдь не решали, а позволяли лишь несколько замедлить скатывание отрасли в пропасть.

Как же быть? Неужели содержание транспорта должен взять на себя пассажир?

Руководствуясь главным законом рынка — за всё надо платить — так следовало и поступить, сказав горожанам: хотите ездить в комфортных условиях, платите. Но это был самый сложный этап переходного периода, когда многие семьи в прямом смысле слова выживали, самоотверженно боролись за будущее, каждый тенге был на счету.

В практике других городов был опыт введения бесплатного проезда на городском общественном транспорте. Идея, между прочим, не столь уж абсурдна, какой она может показаться в условиях рыночного хозяйства, во всяком случае, ощутимая экономия налицо: нет нужды изводить тонны бумаги и краски на изготовление, причём тоже не бесплатное, билетов и абонементов, можно за ненадобностью упразднить дорогостоящий институт контролёров и кондукторов, наконец, не будет “зайцев”, а вместе с ними и наносимого ими ущерба. Поскольку все пассажиры пользуются транспортом бесплатно, не будет и льготников, за которых в любом случае кто-то должен платить. Проезд большинства льготных категорий горожан в то время оплачивала администрация города.

Но я понимал, что минусов у бесплатного проезда гораздо больше, нежели позитивных моментов. Во-первых, городской общественный транспорт в условиях плановой экономики в любом случае должен находиться на чьём-то балансе, кто-то должен платить за бензин, ремонт машин, зарплату водителям и так далее. У администрации города таких средств не было.

Если же пустить автопарки в автономное плавание по разбушевавшейся стихии рынка, то на другой же день цена билетов за проезд в автобусах и троллейбусах превысила бы стоимость авиационных.

Тогда нами было найдено оптимальное, на мой взгляд, решение: мы внесли вопрос о работе городского общественного транспорта на сессию горсовета и после продолжительной дискуссии ввели транспортный налог для предприятий города. Последние, разумеется, восприняли это решение без особого энтузиазма, но моему заместителю Ахметолле Шакирову удалось убедить большинство руководителей, аргументируя необходимость введения нового налога тем, что основное предназначение общественного авторанспорта — доставка людей на работу.

Введение транспортного налога дало возможность перевести отношения с автотранспортными предприятиями на договорную основу:

согласно заключённым договорам мы оплачивали транспортникам оказание услуг населению в строгом соответствии с их фактическим объёмом. Более того, нам удалось сохранить приемлемые тарифы за проезд в автобусах и троллейбусах, не усугубляя непростую социальную ситуацию.

Конечно, администрация города не снимала с себя ответственность за состояние и своевременный ремонт дорог, по-прежнему оказывала автотранспортным предприятиям финансовую поддержку. По бартеру, в обмен на заработанное водителями парков в ходе уборочной страды зерно приобрели на Львовском автозаводе двадцать новеньких “ЛАЗов”. За два года капитально отремонтировали более 100 км городских дорог. Таким образом нам удалось продержаться до первого этапа приватизации.

Что касается бесплатного проезда, то практика показала неприемлемость этого варианта. Конечно, можно было бы за счёт транспортного налога вообще освободить горожан от оплаты, но слишком велика была вероятность того, что транспортники в этом случае ограничат свои обязанности доставкой граждан по утрам на работу и домой после окончания рабочего дня. А в остальное время и в выходные дни работали бы спустя рукава.

Кто платит деньги, тот и заказывает музыку — любимая присказка начальника городского автоуправления того времени Роберта Гумаровича Бегишева. Эта мысль только на второй взгляд представляется не такой уж неуязвимой с точки зрения логики. На первый — она безукоризненна. Но я считал, что заказывать музыку будет администрация города, а бремя расходов надо возложить на всех понемногу, кроме населения. Так оно, собственно, и случилось.

С Оганезовым я был немного знаком, иногда, при случайных встречах, подвозил его домой, поэтому он сразу предложил мне перейти на его служебную машину. Я отказался.

В 1970 году я за девять месяцев выполнил годовой план, мои фотографии водрузили на Доску почёта и вклеили в Книгу почёта таксомпарка, таким образом, я впервые вкусил “сладкое бремя славы”. Вскоре меня назначили бригадиром таксомоторной бригады.

Начальником второй автоколонны был Иван Иванович Макаров, и человек неплохой, и работник дельный, но коллектив — оторви да выбрось. Все водители, как на подбор, скандальные, горластые, каждый себе на уме. Такое нередко случается: любой из них в отдельности — человек как человек, а все, вместе взятые, — вече Новгородское. Макарову с ними было трудно, он часто болел и вскоре умер от рака.

Оганезов пригласил меня для беседы, сказал, что обычно говорят руководители в таких случаях: молодой, перспективный, образование есть, дело знаешь, людей тоже, они тебя уважают, не сможешь — научим, не захочешь — заставим. Короче, убедил он меня, и я решил возглавить автоколонну.

Не раз пришлось демонстрировать характер, но вскоре дразги и склоки прекратились, а работа пошла, колонна стала давать план. Мы вызвали на соревнование первую автоколонну, которой руководил кореец Анатолий Ко. И хотя номер нашей автоколонны был “второй”, в соревновании первенствовали мы.

К этому времени я стал остро ощущать, что полученных в техникуме знаний уже не хватает, по некоторым вопросам, особенно экономического

характера, я откровенно “плавал”, как ленивый студент-прогульщик на экзамене. Я вообще не очень-то люблю обращаться за помощью, всегда рассчитываю только на свои силы, знания и опыт. Вот последних двух компонентов мне и не хватало. Но опыт — дело наживное, а знания я пополнял как рабочие-революционеры, путём самообразования. Но, в отличие от них, по ночам “грыз” не труды основоположников, а рылся в технических и экономических справочниках. В конце концов, к большой радости супруги, решил: надо поступать в институт.

Я убедил в необходимости этого шага коллег-друзей — Бориса Сека и Владимира Коваленко, и мы, как три мушкетёра, обнажив шпаги, отважно бросились на штурм цитадели знаний с вывеской “Целиноградский сельскохозяйственный институт”. Впоследствии сперва Борис, а вслед за ним и Володя под натиском различных обстоятельств учёбу бросили. Я, как всегда, шёл до конца.

Учился я, разумеется, заочно, а работа в таксопарке шла своим чередом. Однажды под Макинском случилась большая автоавария с участием нашего такси, погибли два человека. Как обычно в таких случаях бывает, к нам нагрянули комиссии, по итогам работы которых сделали “оргвыводы”: освободили заместителя директора по эксплуатации.

Оганезов предложил мне занять его место, но я отказался. В конце концов мы приняли компромиссный вариант: я решил попробовать, поэтому дал согласие на временное назначение, которое потом плавно перешло в постоянное.

Вскоре коллектив нашего таксопарка занял первое место среди автотранспортных предприятий области, и Левон Левонович предложил мне возглавить инженерную службу парка. Специфика автотранспортных предприятий в те годы была такова, что главный технический стратег хоть и не являлся заместителем директора, но фактически был вторым руководителем парка. На нём замыкались практически все вопросы производственной сферы предприятия — от технического состояния и ремонта подвижного состава до производственной дисциплины. А в таких вопросах, как приём на работу и увольнение, распределение премий, распределение машин, определение графика отпусков, слово главного инженера превалировало над директорским.

Я, конечно, отказался. Я вовсе не ломался, не хотел, чтобы меня уговаривали, нет. Как и большинство нормальных мужчин, я стремился утвердиться в работе, мне становилось тесно в одной должности, я чувствовал в себе растущие силы и готовность работать на более трудных и серьёзных участках. Этот и все предыдущие (да и все последующие) мои отказы занимать более высокие должности были обусловлены только одним: я всегда очень тщательно взвешивал сделанное мне предложение. На одну чашу весов я укладывал своё представление, каким, в моём видении, должен быть руководитель, занимающий данную должность. А на другую — свои знания, навыки, умения, опыт и желание работать в новой ипостаси. При этом материальная сторона вопроса особой роли никогда не играла.

Иногда я думаю: почему Оганезов нянчился со мной как с малым дитём? Я был нормальным парнем, как тысячи других молодых людей, ничем особым не отличался, не обладал большими техническими знаниями или какими-то выдающимися талантами. Четыре месяца он, отражая атаки областного управления, держал вакантной должность второго

руководителя парка, убеждая меня стать главным инженером. И убедил всё-таки, чаши весов уравнились, и я согласился.

И не ошибся. Семь лет проработал главным инженером таксопарка, и сегодня вспоминаю этот период как один из самых лучших и продуктивных в своей трудовой биографии. За эти годы с Леоном Леоновичем мы ни разу не только не поругались, но даже не повздорили, на повышенных тонах друг с другом не говорили. Это при его кавказском темпераменте и моём взрывном характере.

Оганезов послал меня в Алма-Ату, подучиться, набраться опыта. Я побывал в столичных автопредприятиях, причём не только в таксопарках, встречался с руководителями, беседовал с водителями, инженерами, технарями.

Главный багаж, который я привёз, вернувшись из этой поездки, — это глубокое убеждение в том, что мы работаем не хуже других, а по некоторым позициям даже превосходим столичные парки. Но чтобы такую, как у нас, слабую материальную базу найти, потрудиться надо. Цеха расположены в ветхих, приспособленных помещениях, оборудование устарело, контора вообще ютится в аварийной сараюшке. Если бы в одночасье рухнула, вакансий в парке открылось бы немало.

Директор давно намеревался заняться ремонтом, но в автоуправлении как чёрт ладана боялись всяких новаций, особенно строительства хозяйственным способом, точнее — связанных с ними нарушений, прежде всего финансовых. Этот способ действительно давал основания для таких опасений.

А у меня руки чесались, я видеть не мог наше убожество. Нашёл я одну ушлую дикую бригаду, и за два выходных дня они оставили от нашей конторы одни воспоминания, не такие уж и ностальгические. В понедельник в тресте узнали о моих проделках и только ахнули.

Контору мы отстроили довольно быстро и принялись за автопрофилактикой. В то время начал давать первую продукцию наш керамический комбинат, и его директор Зуйков здорово помог нам с кафельной плиткой, которая тогда была большим дефицитом.

Подоспела какая-то очередная кампания, и в этой связи решили (в верхах, разумеется) превратить наш таксопарк в образцово-показательное предприятие. Основания для этого были: производственные показатели хорошие, дисциплина на уровне, инициативное строительство и переоборудование идут полным ходом и даже никаких связанных с хозспособом финансовых нарушений не просматривается. Поэтому в автоуправлении уже не смотрели на нашу деятельность с подозрительностью майора Пронина, по рукам не стегали, осторожно одобряли, иногда даже ставили кое-кому в пример.

Известно, если невозможно переломить ситуацию, то надо использовать её с максимальной для себя выгодой. Именно так мы поступили с претворением в жизнь идеи превращения таксопарка в местный флагман социалистического соревнования: за два года реконструировали карбюраторный, аккумуляторный, агрегатный, моторный и медницкий цеха, ремонтный зал, построили новый цех — шлифовки коленвалов и расточки гильз. Затем принялись за соцкультбыт: построили баню с сауной, душевые, оборудовали вполне комфортабельную комнату отдыха для водителей и класс экономических знаний. Дважды мы занимали третье место в республиканских конкурсах автотранспортных предприятий. Теперь уже к нам приезжали за опытом коллеги из других регионов республики.

В отличие от пустых, хорошая, умная мысль, как правило, в голове долго не задерживается. Посетит ненароком и норовит поскорее уйти по-английски, забыться.

Одной из таких дельных, но постоянно ускользавших от меня мыслей была идея прямого снабжения парка запчастями к автомобилям.

В советские времена право делить и наделять было неотъемлемым правом руководства. Статус каждого руководителя определялся по наличию этого права. Госплан наделял министерства, они, в свою очередь, областные структуры, областники наделяли районы и предприятия.

Наделять было приятно, поскольку эта функция автоматически делала руководителя уважаемым человеком. А поскольку всё — от канцелярских принадлежностей до персональных автомобилей и дорогостоящего оборудования — в эпоху плановой экономики выделялось бесплатно, делить было не только престижно, но и весьма выгодно. Тотальный дефицит вынуждал нас, руководителей предприятий и снабженцев, искать возможности и лазейки, чтобы перехватить кусок побольше и желательнее. Поэтому баньки, сауны, выезды на природу, рыбалка и охота в качестве пьянки в резиновых сапогах, а также приличные подарки и разного рода услуги были распространённой формой деятельности снабженцев. Многие из них обладали настоящим талантом, в своём умении “выбить” дефицит достигали настоящего совершенства.

С республиканским Министерством автомобильного транспорта я наладил прочные (где-то даже порочные) отношения, были и некоторые другие связи и каналы, по которым таксопарк получал дефицитные запчасти и стройматериалы. Разумеется, в столицу мешками уходили колбаса, казы и другие деликатесы, по осени я отправлял туда пару “КамАЗов” отборной картошки. Однажды я увёз в Алма-Ату новенькую “ГАЗ-24”, а назад вернулся с таким же новеньким токарно-сверлильным полуавтоматом.

Со временем оформилась идея наладить прямой канал снабжения таксопарка автозапчастями непосредственно с Горьковского автозавода. И что вы думаете? Получилось. Обошлось это в два мешка обычного ишимского копчёного и вяленого леща, к которому горьковчане проявили живой и неподдельный интерес, почему-то (видимо, по наивности) называя его воблой. Я был тогда немало удивлён: город на Волге стоит, а рыбы с фонарём не найдёшь, большой дефицит. Я налево и направо угощал алчущих заводчан вожделенной ишимской рыбёшкой, уверенно открывавшей мне двери кабинетов среднего управленческого звена, от которого, собственно, и зависело решение проблем целиноградских таксистов.

Возможно, читая эти строки, какой-нибудь бывший работник ОБХСС, член парткомиссии или комитета народного контроля выразит глубокое сожаление на предмет того, что упустили они меня в своё время, проглядели некоторые свойственные моей деятельности предосудительные приёмы и не отправили Булекпаева прямоиком к тем, кого он в своё время охранял, будучи начальником караула колонии строгого режима. А сегодня, за истечением сроков давности совершённых деяний, с меня и взятки гладки.

Думается, выяснять, является ли это взяткой, имеют ли такие поступки признаки состава преступления — всё равно, что искать ответ на вопрос, пьёт ли воду плавающая в ней рыба? Она не пьёт, она в ней живёт. Система плановой экономики в условиях тотального дефицита вынуждала людей действовать подобными, действительно, некорректными

методами. Это было нормальным, обычным явлением. Не я этот порядок придумал, не я апробировал, не я привёл его в систему. Вся страна жила по принципу: хочешь жить, умей вертеться. И я вертелся.

Забегая вперёд, скажу, что такие приёмы, если нужно было добиться решения вопросов, от которых зависело развитие и укрепление предприятий, следовательно, благополучие людей, я использовал и впоследствии. Куда ты денешься с подводной-то лодки?

Но я использовал такие приёмы только тогда, когда этого требовало Дело. Я никогда не применял ничего подобного для достижения личных целей, тем более для личного обогащения.

Сегодня я не могу согласиться с утверждениями, что в новых условиях независимый Казахстан стал коррумпированной страной. Другое дело, что мы остались коррумпированной страной, по-прежнему таковой являемся. Изменились масштабы, увеличились объёмы, но сам принцип не является отличительной чертой нового Казахстана, он достался нам от прежних времён. Как в своё время сказал Президент, не стоит забывать, из какой шинели мы вышли.

Но хватит о грустном.

Разумеется, не решение проблем снабжения парка и строительства было моей основной задачей. Я и строительство затеял лишь потому, что этого требовала модернизация производства, развитие инженерно-технических служб. Этими вопросами я занимался особенно серьёзно.

Приходилось вести и общественную работу. Дважды меня избирали секретарём партийной организации, возглавлял я и комиссию по борьбе с пьянством, которая в условиях таксопарка даже в самые либеральные по отношению к пьянству годы, была далеко не последним органом.

Несмотря на то, что довольно часто многие вопросы приходилось решать “за рюмкой кофе”, сам я никогда не пил и всегда не терпел пьяниц. Если я замечал, что у моего сотрудника склонность к употреблению спиртного переходит допустимые, на мой взгляд, нормы, я от него избавлялся, как правило, путём “выращивания”, то есть выдвигал на вышестоящую должность, но в другой организации. Мне представляется, что это самый удачный метод, поскольку другие обязанности, более высокая ответственность, новый коллектив — всё это даёт человеку шанс избавиться от пагубной привычки. Так оно, кстати, во многих случаях и получалось.

Конечно, я вовсе не был таким добрым дядюшкой, наверняка найдётся немало работавших со мной людей, в чьей памяти я навсегда останусь жёстким, быть может, даже бездушным руководителем. Но и среди моего окружения довольно часто встречались отнюдь не ангелы, разве что падшие. Пьянства, нарушений служебной дисциплины я не прощал никому.

Но бывали и такие, к примеру, случаи.

Автоматизированная мойка машин имеет замкнутый цикл водообращения, вследствие чего постоянно заиливается и примерно раз в год требует капитальной чистки. Делать эту грязную, вонючую работу, разумеется, никто не хотел, тем более, бесплатно, поскольку оплата за неё нигде не была предусмотрена.

Однажды, когда тянуть далее с чисткой мойки было уже нельзя, я под вечер выехал на кургальджинскую трассу к границе города. Дело в том, что без соответствующей путёвки пересекать городскую черту такси не имели права. В нынешнем понимании, конечно, глупость. Но раньше была такая инструкция. И наказание за её нарушение было достаточно суровым,

до увольнения по статье, конечно, не доходило, но лишиться квартальной премии или тринадцатой зарплаты за это можно было легко. Бывало и в автослесари водителей переводили.

Зажиточные и по тем временам очень денежные кургальджинцы, как сейчас называют, “крутые”, просто обожали подкатывать к своим сельским подворьям на городских такси под завистливые взгляды соседей, чем давали таксистам возможность неплохого “левого” заработка. Ради этого многие и рисковали.

Гляжу, летит один мой голубок. Я его огорчил, конечно, забрал путевой лист. За ним — другой, третий...

Утром следующего дня все штрафники понуро встречали меня у конторы: мол, если можешь, прости, начальник.

— Не хотелось бы мне, — говорю, — наказывать вас в официальном порядке. Но и прощать такое я не намерен. А потому — идите мойку чистить.

Они с большой радостью согласились.

Как оказалось, мои штрафники тоже не лыком были шиты. Быстренько рванули на вокзал, подрядили там полдюжины “бичей”, и на другой день мойка блестя не хуже операционной.

Нет, не такими эпизодами сохранился в моей благодарной памяти Целиноградский таксопарк. В дальнейшем я навсегда убедился: где бы ты ни работал, какие бы должности ни занимал, какого бы, даже самого высокого уровня, задачи не решал, главное — это люди. Простые, порой неказистые, иногда привередливые и скандальные, но чаще покладистые, трудолюбивые, честные и добрые — мои дорогие, замечательные акмолинцы. Для них я всегда был готов работать без выходных и отпусков, не спать ночами, спорить с начальством и, пряча глаза, убеждать в обратном жёну, давно считавшую меня потерянным для семьи отцом и мужем.

Человек предполагает, а партком располагает — была в старые времена такая шутивая присказка.

Мои служебные перемещения, партийная и общественная работа, различные поощрения добросовестно фиксировались работниками кадровой службы в моём личном деле и однажды привели к несколько комичной ситуации.

— Что ты мне принёс, — держа в руках мою объективку, в недоумении уставился на заворга один большой партийный начальник, с которым согласовывалось моё новое назначение, — шопер, шопер, шопер... на комсомольской, советской работе не был совсем!

Имелось в виду “шофёр”.

Несмотря на то, что на комсомольской и советской работе я действительно не был, на восемнадцатом году работы в таксопарке я попал в номенклатурный резерв городского комитета партии. Это чувствовалось по тому, что меня неоднократно приглашали в большие партийные кабинеты и предлагали различные номенклатурные должности.

Меня уже неплохо знали в городе, особенно в отрасли, и в частных беседах мне тоже делали различные предложения. Но я и слушать ничего не хотел.

Сегодня я понимаю, что в принципе интерес к моей кандидатуре совершенно объясним: моя биография вполне могла служить хорошей иллюстрацией к теме о гармоничном развитии и возможностях личности в социалистическом

обществе. Ещё бы: вырос из простых водителей, самостоятельно получил два специальных образования, ни родственных, ни джузовых, ни земляческих связей не имел, сам поднимался по крутой служебной лестнице. Прямо хрустальная мечта американского общества равных возможностей.

В ту пору в городе только начали создавать первые станции технического обслуживания для автомобилей “Москвич” и “Жигули”, и второй секретарь горкома партии Алексей Васильевич Тихонский, очень интересный руководитель и симпатичный человек, совсем уж было уговорил меня возглавить одну из них. Когда организационные вопросы моего перевода были решены, он отправил за мной свою машину, чтобы представить новому коллективу в качестве директора. Мысленно простившись с таксопарком, я сел в секретарскую “Волгу”.

Пока ехали к горкому, в моём сознании все минувшие восемнадцать лет как плёнка немого кино прокрутились, и какое-то смутное беспокойство меня охватило, дискомфортом.

Вероятно, это выглядит смешно, но больше всего я переживал из-за предстоящего шахматного турнира.

Я очень люблю эту замечательную древнюю игру. Несколько лет назад я нашёл сподвижников, таких же любителей шахмат, и мы создали в таксопарке что-то вроде “клуба четырёх коней”, кружок любителей шахмат. Стали организовывать сначала свои внутренние соревнования — между цехами, личное первенство, затем вышли на городской и, наконец, на областной уровень, неплохо себя зарекомендовали. Предстоящий турнир был очень престижным, и мы, готовясь, до поздней ночи засиживались за шахматными досками: Синяков, Астафьев, Красноручский, Коваленко и, конечно же, большой энтузиаст шахмат Раиса Петровна Бобрик.

Я тогда уже играл на уровне кандидата в мастера спорта. Я и сейчас в парламенте стабильно вхожу в тройку призёров. Как, думаю, команда без меня обойдётся?

Повернулся к водителю и говорю:

— Притрись к борддюру и остановись. Я выйду, а ты езжай назад, в горком.

— А как же вы? — удивился он.

— Скажи Тихонскому, что дематериализовался я, нет меня в парке, и вообще в природе не я существую. Во всяком случае, ты меня не нашёл.

Так и остался я в таксопарке. Но не надолго.

В 1981 году я закончил институт, и спустя некоторое время меня пригласил начальник областного автоуправления.

Алексей Максимович Шиманский руководитель был сильный и человек предельно конкретный, заседания коллегии обычно проводил жёстко, пустословия на дух не переносил: если говоришь, то только по существу. Он, между прочим, сам таксопарком руководил достаточно долго. И в беседе со мной вокруг да около не ходил.

— Я тут подготовил приказ о твоём назначении начальником АТП-2, время на размышления — до конца рабочего дня. Завтра утром жду.

Оганезов был в отпуске, и я отправился к нему за советом.

— Знаешь, Левон Левонович, — заключил я, — пожалуй, я соглашусь.

На том и порешили. Пожали мы друг другу руки и расстались. Но я ещё долгие годы ощущал, что издали, исподволь наблюдает за мной мой добрый друг, ненавязчиво интересуется моими делами, как бы ненароком помогает когда советом, а когда просто добрым словом.

Так, отдав таксопарку почти половину жизни, пришёл я в новый коллектив, очень, кстати, немаленький: в АТП-2 трудились около шестисот человек. Специфика автобазы заключалась в том, что она обслуживала исключительно торговые предприятия, соответственно, система её деятельности весьма походила на работу таксопарка. Но в период моего прихода в базу коллектив её переживал не самые лучшие времена.

На совещаниях, которые проводил куратор всей торговой сферы региона, зампред облисполкома Иван Афанасьевич Шендрик, руководитель суровый, все стрелки, как правило, переводились на автобазу: виноваты, мол, и в том, что вовремя хлеба не оказалось в магазинах, и в том, что молоко прокисло, и что мясо протухло.

Тогда я переговорил с директором автотехникума Кенже Бекпаевичем Бекпаевым, и он выделил мне группу студентов. Я рассадил ребят по машинам и велел им вести хронометраж рабочего времени: в какое время выехали с автобазы, во сколько прибыли на торговую базу, как долго стояли в очереди на загрузку, сколько перекуривали и опохмелялись грузчики, оформлялись накладные и так далее.

Потери времени оказались колоссальными: не только молоко, водка могла прокиснуть. На очередном совещании у Шендрика я эту статистику выложил. Вопросов не было, и с тех пор руководители торговых предприятий перестали делать из автобазы козла отпущения.

Но и мы не без греха были. В первый же месяц руководства пришлось пойти на крайнюю меру и уволить нескольких нарушителей дисциплины. В советские времена торговля была сферой, в которой даже самый порядочный человек был поставлен в такие условия, в которых он просто не мог действовать в рамках правового поля, так как эта сфера имела собственные законы, нарушать которые не позволялось никому.

Часть моих водителей обслуживали мясокомбинат, другие были закреплены за молокозаводом, маслосырбазой, третьи — за хлебокомбинатом, четвёртые — за винно-водочным заводом и так далее. Как известно, кто что сторожит, тот то и имеет. Кто что возит, тот, понятное дело, тоже это имеет. Усушка, утруска, бой и другие маленькие хитрости приносили водителям не такие уж маленькие дивиденды. По вечерам водители съезжались на базу и устраивали там дружеские сытные застолья с обильными коньячно-водочными возлияниями.

Однажды поздним вечером я нагрянул на базу и обнаружил там реализовавшуюся репродукцию со знаменитого полотна Ильи Репина “Земство обедает”. На другой день с пятью участниками “тайной вечери” пришлось расстаться. Я не против того, чтобы водитель получил от торговых работников за свои услуги кусок колбасы, банку сгущёнки и даже бутылку водки. В условиях тотального дефицита торговые работники грузчиков, сантехников и другие специфические категории обычно только водкой да закуской и стимулировали. Но я всегда был большим противником пьянства, тем более пьянства на производстве и особенно “коллегиального”.

Кстати, после этого драматического случая несколько пожилых водителей пришли ко мне и поблагодарили за то, что я навожу на базе порядок, обещали свою поддержку. По большому счёту, люди там работали отличные.

Разумеется, я продолжил успешное применение испытанных методов и приёмов в части снабжения базы запчастями и другим дефицитным оборудованием. Более того, некоторые приёмы получили дальнейшее творческое развитие.

Однажды, к примеру, произошёл случай, впоследствии получивший в узком круге посвящённых пикантное название “синдром Сергея Медунова”, бывшего всесильного главы Краснодарского края, очень влиятельного партийного функционера и любимца Л. И. Брежнева. Будучи первым секретарём Сочинского горкома партии, да и впоследствии, он усиленно “окучивал” высокопоставленных отдыхающих, завязывая прочные связи. Впрочем, конец его карьеры был весьма драматичным, а к похоронам, говорят, не нашлось даже приличного костюма.

Довелось мне как-то побывать на одном из флагманов советского автомобилестроения — крупном автозаводе. Уже завершив дела, я, утрясая какие-то последние формальности, должен был отметиться у директора автогиганта. Так совпало, что у него как раз был день рождения. Я попросил секретаршу отсрочить на полчаса нашу встречу, поймал такси и попросил водителя:

— Мне срочно нужен приличный подарок для солидного человека. Не мне тебя учить, куда ехать.

— В пределах какой суммы? — спросил тот.

— Рублей за сто, — прикинув остатки наличности, сказал я.

Таксист был дока. Он мигом свёз меня в военторг и посоветовал купить часы “Командирские”, по тем временам, вполне приличный подарок. Часы этой марки действительно очень хорошие.

Через полчаса я жал руку приятно удивлённого руководителя, как впоследствии оказалось, очень интересного и симпатичного человека. На прощанье мы обменялись телефонами.

Спустя пару месяцев он неожиданно позвонил:

— Слушай, Аманжол, у вас, говорят, есть классный курорт — Боровое. Нельзя ли мне там отдохнуть?

— Когда у вас отпуск? — поинтересовался я.

— Послезавтра могу выехать, — порадовал меня директор.

— Приезжайте, ждём, — пригласил я и вызвал к себе двух толковых сотрудников.

— Завтра, — говорю, — двигайте в Боровое, снимите дом на берегу озера, купите барана, заготовьте всё остальное, что в таких случаях требуется, и ждите гостей.

Ребята не подкачали. Я встретил гостя со всем радушием и свойственным нации гостеприимством, доставил его в нашу курортную жемчужину. К вечеру зарезали барана, устроили на берегу небольшой той с бесбармаком, шашлыками и другими соответствующими атрибутами. Не знаю, поправил ли директор автогиганта здоровье на благодатной земле Кокшетау или подорвал его под вековыми боровскими соснами, но автобаза свои дела поправила очень неплохо.

Это, конечно, эпизод. Большей же частью руководить торговой автобазой было делом трудным, беспокойным и неблагодарным. Не раз я говорил себе: а не бросить ли всё к чёртовой матери и не вернуться ли назад в родной таксопарк?!

— Ты только скажи, а чемоданы твои я сам перенесу, — говорил мне в такие моменты Оганезов. Но оба мы прекрасно понимали несерьёзность этого намерения.

От редакции. Сенатор Аманжол Булекпаев продолжает работу над своими воспоминаниями. Когда они будут подготовлены к печати, “Нива” продолжит их публиковать.

Новое имя

Иван САРАЕВ

“Над нами ангел пролетел...”

**Иван
САРАЕВ**

родился 14 февраля 1989 года в г. Кокшетау. Учится в 11-м классе средней школы.

Гарри Гаррисону

Огромные луки за спинами,
Знамёна по ветру свистят...
Кочевники копьями длинными
Проткнули багровый закат.
Несётся орда разноцветная
Свободных, лихих дикарей,
Летят за мечтою заветною
Суровые дети степей.
Вперёд, на просторы широкие!
Давно никого не жаль.
Обветрены лица жестокие,
Наточена сабель сталь.
Темучин уже в предвкушении
Грядущих великих побед.
Они победят в сражении,
Захватят весь белый свет.
За тучами кровь разливается,
Но вождь не заметил знак,
Он славой своей упивается,
Пусть сдохнет от страха враг...
От выкриков устрашающих
И топота тысяч копыт
Трясётся закат пылающий
И тёмная степь дрожит.

Я мечтаю быть там, где дышать мне легко,
Где пасутся стада на цветущем лугу,
Я мечтаю уйти далеко-далеко
И лежать целый день в свежем сена стогу.
Я мечтаю на небо подолгу глядеть,

Как лениво на север плывут облака,
Я хочу вместе с ветром в тайгу улететь
И, взобравшись на кедр,
Смотреть на закат.
Я согласен оборванным странником стать,
Ранним утром исчезнуть в тумане дорог,
Лишь бы можно мне было свободно дышать,
Лишь бы мог я отведать берёзовый сок...
Я, наверно, романтик, таким трудно жить
В грязном городе, в шуме пылящих машин...
Но, наверно, слишком не стоит грустить.
Может быть, я остался такой не один?

Нефть

Пускай вокруг бушуют ураганы,
За веру и за нефть воюют страны.
Над пеплом утром снова встанет солнце,
И место красоте всегда найдётся.
Вы наслаждение ищите в созерцании
Дорожки водной лунного мерцания,
И в шелесте деревьев еле слышном,
В хвосте павлиньем, красочном и пышном.
И в небе, где летят куда-то птицы...
Спокойствие храните как зеницу.
В моих устах звенит капелью лира.
Любите мир, ведь вы — частица мира.

Ангел

Над нами ангел пролетел,
Рассыпав звёздный свет.
В твоих глазах я разглядел
Травы зелёный цвет.
И этот свет, и этот цвет
Меня свели с ума.
Тебя искал я столько лет,
А ты нашлась сама.
Смотри — во тьме, среди огней,
Для нас горит луна...
Дай обниму тебя сильнее,
Ты у меня одна.
Такой, как ты, я не найду,
Иди ко мне, малыш...
Давай зажжём ещё звезду
Над горизонтом крыш.
Светлее станет в темноте,
И светом твоих глаз
Звезда, сияя в темноте,
Навеки свяжет нас.

Лет этак через 50

Чёрно-зелёный огромный джип
Плавно затормозил.
Вышел из джипа какой-то тип,
Старый, почти без сил...
Зашелестели листвой тополя:
“Бегал у нас такой...
Помнит тебя родная земля,
Нынче ты стал большой...”
“Да, это я, — соглашусь легко, —
Здравствуй, родимый край!
Нынче живу далеко-далеко,
Но заглянул... Встречай.
Годы прошли, я вернулся домой,
Сколько я не был тут...
В нашей квартире хозяин другой,
Люди чужие живут.
Тихо пройду по земле родной,
Здесь я когда-то рос.
Пахнет душистой поздней весной,
Запахом диких роз.
Воспоминания захлестнут
Водоворотом грёз
И на усталых глазах блеснут
Капельки чистых слёз.
Старое дерево кроной кивнёт:
“Здравствуй, дружище-малыш,
Может, залезешь в тенистый свод
И на ветвях посидишь?”
Нет, извини, мой могучий клён,
Нынче не те года...
Детство ушло, как прекрасный сон,
И не вернётся сюда.
Солнце лимонное греет двор.
Тихо, красиво тут...
Лихо махая через забор,
Мимо детишки бегут.
Катит коляску усатый отец...
Ба! Я же знаю его!
Лёха. Женился уже. Молодец.
Не узнаёт... Ничего.
Не торопясь до машины дойду,
Сяду за руль опять,
Мощный электромотор заведу,
Видно, пора уезжать...
Брошу последний задумчивый взгляд
На обветшалый подъезд
И, улыбнувшись, поеду назад,
Прочь от знакомых мест”.

Владимир МАНИН

Из цикла “Туристические рассказы”

Дракон Тянь-шаньских гор

Давно замечено, что мужчины стареют гораздо позже женщин. Я имею в виду не по годам и не по внешнему виду, а в душе. Почему это так происходит? Вопрос и про-

стой, и сложный. Мужчины народ изначально несерьёзный. Задача у них простая: убить мамонта там или дракона и накормить до отвала всех, кто под руку попадётся. Женщина же хранительница домашнего очага, а это дело ответственное. Нужно и детей прокормить, воспитать, и мужа возле себя удержать... Тут уж не до шуток.

А у мужиков запросто. Идёт какой-нибудь мужчина с животом и в галстук, навстречу ему “бич” по внешнему виду.

— Витька!

— Петька!

— Пойдём выпьем за встречу.

И это не столько с близкими друзьями, сколько с просто знакомыми.

Моя жена идёт к Марь Ванне, к тёть Дусе. Я же иду к Ваське, Серёге, в крайнем случае к Фёдоричу.

Мужчины много путешествуют. Может быть, всё ещё ищут какого-нибудь мамонта или дракона? Женщины путешествуют раз в сто меньше... после замужества.

В туристических походах и путешествиях можно встретить что угодно. Даже самое невероятное. Я, например, три раза видел НЛО. Причём два раза у меня были свидетели. Но об этом в другой раз.

Моя Галка — чувство юмора на 50 процентов, как в доме, где четверо мужчин, два ружья и шуток не понимали. А ещё друг Серёга и Митрич (а может, Никитич. Зубов у старика не было, представляли нам его невнятно, поэтому мы так и называли: М.Н.О-тич). Да ещё шофёр Коля. Если шофёр, — значит мы ехали. Ехали мы на “газике” вверх по ущелью. Митрич-Никитич всё втолковывал мне про фотоаппарат, которым он-де не умеет пользоваться, потому и дракона не сумел сфотографировать.

Из-за дракона мы тащились в эту глушь и тмутаракань. Мы, конечно, слышали про Лох-несское чудовище. Оно то ли есть, то ли его нет, а может, оно существует, но с перерывами. Митрич говорит, что видел что-то такое у нас на Тянь-Шане в озере с горячими источниками.

— А что ему там не жить: вода тёплая, как в городской квартире, рыба под брюхом плавает. Хватай, ешь, чаем запивай.

Что сразу поверили — не скажу. Да и как поверишь, но решили всё же прокатиться. По крайней мере искупаемся в источниках. Тем более что Серёга загорелся. Он рыбак ещё тот. Раз на наших глазах из речушки в два пальца шириной здорового сома вытащил. Три дня ели. Тут же рыба, можно сказать, варёная. Галку я в расчёт не брал, но она заявила:

— Хочу в горы, там загар.

Не знаю как загар, но сейчас она зубами стучит на ухабах и наверняка ругает всех нехорошими словами. Но не вслух, потому как боится язык прикусить. А без языка ей куда? Он у неё по жизни самый главный орган и инструмент. Учёные выяснили, что у мужчин слабый сдерживающий фактор в потреблении алкоголя. А у женщин его нет совсем в болтовне. Вот когда тетёрка токует, подходи и бери её голыми руками. Так и женщина, когда говорит... Аж глаза закатываются от удовольствия.

Колька-шофёр, тот вообще:

— Мне всё равно куда. Лишь бы от того места, где я сейчас, по-дальше.

Ну а меня пальцем помани, и вот он я — нарисовался.

Такие вот пироги. Короче, едем. Красота кругом. Позади, где-то уже глубоко внизу, Иссык-Куль просвечивает. Вода голубая, небо голубое, а посредине горы белые, вокруг скалы, ели зелёные, впереди колея пробита по руслу ручья. Сель тут прошёл, дорогу снёс. Восстанавливать не стали, только большие валуны в стороны распахали. Так и ездят. И мы едем-трясёмся, молчим как рыбы об лёд, только Митрич мне всё что-то втюхивает. Ему что, у него зуб на зуб не попадает, даже если очень хочется. Потому как зубов во рту четыре с половиной штуки.

Солнышко жарит как в бане. Только что воды нет — парку подбавить. Терпим. Вот, наконец, поворот. Озеро? Да нет, не озеро — озерко. Колька машину остановил, а мы встать не можем — трясёмся по инерции. Потом Митрич-Никитич поднялся наконец. За ним Галка — та сразу за камень, загорать. А ей это надо? Её и так всё время спрашивают:

— Ты загорела или грязная?

По-моему, при такой постановке вопроса ей белеть нужно. А если она негритяжкой стать хочет, так и тут промашка. Пока сама почернеет, волосы побелеют-выгорят. Негров со светлыми волосами природа ещё не выдумала.

Серёга на берег и голову в воду — рыбу смотреть. Вода прозрачная — дно далеко видно. Но не до того берега, примерно до середины озера. На том берегу скалы отвесные к самому берегу подступают, осыпи кругом. А там где осыпей и скал нет, кустарничек понемногу и травка уютная — так и тянет полежать. Выше по склонам ели тьяньшаньские мелкими группами. Ель эта — такая штука, я готов каждый год в горы ездить, чтоб только на неё взглянуть.

Короче, красота кругом. Колька сигареты достал. Не потому что курить хочется. А от волнения, ощущения и осознания.

Митричу-Никитичу красота до лампочки. Привык он к ней. Если человек к чему-то привыкает, то вроде бы и не замечает. Но это пока у него перед глазами. А увези Никитича от этих гор, он ползком с самого края света приползёт, даром что зубов нет.

Между тем упёрся наш старикан туда, где трава и кусты. Гуляет, на солнышко поглядывает, потом рубаху и штаны скинул и прямо в семейных трусах в воду сиганул.

— Ты что, Никитич, а дракон! — кричу я.

— А у него расписание, он в это время некусучий, — смеётся Митрич одним зубом.

— Да нету тут никакого дракона, — сделал вывод Колька и тоже в воду.

Серёга между тем снасти готовит, хоть и рыбы не видно. Я решил от купания пока отказаться. Не то чтоб в дракона поверил, так, на всякий случай. Купаться можно и внизу в Иссык-Куле. Там и пляж теплее и полезнее. Об этом даже в газетах писали. Да и лентяй я по натуре. Но лентяй умный, знаю где можно, где нельзя.

Был у меня в школе один знакомый. Все думали, что он лентяй, он же просто дураком оказался. Из тех, что уже и вылечить нельзя. Об этом узнали только после школы, но было уже поздно, он на руководящей работе оказался.

Вот Серёге таких работ не надо. Не любит он руками водить, тем более попусту. Ему бы удочку в руки или в крайнем случае подушку под голову — и в тенёк. Колька выкупался — и на валун, к солнышку поближе.

Короче, все делом заняты. Митрич с Серёгой купаются. Серёга потому, что рыбы нет, Колька на камне дрыхнет, Галка на гальке крутится — это она по науке загорает, чтобы загар ровный был. Я же по ягоду намылился. Очень в этих местах клубника вкусная и крупная. От камня к камушку, от полянки к полянке поднялся я по склону метров на сто и наткнулся на такой кустик, что и застрял на нём надолго. Озеро отсюда как на ладони. Я ещё немного поудивлялся, почему водорослей нет и присутствия горячих источников не видно. Хотя при чём источники?

Тут и началось. От Серёги метрах в двух как булькнет! Солидный такой пузырь, что тебе цистерна. Я-то даже испугаться не успел, а приятель этот, Серёжа, как подпрыгнет чуть ли не на метр и почти на карачках по воде с воплями к берегу, аж вода закипела. И после Серёжиного плеска и воплей мёртвая такая тишина секунд двадцать стояла. Потом дед (и когда успел штаны натянуть) по берегу забегал взад-вперёд и кричит таким фальцетом:

— Вот он дракон! Нешто я вам не говорил!

Со специфическим таким старорусским выговором кричит, но до того понятно, что мне даже стукнуть его захотелось. Мог бы Серёгу заранее из воды выгнать, а теперь, может, у парня и штаны уже грязные. Но тут из-за камня такой визг раздался, уши не затыкай — бесполезно, потому как в ультразвук переходит где-то на самой главной ноте. И по кустам такой движительный ручеёк побежал вверх по склону. Да быстро так. Я сразу-то и не сообразил, что это Галка на четвереньках. Ну и валун сдвинулся — это Вовка с него спрыгнул.

Из-за всего этого я и самый главный момент почти упустил, когда чудище из воды показалось. А когда глянул! О-го-го! Стоит этакая зелёная образаина возле самой скалы, пасть разевает и свистит, что тебе транссибирский экспресс. Вот-вот на кого-нибудь кинется. Картинка страшная, но для меня безопасная как кино, потому как я дальше всех от места событий. Да и чудище, судя по размерам, больше одного-двух человек зараз не сожрёт.

По идее, я должен был вроде бы Галку спасать, но её теперь ещё найти надо в кустарнике. А потом — ежели дракон её первым найдёт, то я ему не завидую.

Серёга на отвесную скалу залез, прямо через заросли жигиды. Весь в колючках, но живой и жизнью довольный. Колька на траве сидит, врубиться не может. То ли будильник звенит, то ли трамвай кошку переехал. Что Митрича касается, то он уши руками закрыл, но не от драконова свиста, а от Галкиного визга (вот я тупой — её же по звуку искать надо!), и как от зубной боли головой мотает.

А озеро так и булькает, а дракон башкой мотает и свистит как чайник на керогазе. Жрать, наверно, хочет? Куда там! Наших “Ванькой” звали! Тут он явно пролетел, даже Колька незаметно так боком-боком, но куда уполз в укромное место.

Минут пять дракон дёргался — не больше. Потом скромно так — нырк и... Кончен бал, сдавайте билеты. Всё!

Я к Митричу.

— Да, дед, показал ты нам цирк с акробатическими номерами. Спасибо тебе от всей общественности. Только где я теперь жену искать буду? Небось где-нибудь уже в Балыкчи. Пожарную команду на ноги поднимает и милицию, за мужа невинно съеденного мстить.

— А почему пожарную? — не понял Никитич.

— Так Кольку же снимать!

Колька на неприступной скале был похож на отца Фёдора из “Двенадцати стульев”, только голый и без колбасы.

Мне-то что, подумаешь — дракон. Я сам как-то два часа купальщиков пугал, когда у меня на пляже одежду упёрли. С другой стороны, дракон всё же явление неординарное, хотя и не настолько опасное, как моя Галка. Так что сначала она, а всё остальное потом. А иначе нам удачи не видать.

— Спокойно, — говорит Митрич-Никитич и показывает рукой на утёс. А там “атланты держат небо” — Серёга, Колька и моя Галка. Живописная такая группа, хоть в музей дружбы народов.

И снимали мы их оттуда с помощью верёвок, личной храбрости, мужества и какой-то матери. Слава богу, хоть без пожарных обошлось.

На этом история как бы подходит к концу. Но, как говорил Козьма Прутков: “Если вернувшись поздно домой вы по ошибке выпили проявитель, то выпейте и закрепитель, иначе дело не будет доведено до конца”.

Говорят, от великого до смешного один шаг. Согласен. Но если с другой стороны посмотреть, то и от смешного до великого шаг всего. Это значит, что смех великая сила, как и другие положительные эмоции. Только вот понятие об этих эмоциях у Митрича весьма своеобразное. Чудище — всего лишь его маленькая шутка. На озере действительно выход термальных вод и газов.

Митрич склеил морду из старых автомобильных камер, клапан приспособил, гудок приделал и пугал изредка нашего брата-туриста за наши же деньги.

Отомстили мы ему по-русски: напоили водкой до полного отрубона, а похмелиться не дали.

Да без таких шутников в жизни скучновато, но кое-кто из нашей команды всю неделю заикался и вздрагивал, услышав тепловозный гудок. Галку теперь из дому калачом не выманишь и загорасть она перестала.

А мы... Пусть покажут, где дракон живёт, и тогда мы снова...

“Гарем”, или “Белое солнце пустыни”

(Документальный рассказ. Все совпадения с реальными событиями и лицами случайны)

Кино это на “Узбекфильме” снимали. Сначала. Откуда знаю? Сами там были вчетвером. Помните, бандит с ведром за борт летит? Это я. А тот, которого Спартак Мишулин ножом убил, — Сергей Хорошко. Подпоручика сначала Сергей Горбач играл, но его Луспекаев неудачно из окна выбросил ещё в начале съёмок. Тот, который горел и орал — Витёк Майский.

Мы тогда совершали велосипедный поход по Средней Азии. В этом самом Сиджаке нас затащил ночевать в сад киностудии “Узбекфильм” наш шеф — бывалый велотурист и житель Ташкента Адольф Алексеевич Онучин. Ни о чём особом мы даже не думали. Но приключения в путешествиях часто и возникают из ничего. Вечерком сидим под деревом, лопаем свежесваренный компот из местных яблок. Лопаем груши и грецкие орехи, которых вокруг много валяется, думаем, как нам завтра побольше километров отмотать.

Подходит к нам узбек. Представляется.

— Всё, — говорит, — я режиссёр. Мы тут недалеко фильм снимаем. Про басмачей. “Гарем” называется, название условное. У нас массовки не хватает. Уж очень вы, ребята-туристы, на басмачей похожи.

Намёк тонкий, но знал ведь чем взять. Кто же откажется в кино сняться? Пусть даже басмачом. Адольф, правда, отказался. Ну у него натура тонкая, да и, видно, в местном кино лучше нас разбирался, а вот Жуков загорелся:

— А чо, давай задержимся на денёк. Интересное кино получается. Только мы больше на красноармейцев похожи.

— Хорошо, — говорит режиссёр, — вы красноармейцы, завтра вас басмачи атаковать будут. В конном строю. Живыми в плен лучше не сдаваться.

Пошутил вроде. Это мы потом узнали, что узбеки не шутят. Утром довели нас на автобусе до первых барханов. Час езды. А там окопы жиденькие уже накопаны и пусто кругом.

— А чо это басмачи нас атаковать будут? — спрашивает Жуков режиссёра.

— У вас гарем Абдуллы за барханом.

— Красивый гарем? — поинтересовался Витёк Майский.

— Это как сказать. Но честный.

— В смысле, Абдулле не изменяет, — это уже Хорошко. Он у нас семьянин.

— В смысле, ничего у Абдуллы не украл.

— Так чего ж он?

— Абдулла думает, что гарем ему изменил.

— С кем?

— Да хотя бы вот с ним, — режиссёр кивнул на Хорошку.

Тот побледнел и говорит:

— Неправда ваша, я тоже честный семьянин.

— Вот басмачам и объясни.

Переоделись, залегли, засвистели пули — головы не поднять. Мы отстреливаться, а патроны-то холостые! Спереди пластуны, ну тех мы вроде частой стрельбой напугали. Но откуда ни возмись налетают конники. Злые, страшные. Если б не знал, что кино, совсем бы испугался. Орут что-то азиатское, стреляют на скаку. Ряды наши редуют. Нам бы тоже упасть да притвориться мёртвыми. Но ведь приказа умирать не было! Отстреливаемся до последнего патрона. А басмачи давай нас шашками рубить. Шашки деревянные — больно! Потом стали в плен брать. Тоже не сахар. А уж бьют, чую, совсем натурально и даже с каким-то удовольствием. Майский с первого удара прикладом в сторону откатился и там притих. Жуков орать начал. Да, видать, что-то не то. Главный бандит его за грудки взял, в пах коленом врезал и рычит:

— Сейчас ты умрёшь как подлый шакал! — а потом потихоньку: — Кричи погромче: “Да здравствует Советская власть!”.

Жуков и заорал. А главный:

— Да что такое Советская власть?

— Это коммунизм плюс электрификация всей страны!

Все тут и сели. Режиссёр чуть из люльки не выпал. Он вместе с оператором над нами висел. Я Серёгу в бок пихаю:

— Ты что, обалдел?

— А что? Я им сейчас и про ГОЭЛРО расскажу. Пусть знают, как умирают настоящие коммунисты.

— Ты, что ли, коммунист?

— И ты станешь, если тебе так врежут.

Во в роль вошёл! Режиссёр хоть за живот держится, но пальцами двигает. Спокойно, мол, снимаю.

Тут ещё один смуглолицый с носовым платком на голове вместо шапки подскочил, да как врежет нашему Жукову от души, явно не понарошку.

— Курбаши, дай я этому краснопёрому всё лишнее отрежу!

— Ничего лишнего у меня нету, — отвечает Серёга с достоинством и честью.

Уж очень, видно, ему роль нравилась.

— Ладно, тогда отрежем только то, что болтается, — говорит курбаши, — а пока привяжите его к дереву, займёмся другими неверными.

Потащили Жукова в пустыню дерево искать. Главный к Хорошке, того тоже крепко держали.

— Эй ты, говори, где гарем!

Хорошко сразу во всём признался. Повёл за бархан (говорили же ему: не ходи) . А там ни гарема, ни фи́га. Обманул режиссёр. Отметелили и Хорошку. Повели ещё одно дерево искать. И ко мне.

— Жить хочешь?

— Ясный блин!

— В банду пойдёшь?

— Отчего не пойти.

Смотрю, вроде загрустил режиссёр. Видно, ему по сценарию патриоты-революционеры больше нужны. Но жизнь-то свои коррективы вносит, да и камеру он не остановил.

— А кем пойдёшь?

— Желательно атаманом. Но пока должность не освободится, могу быть поваром.

Режиссёр за голову взялся.

— В зиндан его? — спрашивает замначальника банды неуверенно.

— В зиндане плов невкусный получится. Там дерьмо в казан попасть может ... Ладно, этого пока в сторону. Теперь давайте того бить, который мёртвым притворяется.

Витька молотили, пока плёнка не кончилась. Потом режиссёр подошёл к нам и говорит:

— В принципе, всё неплохо, даже лучше, чем я ожидал. Особенно оригинальна сцена с предателем, но последний эпизод надо переснять.

Витёк аж побледнел.

— Ни за что! Лучше я застрелюсь. Где верёвка?

— Мы лучше басмачей играть будем, — сказал Хорошко.

— Ладно, — согласился режиссёр.

Следующую сцену снимали, как красные взяли в плен четверых басмачей.

Правда, все эти эпизоды в фильм почему-то не вошли, но в архиве наверняка сохранились. Но наши небольшие роли зрителю, думаю, запомнились. Особенно удачной мне кажется роль бандита с ведром. Там, кстати, был всего один дубль. Потому что когда Верецагин в меня из нагана выстрелил, мне кто-то по заднице доской заехал, а потом другой доской по роже. Точнее, по лицу, рожей оно уже после доски стало. Я и финал с цистерной не доиграл, меня, когда убивали, палкой по ногам для полного эффекта. После этого меня в больницу увезли. На излечение. Жуков тоже со мной уехал. Его и не видно совсем в массовке. А у Верецагина он удачнее того подпоручика из окна вылетел. Он вообще с семейным портретом Луспекаева вылетел и со ставнями. Они-то его и накрыли. Да и то бы ничего. Но он, дурак, высунул из-под ставен сначала портрет. Лошадь к нему поближе наклоняется — усы рассмотреть — не трава ли? Жуков голову свою в офицерской фуражке достаёт и так проникновенно говорит лошади, что гранаты у него не той системы. Ну кто поверит, что ей это интересно? Эх, мало знает Жуков жизнь животных. Он по жизни велосипеда конструирует. Пытался даже за рубеж продать. Ватикану. Те отказались — у них и разогнаться-то негде. Но в одном эпизоде Жуков всё же поучаствовал. Помните, Петруха говорит: “Приоткрой личико, Гульчetaй”. Это он голосом Жукова говорит. У самого-то актёра неубедительно получалось, без темперамента. А у Жукова! А!

— Приоткрой личико, Гульчetaй!

Так и хочется не только личико приоткрыть. Думаете, это Сухов вошёл, когда весь гарем юбки поднял? Нет, это Жуков дверью ошибся, Сухова уже потом вмонтировали.

Теперь о Хорошко. Ему больше повезло. Хороший эпизод. Цельный. Красивый. В фильм вошёл во всей красе. И есть что вспомнить. Много эпизодов отсняли. Лучший и отобрали. Почему много дублей? Загонял Спартак Мишулина наш Хорошко. Тот нож кидает, а этот уворачивается. С любого расстояния. И так много раз. Пришлось эпизод на части разбить. Таки попал Спартак в Хорошку. Нож в Хорошке закрепили и отдельно снимали, как он падает. Тут тоже технический трюк. За верёвку его падали, сам никак не хотел.

С Майским Витьком вообще пустяк. Его подожгли, он и заорал. Убедительно так, с огоньком. Так с первого раза и вошёл в историю. Там ещё есть момент, когда его Верещагин бьёт. Но к концу фильма Витька по роже уже узнать трудно.

Да, чуть не забыл, Жукову дважды не повезло. Ему, пока он с лошадью не поговорил, хотели роль Петрухи отдать (тому тоже немало тумачков доставалось). Но не отдали. Взяли профессионала. А всё из-за чего? Они там, гады, настоящий самогон пили. Для натуральности, чтоб рожи красные были и глаза бешеные. Так у Жукова до натуральных съёмок дело не доходило. Он всегда за пять минут так надирался, что с ассистенток начинал брюки рвать. И кричал при этом:

— Приоткрой личико, Гульчетай! Приоткрой личико!

Я считаю, что нам повезло. Повезло дважды. И что в кино мы снялись, и что фильм другой киностудии и другому режиссёру отдали. Тот, первый, больше любил, как красные пленных басмачей бьют или басмачи пленных красных. Очень натурально у него эти сцены получались в нашем исполнении. И ведь даже главные роли предлагали:

— Суховым будешь. В плен будем часто брать, две серии сделаем. Хороша и роль Саида... Ездить на коне не будешь. Будешь на песке сидеть. Мы тебя мочить будем. Пустыня — вода дефицит.

Несколько эпизодов для Майского и Жукова.

— Знаменитые артисты вас бить будут. Сухов — раз, Абдулла — два, Верещагин — три. Да мало ли там народу.

Недавно по телефону нам звонил. Они “Али-Бабу и сорок разбойников” переснимают. Роль брата Али-Бабы вакантная. Никто из наших не согласился, а то бы после съёмок на инвалидность.

Насчёт гарема? Тут не кино — тут жисть. Жуков Гульчетай никому не уступил. И личиком она не отделалась. Хорошке старшая сестра намекала:

— Пойдём в кустарник.

Не пошёл Жуков. Он и со своей-то женой в кустарник не ходит.

Витёк? Откатываться в сторону он умеет. Так что не знаю, не знаю... Я? Да что всё обо мне да обо мне, давайте я вам расскажу другую историю.

Темиртау — Ташкент — Брич-Мулла.

2004-2007 гг.

Альберт УСТИНОВ

Казахи и русские: эпоха Кунаева

(Окончание. Начало в № 4 за 2007 год)

В течение четырнадцати лет (1968-1982) я работал заместителем заведующего отделом культуры ЦК Компартии Казахстана и могу в какой-то мере судить по теме: Кунаев и сфера культуры, хотя мои личные наблюдения опосредованы двумя иерархическими ступенями, отделяющими меня от него как от первого лица: заведующим отделом и секретарём по идеологии (куратором отдела).

Приступая к деликатной теме партийного руководства сферой культуры, а тем более, национальной культуры, а ещё более того, в республике многонациональной, надо иметь в виду сложившийся в партийно-советской государственной системе тонкий номенклатурный механизм построения интернациональных “вертикалей” власти, призванных предупредить появление различных “национальных уклонов”. Первыми секретарями ЦК, как уже отмечено, в Казахстане были, в основном, русские. Значит, вторыми — казахи. Если первый — казах, то вторым — русский. Секретарями по пропаганде (идеологии) во всех национальных республиках, как правило, избирались представители коренной национальности. Следовательно, при нём заведующий отделом пропаганды должен быть русским. Другие, “отраслевые”, отделы (наука, учебные заведения, здравоохранение, культпросвет и др., курируемые секретарём по пропаганде) могли возглавляться любыми “неграми”. А вот вертикаль пропаганды (идеологии) обязательно имела русскую (надо прямо называть, московскую, напрямую связанную с центром) “составляющую”. Так что идеологические решения проходили только через “интернациональную” цепочку кадров.

Очень интересный факт истории КПСС: до 1969 года вопросы творческих союзов и организаций, вопросы политики партии в области литературы и искусства решались только в одном структурном подразделении партии — Отделе культуры ЦК КПСС. Во всех союзных и автономных республиках все эти вопросы сосредоточивались в малозаметных (безгласных) секторах отделов пропаганды или вовсе курировались лишь инструкторами. То есть любое значительное принципиальное решение в этой области, даже если оно касалось, скажем, сугубо национальных проблем (а в искусстве, литературе на национальном языке других и не бывает), принималось наверху. Многие ошибочные, даже вредные для развития национальных культур оценки и решения имели место лишь в силу этой чрезмерной централизации. В Казахстане, например, жертвами политики, когда не учитываются местные национальные оценки, стали видные литераторы Ахмет Байтурсинов, Магжан Жумабаев, Жусупбек Аймаутов.

И вот настал момент, когда формула “национальное по форме, социалистическое по содержанию искусство” обнаружила в своей основе

внутреннюю противоречивость: форма и содержание в искусстве не находятся в отношениях сосуда и его содержимого, которое можно по желанию заменять. Да и просто количественный и качественный рост культуры союзных и автономных республик подвигнул “партстроителей” пойти на первый шаг децентрализации одной из идеологических сфер. Создание отделов культуры в ЦК союзных республик и некоторых обкомах — не некая рутинная внутриаппаратная “перестройка”; по большому счёту, это создание центров принятия решений для национальных культурных автономий. И хотя “вожки” окончательно не были отпущены, национальные культуры стали чувствовать себя более самостоятельно.

Создание вертикальной цепочки кадров при формировании отдела культуры должно было бы идти по тому же неписаному номенклатурному правилу с чередованием русских и нерусских фамилий. По умолчанию, ни у кого не возникало сомнения, что заведующим отделом культуры национальной республики должен быть носитель культуры титульной нации. Но тогда возникает впервые на идеологической ниве мононациональная цепочка: первый секретарь — секретарь по идеологии — зав. отделом. И только на четвёртой ступеньке (зам. зав. отделом) она прерывается. Эта ступенька практически не влияет на выработку и принятие решений; здесь, в основном, занимаются подготовкой справок и оформлением свыше принятых решений.

Я, только что закончивший Академию общественных наук, получил от только что назначенного заведующим только что образованного отдела культуры предложение возглавить сектор кинематографии (пятую ступеньку в обсуждаемой нами иерархической вертикали, а четвёртую, как сказал мне М. И. Исиналиев, зав. отделом, займёт Ануар Алимжанов, казахский писатель, пишущий на русском языке, в то время работавший собкором “Литературной газеты”). Поднаторевший уже в неписаной номенклатурной “грамоте”, я, конечно, подумал: вроде бы происходит “национальный перебор”, но обсуждать вслух это было мне “не с руки”, поскольку “узун-кулак” (“длинное ухо”) настойчиво прочил на это место мою кандидатуру. Я изобразил удивлённую радость, что буду работать со своим старым другом, и уехал в командировку в Чимкент.

Опять в командировке, в дальнем районе я узнаю новость, касающуюся меня лично, и опять с невольным “вмешательством” Д. А. Кунаева в мою карьеру. На заседании бюро ЦК при утверждении кандидатуры А. Алимжанова естественно возник тот самый “интернациональный вопрос”. Передавали после, что на сей раз “шуточка” Кунаева в адрес “идеологов” была более язвительной, чем всегда. (“Они что, не понимают нашей кадровой политики? Или их “интернационализм” кончается сразу, как они выходят из спален своих русских жён?”). Вернулся я из командировки уже заместителем заведующего отделом, на ту самую четвёртую ступеньку...

Ничего не могу сказать о художественном вкусе Димаша Ахмедовича, его эстетических пристрастиях. В этих вопросах он был, казалось, “ровнее”, чем всегда. Всем артистам ровно аплодировал, не комментировал посещённые выставки, просмотренные кинофильмы, никто не знал, какие книги он читал, какие знал в пересказе референтов. В докладах и выступлениях ограничивался обоймой мёртвых и живых классиков. А вот встречаться с деятелями искусства и литературы любил! Всех гастролёров принимал радушно. Я был почти на всех таких встречах и не переставал удивляться. Наш всегда сдержанно-суховатый, хотя и с деликатно-вежливой улыбкой,

со всеми ровный лидер вдруг преображался. Он становился ещё выше ростом, хотя и так возвышался над всеми. Сиял! Буквально сиял радушием. А как говорил! Словно акын пел песню о Казахстане, особенно о “таблице Менделеева” в его подземных кладовых. Тут он был на своём геологическом коньке! Всех именитых гостей он называл по имени-отчеству (знал или запомнил перед встречей?). М. Царёв, М. Жаров, Е. Гоголева, А. Степанова и другие “старики”, воодушевлённые искренним радушием хозяина, непроизвольно включали свой профессиональный эмоциональный форсаж, не отставали и молодые в ту пору М. Ульянов, Ю. Борисова, В. Лановой, Э. Быстрицкая, и эти рутинно-протокольные визиты вежливости московских гастролёров к первому лицу превращались в надолго запоминающиеся искромётные импровизированные спектакли во славу дружбы народов.

При прощаниях ему трудно было отбиться от желающих выразить личный восторг “такому большому человеку”, “такому мудрому”, “такому обаятельному” и т. д. После одной из встреч мой непосредственный шеф, зав. отделом М. И. Исиналиев передал мне замечание Димаша Ахмедовича, мол, в помещении ЦК не принято целовать ручки у дам. “Почему?” — “Да как-то так”. Я стал припоминать, где я мог совершить такое “грехопадение”, и вспомнил, что именно таким манером простился с Элиной Быстрицкой. “Стоп!” — мысленно остановил я себя, ясно припомнив обстоятельства этого “предосудительного поступка”: дело-то было уже за дверью кабинета, в приёмной, и Димаш Ахмедович никак этого видеть не мог. “Ладно, в бутылку не полез”, — решил я. Эту мелкую “соринку” в памяти я оставляю на странице как штрих околкунаевского окружения. И всё! Больше — ни слова! Сору и так наносит к каждому памятнику...

Но так раскрепощался Димаш Ахмедович только с гостями. Со своими “корифеями” он был сдержанно-радушен. Здесь ему приходилось проявлять чудеса дипломатичности, чтобы невзначай даже интонацией голоса не выказать чуть больше нежности, скажем, Розе Джамановой, чем Розе Баглановой, задержать чуть дольше рукопожатие с Сабуром Мамбеевым, чем с Канафией Тельжановым, или, не дай бог, в перечислении “обоймы” писательских имён забыть хотя бы одно из трёх “Му”: Габита Мусрепова, Сабита Муканова, Габидена Мустафина.

Отойдя на расстояние от “кунаевской эпохи” и рассматривая лишь её культурную грань в связи с обликом самого Кунаева, начинаешь только сейчас осознавать, как много сделал этот человек для своего казахского народа именно в этой сфере, к которой он, геолог, как бы профессионально непричастен. Конечно, работала система, составлялись и выполнялись планы, подсчитывались балансы сдержек и поощрений; в определённое русло сводилась идейно-тематическая направленность издательских проспектов и репертуара. Наверное, и без Кунаева так же работали бы театры, писались те же книги, картины, появлялись новые таланты, так же текла бы культурная жизнь республики, режиссёрским пультом которой служил наш отдел культуры ЦК с “приводными ремнями” — Министерством культуры, Госкино и творческими союзами. Но без Кунаева не было бы тех “боев местного значения” на некоторых участках культурного фронта, к которым вдруг привлекалось внимание “верховного главнокомандующего”, а высокое внимание, разумеется, придавало тем “боям” стратегический характер, что приводило к заметным победам казахского национального искусства.

Достаточно вспомнить рождение кинокартины “Кыз-Жибек” на Казах-фильме. Наверное, по объёму внимания всей республики, напряжению СМИ, количеству постановлений Совмина по дополнительному финансированию киностудии для этой конкретной производственно-творческой единицы, создание этого фильма можно сравнить разве что со строительством Турксиба или Казахстанской Магнитки. Фильм не был шедевром киноискусства; не привлёк он внимание и союзного проката, но он как бы для этого и не проектировался. Он с самого начала предназначался для своего казахского зрителя, хорошо знакомого с народным эпическим сказанием о шёлковой девушке (кыз-жибек). Фокус кинокамеры искал не сказку; фольклорные персонажи и обстоятельства на экране превращались в историческую реальность; вся этнографическая роскошь костюмов, убранства юрт, пиршеств, состязаний и увеселений представили перед зрителем, не имевшим до того зрительных образов своего прошлого, претензию на документ. Явление в искусстве не новое. Ему есть название: идеализация истории. Чаще всего это явление проявляется у народов, чья национальная история недостаточно прояснена. Искусство “забегает вперёд”, восполняя пробелы исторической науки, и являет потомкам дела и образы предков в идеализированном виде. В Казахстане бум идеализации пришёлся на 60-70-е годы прошлого столетия, когда в зрелый творческий возраст вошла подросшая казахская интеллигенция, а всё национальное общество, поднявшись на несколько общеобразовательных ступенек, породило спрос на поиск своих духовных корней. Вслед за “Кыз-Жибек” такой же этнографическо-политический бум вызвал и фильм “Кулагер”, в основе которого ещё одно любимое народом эпическое сказание о легендарном скакуне. Одно за другим стали выходить литературно-художественные произведения на исторические темы, достоверность которых реальной действительности невозможно было ни подтвердить, ни опровергнуть. Особой популярностью пользовалась трилогия Ильёса Есенберлина “Кочевники”, в которой представлены идеализированные образы ханов Абулхаира и Кенесары.

Отдел культуры ЦК обязан был блюсти идейную чистоту литературы и искусства. В наших докладах и записках для бюро ЦК анализировались эти процессы, на их основе принимались постановления или вносились соответствующие тезисы в доклады и выступления членов бюро, в том числе и Д. А. Кунаева. Но! Наша идеологическая борьба с идеализацией истории в литературе и искусстве не шла дальше этих формулировок, тезисов, призывов больше внимания уделять образам современников. Какие-либо санкции по этим мотивам могли рассматриваться чуть ли не как политические репрессии: исключение авторов и названий из темпланов и репертуара. Но такие санкции к тому времени, скажем так, “вышли из моды”. И наша борьба с “идеализацией” походила на увещевания повара из басни Крылова: “а Васька слушает, да ест”.

Вообще появление в структуре аппаратов ЦК партий союзных республик отделов культуры внесло в идеологическую работу новый существенный элемент: изменился характер разговора партии с творческой интеллигенцией. С ней партия стала говорить на её языке. До этого, когда вопросы литературы и искусства замыкались на отделе пропаганды, преобладал тон жёстких классовых оценок, сквозило нежелание и неумение разбираться в нюансах художественной ткани, что приводило к драматическим, а порой и трагическим конфликтам. Я легко представляю, как

решался бы в отделе пропаганды вопрос о включении в тематический план издательства романа И. Есенберлина “Хан Кене”. Что, прославлять этого эксплуататора трудового народа? Этого жестокого властителя? Нет и нет! И с “чистой совестью” не дали бы ему появиться на свет. Нам же важно было, чтобы рядом с “Ханом Кене” появлялись “Кровь и пот” А. Нурпеисова, “Буран” Т. Ахтанова, чтобы ажиотаж вокруг “Кыз-Жибек” и “Кулагера” сглаживался и затмевался всесоюзной славой “Конца атамана” Ш. Айманова. И эта состязательность разных тематических направлений в литературе и искусстве сама собой упразднила постыдную практику приклеивания ярлыков и отбивала желание переходить на прокурорский тон.

Я касаюсь сейчас одной из самых тонких и самых чувствительно-больных нервных ниточек в системе руководства партии сложными идейно-художественными процессами. Узкий охранительно-запретительный взгляд на сложные явления “легко и просто” расправлялся с новшеством: не пускал его. И, надо сказать, такая запретительная тенденция была сильна. Она опиралась не только на революционно-максималистские традиции, но и просто на примитивно-обывательскую психологию перестраховщика: сказать “нет” при малейшем сомнении “умнее”, чем сказать “да”. После “нет” ничего нет, никаких последствий, а после “да” что-то рождается, что-то будет жить, за что надо нести ответственность. И, конечно же, все понимали, что главное “да” в Казахстане исходит от Димаша Ахмедовича. Ему не надо было разбираться в профессиональных нюансах каждого вида искусства, отличать тонкости авторских стилей. Ему лично нужно было только, чтобы республика жила полнокровной жизнью и чтобы поднималось искусство родного народа. “Что ты мне хвастаешься русским или еврейским мальчиком-скрипачом. Я их в Москве и Ленинграде видел немало. Ты мне подготовь казашонка, чтобы он победил на международном конкурсе”, — такие слова слышал от Д. А. Кунаева в приватной беседе заместитель министра культуры республики Исаак Иванович Попов. Как понимать такое высказывание? Национальное предпочтение на самом высоком уровне? Тот самый “казахский национализм”? Передавая мне эти высказывания, зам. министра, юрист по базовому образованию, развивал мысль о некоторых правовых опасностях, которые возникают, если руководствоваться принципом “Мы с вами не в Рязанской губернии”. Он показывал мне письмо от русской матери из Усть-Каменогорска, которая жаловалась, что её дочь не приняли в эстрадно-цирковую студию по причине славянской внешности (набирали только казашек). Как объяснить автору письма, что своих эстрадно-цирковых училищ в республике не было, и наши таланты обучались этому искусству в Свердловске и Новосибирске, а эта самая студия была создана по личному указанию Д. А. Кунаева для возникшего казахского эстрадного ансамбля “Гульдер”, после прославившего республику своим искусством? Что делать, если в “Гульдере” нужны танцовщицы азиатской внешности? Появление “Гульдера” явило миру ещё одну потенциальную казахскую национальную красоту, которую как бы извлёк из небытия Димаш Ахмедович с помощью талантливого хореографа Гульжихан Галиевой, помогая ей действенными мерами, в том числе и такими, о которых мы рассуждали с И. И. Поповым. В этом смысле он действительно выращивал цветы (“Гульдер” — цветы).

Подобно тому, как шёл отбор и направление на учёбу в крупные промышленные центры сталеваров-казахов, с такой же настойчивостью и

под неусыпным вниманием Первого отбирались и направлялись на учёбу в культурные центры Союза таланты из народа. Не было в Казахстане своего цирка. Пока строилось в Алма-Ате красивое его здание, в Москве была подготовлена труппа со своей оригинальной национальной программой. Большинство казахских живописцев, скульпторов, графиков дал Казахстану Ленинград. Эпоха Кунаева — это время, когда стало возможно говорить о **казахском** изобразительном искусстве (на выставках стало много казахских имён; до этого были единицы). Заговорили о молодых казахских режиссёрах; до этого их вообще не было.

Поистине как отец нации Димаш Ахмедович **давал имена** своим талантливым сыновьям и дочерям. И очень любил их. До слёз умиления. Я сам не раз видел, как он украдкой смахивал слезу, слушая, например, “итальянский” тенор Алибека Днишева или любуясь только что рождённой звездой всесоюзной эстрады Розой Рымбаевой. Тут важно подчеркнуть, что его волновало не само по себе появление в искусстве новых казахских имён, а, так сказать, “сертификат качества” своих родных “казашат”. Причём такая открытая позиция первого руководителя многонациональной республики, такое явное предпочтение казахским национальным приоритетам никого не шокировали. Быть естественным в таких деликатных национальных предпочтениях ему позволяла такая же естественная интернациональная позиция по отношению к другим. Его нельзя было упрекнуть в ущемлении интересов других. Он лично контролировал строительство нового здания для старейшего русского академического театра драмы в Алма-Ате, он способствовал переводу в столицу корейского (из Кызыл-Орды), созданию немецкого (в Темиртау) музыкально-драматических театров, при нём зародились и достигли славы такие интернациональные художественные коллективы, как “Молодой балет Алма-Аты” Булата Аюханова и Хоровая капелла Анатолия Молодова.

Время Кунаева — это и время сплошной радио- и кинофикации, освоение всей территории телевидением, создание собственных телестудий в каждой области на двух, а кое-где и на трёх языках. Это значительное расширение книгоиздательства и книготорговли — тоже на разных языках, преимущественно на русском. Всего не перечислишь. Всё это приметы общей интернациональной жизни Советского Союза, на фоне которого и надо рассматривать “национализм” Кунаева. Подросшие количественно и качественно творческие союзы и коллективы республики не делились по языкам формально, но фактически казахская фракция в каждом из них была “равнее” других. Требовалась действительно “высшая алгебра” диалектического мышления, чтобы ни у кого не возникало недовольства ростом казахской национальной культуры. Вместе с Кунаевым радовались и умилялись казахскими талантами и казахстанские русские, которые тоже считали своим каждого уникального “казашонка”. Работало культурно-историческое явление, называемое “советской дружбой народов”. К этому явлению надо подходить без пропагандистско-позолоченной официальной мишуры того времени и без очернительно-ехидного ёрничания новомодных ниспровергателей истории. Надо это явление видеть глазами Кунаева, которого я бы назвал апостолом дружбы народов. Немного их, по-настоящему, без мишуры, понимавших это явление и служивших ему воистину по-апостольски. Из деятелей его времени рядом с ним я бы поставил только П. М. Машерова, В. В. Щербицкого, Г. В. Романова.

В их глазах и умах “дружба народов” никогда не служила декоративным украшением; она была заложена в “генетический код” единого родового понятия “российская цивилизация”. В страшном сне не могла привидеться этим апостолам будущая “суверенизация” народов, исторически сложившихся в единый территориальный, культурно-политический и экономический симбиоз, для которых разрыв их союза будет означать деградацию каждого.

Суверенизация — это другой “генетический код” межнационального сожительства, при котором “дружба дружбой, а денежки врозь”. При дружбе народов в едином симбиозе человек любой национальности на индивидуальном уровне возвышается до гордого чувства гражданина великой страны, и только одно это чувство — уже бесценно: его ничем не заменить. При суверенизации человек на индивидуальном уровне становится изгоем в том историческом пространстве, которое заложено в его генах как своё. Поставленный в условия “денежки врозь”, он превращается либо в космополита, либо в гастарбайтера, “чёрного”, “лицо кавказской национальности” и т. д. При дружбе народов идёт состязание наций в духовном росте при общем, “семейном”, государственном бюджете (потому ревностное отношение Кунаева к своим “казашатам” никак нельзя обзывать “национализмом”). Дружба народов представляет каждой нации возможность полнее раскрывать свой духовный потенциал при, казалось бы, единой идеологической скрепе, устанавливающей рамки пропорций, процентов, квот и льгот (хотя бы те же требования определённых пропорций исторической и современной тематики в репертуаре и темпланах). При суверенизации же национальные культурные ценности парадоксальным образом становятся невостребованными внешним миром, замыкаются каждый в своей национальной “скорлупе” и, предоставленные свободному самовыражению, превращаются в объект разрушительной экспансии более сильных глобальных информационных центров. При дружбе народов каждая национальная культура дорожит своей характерностью, как цветок в букете. Суверенизация же в принципе отрицает идеологию “букета”, и характерная самобытность нации, не вдохновлённая соревновательным духом интернационального общежития, теряет востребованность привычного исторического пространства и лишается постоянных стимулов роста.

Не уверен, что я сейчас воспроизвожу некую философскую концепцию “дружбы народов”, которой якобы руководствовался Д. А. Кунаев, не любивший философствовать, но могу поручиться, что в его голове и сердце звучал постоянный камертон дружбы народов, дававший тональность словам и поступкам, мыслям и намерениям. И, прежде всего, русско-казахской дружбе. Став самым “большим человеком” своего народа, я думаю, он особенно явственно ощутил историческую, политическую, психологическую, а, по большому счёту, и культурно-цивилизационную “тональность” русско-казахского “камертона”. Как для цивилизационного менталитета России стал определяющим славяно-тюркский симбиоз, выделяющий её в самостоятельный мир (старорусское значение общеста), отличающийся от Запада и Востока, так и для казахов, части этого российского Мира, историческая судьба определила “линию поведения” в русско-казахском симбиозе. Потому и звучал такой “камертон” в душе этого великого казаха.

“Возвысить степь, не унижая горы”, — в такую поэтическую формулу вылилось у поэта Олжаса Сулейменова то, что звучало в душе у Димаша Ахмедовича. Олжас, пожалуй, наиболее яркое “произведение” русско-казахского симбиоза. Русскоязычный казахский поэт. Яркий, самобытный, трибунно-речистый, умный, красивый. В зенит всесоюзной славы он взлетел сразу после полёта Юрия Гагарина, посвятив ему поэму “Земля, поклонись человеку!”. К нему одному не было у Димаша Ахмедовича “дипломатии”. Он его просто любил. Кстати, их имена звучали рядом на той бунтующей площади в Алма-Ате. “Где Олжас? Почему арестовали Олжаса?” — шумела толпа, родив слух об его аресте. Очевидно, “коллективное сознание” (или “коллективное бессознательное”) толпы, которую назовут “проявлением казахского национализма”, каким-то образом связывало имена Д. А. Кунаева и О. Сулейменова в нечто единое целое, что необходимо было защищать: если обидели одного, значит, не могли не обидеть другого. **Что** имела в виду толпа, протестующая против замены Кунаева на высшем посту, почему-то при этом тревожась за судьбу поэта Олжаса Сулейменова? Логiku в увязке этих имён при тех обстоятельствах можно постичь, лишь зная громкую предысторию, связанную с выходом книги О. Сулейменова “Аз и Я”.

Однозначную оценку книге и сегодня трудно дать, хотя давно устоялись волны, поднятые ею в середине семидесятых годов. “Книга благонамеренного читателя” — таким подзаголовком автор, как бы предвидя возмущение общественности, заранее клялся в своих благих намерениях. Однако уже сам факт подчёркивания своей благонамеренности указывал на таящиеся в книге вызовы. Эти вызовы, ни много ни мало, касались таких материй, как возникновение письменности, религий, история “Слова о полку Игореве”, в целом славяно-тюркский мир (и Мир). Хотя в одном из интервью О. Сулейменов высказался, что его книгу надо рассматривать как “историю глазами поэта”, сам безапелляционно-категоричный тон изложения сюжетов истории, метафористично-ироничный до язвительности стиль повествования, куда втянуто много высоких имён, учёных работ, громких фактов, гипотез, проблем, резко контрастировали с принятой в научном мире этикой академически взвешенного подхода к материалу и корректностью ведения полемики, которые исключают “поэтические вольности”.

Выпущенная О. Сулейменовым до этого поэтическая “Глиняная книга” уже названием намекала на шумерскую клинопись и тоже была пропитана историческими реминисценциями с бесконечным гулом копыт по просторам Азии (“Заслышу Азию во мне”). Вот в ней-то и отражён взгляд поэта на историю. Он выражен своими поэтическими средствами: метафорами, экспрессией, рифмами. Кому-то нравится, кому-то нет. “Глиняная книга” тоже вызвала споры, но споры в рамках эстетики. Здесь же (“Аз и Я”) поэт врывается в науку, историю и этнографию, филологию и политику межнациональных отношений. Врывается с тем же топотом, гиканьем, свистом. В академических кругах так не принято. И, наверное, книгу постигла бы участь не одного историко-поэтического курьёза, если бы не её замах на “приватизацию” многих культурно-исторических ценностей в пользу тюркского этноса (“Слово о полку Игореве” — не памятник древнерусской литературы, а всего лишь перевод с тюркского; шумерская клинопись —

продолжение орхоно-енисейской письменности, изобретённой тюрками, и т. д.). Но и этот “набег” был бы легко отбит и забыт. Мало ли любителей дать своё толкование “Слова”? Тем более что тюркизмов в нём действительно много, как и во всём русском языке. Ну и что из того, что известный средневековый арабский учёный Аль-Фараби объявляется великим казахским философом только потому, что есть сведения о его рождении на территории нынешнего Казахстана. От этого он не перестанет быть учёным арабского Востока, похороненным в Багдаде. О чём спорить? Да и шумерские глиняные таблицы, похороненные под Вавилонской башней, разрушенные разная толпа, останутся теми же знаками человеческой истории, пусть даже и схожими с орхоно-енисейскими письменами. Можно, конечно, представить, что пращур Олжаса в каком-нибудь четырёхста двадцать пятом колене и приволок эти таблицы в Вавилон с Енисея. Почему бы и нет!

Да, наверное, так и осталась бы курьёзом “Аз и Я”, если бы автору удалось “возвысить степь, не унижая горы”. Некоторые “горы” почувствовали себя униженными. Русский “Аз” вступился за родное “Слово” серией сердитых статей во всесоюзной периодике, заседанием специальной комиссии Академии наук СССР, созданной по рекомендации идеологических отделов ЦК КПСС. Был вынесен вердикт книге в духе времени: “утрата историко-материалистического подхода в оценке прошлого, ... подмена научно-обоснованных марксистских положений субъективными построениями”. Оскорбились христиане — за всё христианство, третируемое автором. Оскорбились мусульмане — за “мусульманский геноцид”, устраиваемый ими, по мнению автора, над другими народами. Оставались, вероятно, довольными лишь иудеи, поскольку к ним автор относится с подчёркнутым пиететом, называя (с большой буквы) Главным народом. Пожалуй, наскоки автора на мировые религии в те годы не возымели бы резкого протеста, не будь в книге нападок на русский патриотизм, отрицание главной патриотической идеи “Слова” — объединение и защита русских земель. По мнению О. Сулейменова, патриотический окрас памятнику придали позднее монахи-переписчики и “казённые патриоты” Мусин-Пушкин, Татищев и прочие, вплоть до Д. С. Лихачёва.

Отповедь “униженных гор” была громкой и дружной. Кажется, единственным откликом в защиту книги явилась статья в республиканском литературном журнале “Простор”, автором которой был В. Владимиров... помощник члена Политбюро ЦК КПСС, первого секретаря ЦК Компартии Казахстана Д. А. Кунаева. Сокрушительная всесоюзная отповедь, хотя и не вылилась в прямые идеологические обвинения автору в духе прежних известных постановлений (времена изменились!), но “жареным пахло”. Репрессий не ожидалось, но неприятности автору могли быть, если бы не фактор... члена Политбюро. Не думаю, что к появлению апологетической статьи в журнале “Простор” он хоть как-то был причастен, но вот без его непосредственного участия Олжас не стал бы в скором после этих событий времени кандидатом в члены ЦК Компартии Казахстана и депутатом Верховного Совета республики.

“Защита Кунаева”, прямо скажем, превышает мыслимые размеры “необходимой обороны”. Так ли должен был поступать “апостол дружбы народов”? Не заблуждаюсь ли я? Всякий раз, когда подставляешь себя под беспощадно слепящие лучи искренней правдивости, когда подвергаешь

себя испытанию на самую последнюю грань честности перед самим собой, ощущаешь узкую, как лезвие, полоску тверди, на которой можно удержаться лишь с верой в благие намерения, хотя знаешь, по пословице, что ими усыпана дорога в ад. И всякий раз, доведя себя в своих сомнениях и заблуждениях до этой узкой полоски, с особой пронзительностью понимаешь, что нет для тебя жизни без веры в благонамеренность. И я верю подзаголовок “Книга благонамеренного читателя”, понимая Олжаса, который, возможно, выносил его в такой же балансировке на “узкой полоске”. Он задира, он фокусник слова, фонтан метафор; он чистый продукт русской культуры с впитанным, а не изученным русским языком; он любит этот язык и эту культуру, но он любит и мать-отца, свои живущие в крови и жгущие её гены тюркской кочевнической культуры. Сын двух культур, он ни одной из них не желает зла и со всей готовностью веры в благое намерение старается “поднять степь, не унижая горы”. Его трибунная натура просится на русско-тюркский вечевой майдан с криком: “Граждане, послушайте меня!”. И со всей поэтической страстью доказывает, что в нашем общем русско-казахском симбиозе больше общего, чем различий. В своём запале он не может удержаться на уровне академических приличий, да, впрочем, майдан и не признаёт их; там выкрикиваются страсти. Вряд ли Димаш Ахмедович разбирался, что в книге “Аз и Я” “правильно”, что “неправильно”, чтобы со своей авторитетной высоты “всем воздать”. Нет, он тоже был охвачен тем же “майданным” чувством, когда слышишь “наших бьют!” и бросаешься на защиту.

Этим же чувством руководствовалась и толпа, собравшаяся на майдане им. Брежнева в Алма-Ате 17 декабря 1986 года — “наших бьют!”. Я не касаюсь организации и организаторов этого действия (они не найдены и не осуждены, хотя нет сомнения, что “стихия” была организована), но и не отрицаю всплеск стихийного чувства ущемлённой национальной обиды, которым была наэлектризована толпа. Я вот что хочу сказать: *национализм толпы был благонамеренным*. Злонамеренно его могли использовать организаторы, но требование не заменять казаха Кунаева на русского Колбина не носило антирусского характера. Вот это я и хочу сказать. Я, русский, ходивший там, в толпе, с другими русскими, не встречал ни одного русофобского взгляда, слова, чувства. Они тоже хотели “возвысить степь, не унижая горы”. Городские власти больше всего боялись распространения “бунта” по территории, но за всё это время нигде не зарегистрировано ни одного инцидента, который можно было бы квалифицировать, как “на национальной почве”. (В последующие дни, правда, фиксировались жалобы со стороны студентов-казахов, что их не пускают в такси русские водители, отказывают в жилье русские квартирные хозяйки. Более того, известны стычки в общежитиях между группами казахской молодёжи; применение насилия к тем, кто не хотел идти на площадь).

“Чем нам гордиться?” — вот вопрос, который я услышал из “нутра” толпы. В таком варианте он не был начертан на транспарантах, но возникал в частных разговорах как логический аргумент, объясняющий причину прихода сюда, на площадь. А громко, на всю площадь, чтобы проникало и в окна ЦК, скандировалось: “Казах жасасын! Колбин долой!” (“Да здравствует казах, Колбина — долой!”). Очень беспокоюсь, что не смогу донести свою мысль на фоне явного “националистического” лозунга “Да здравствует казах!” и доказать, что в нём (лозунге) нет националистического выпячивания

своей национальности, что “нутряная” его благонамеренность совсем не предполагает возвышения казаха над другими. Все казахи давно привыкли себя ощущать частью общего русско-тюркского симбиоза, в котором ведущую позицию (количественно и культурно качественно) занимала русская сторона, а казахской приходилось навёрстывать историческое отставание (так это было и есть на Земле со многими народами). И вот тогда, когда казах наконец-то стал во главе своей республики, когда Казахстан так мощно представлен в содружестве народов СССР, и его глава входит в высший круг руководства страны (член Политбюро), вдруг намечается откат назад. Замена руководителя республики с казаха на русского прочитывалась толпой (и не только ею) как недоверие народу, якобы не имеющему в своих рядах достойную кандидатуру. И протест митингующих не направлялся против русского как такового. “Нутряной” индикатор национальной гордости (“Чем нам гордиться?”) следовало бы парадоксальным образом рассматривать не в примитивно-узком диапазоне идеологических ярлыков (“казахский национализм”), а как показатель истинно интернационалистского равноправия, воспитанного в народе эпохой Кунаева.

Интернационализм как мотор развития каждой нации в Российском содружестве наций и, более того, как единственное условие выживания и даже процветания нации в этом жестоком мире, — так понимал его Д. А. Кунаев. Именно этот смысл имела в виду Л. К. Балясная, назвавшая когда-то его “истинным интернационалистом”. Именно таким интернационализмом была наполнена его эпоха в Казахстане, благодаря чему казахская нация поднялась во всех смыслах в глазах соседей и выросла до национальной гордости — в собственных глазах.

У человека крупного масштаба и недостатки вырастают как бы из его достоинств. Взять ту же кунаевскую интеллигентную деликатность и мягкость, так располагавших к нему людей. Прекрасное свойство неогрубевшего сердца, не ожесточившегося в столкновениях со своекорыстием, интриганством, предательством и просто подлостью, которые на верхних этажах власти, становясь утончённее, не становятся менее коварными. Главное — они не исчезают, и требуется жёсткость, чтобы не дать им права использовать деликатность в своих целях. Думается, “кадроведы” Орготдела ЦК КПСС по всем правилам партийной кадровой науки на первых порах подкрепили кунаевскую мягкость жёсткостью второго секретаря В. Н. Титова — “щукой в море, чтоб карась не дремал”. При полном понимании мягкого Первого и жёсткого Второго система руководства приобретала необходимую упругость, чтобы не ломаться, с одной стороны, и не отталкивать с налёта, — с другой. Как бы то ни было, но “рука Москвы” уже перешла на вторую роль.

“Эпоха Кунаева” — ещё и постепенное ослабление “руки Москвы” в Казахстане. По мере укрепления авторитета Д. А. Кунаева, с тех пор, как он стал сначала кандидатом в члены Политбюро, а потом и членом Политбюро, роль второго секретаря при нём уже не представляла “щуку в море”. Спокойно-рассудительный, сосредоточенный и пунктуальный Н. Н. Родионов ещё удерживал “ось жёсткости”, чтобы не забывали, кем и зачем он поставлен, а уж следующий “мальчик-стажёр” В. Месяц и не помышлял

о жёсткости, заглядывая в рот Димашу Ахмедовичу, откровенно отбывая карьерные сроки перед большой “московской” должностью (после стал министром сельского хозяйства СССР). С уходом В. Месяца “рука Москвы” распрощалась с Казахстаном. На пост второго секретаря ЦК приходили уже свои, казахстанские, русские: А. Коркин из Караганды, О. С. Мирошхин из Мангышлака, совсем не “страшные комиссары Кремля”, а простые смертные, как все мы. Димаш Ахмедович стал первым де-юре и де-факто **независимым** руководителем республики (не опекаемый непосредственно “рукой Москвы”), хотя о какой независимости можно говорить, если каждый чиновник республики сидел на поводке инструкций и предписаний, конец которого был в каком-нибудь московском кабинете. И все эти трансмиссии согласований, разрешений и запрещений крутились независимо от “независимого” Д. А. Кунаева.

В качестве примера — собственный опыт. Республика не имела права самостоятельно открывать какую-нибудь новую газету. Требовалось постановление Секретариата ЦК КПСС. А тут в отдел пропаганды приходят с хорошим предложением: объединить все маломощные неэффективные вузовские многотиражки в одну городскую студенческую газету. Никаких дополнительных расходов! Никакого увеличения фонда бумаги! В секторе печати ЦК КПСС меня окатили холодным душем: принято решение — в этой пятилетке не открывать новых периодических изданий в связи с нехваткой бумаги. Никто на исключение не пойдёт, даже если попросит член Политбюро. “А если никого не просить?” — вкрадчиво любопытствовал я. Хороший человек зав. сектором печати В. Бакланов пристально посмотрел на меня и ответил вопросом на вопрос: “А чего тогда ты здесь сидишь?”. Без всяких бюрократических препон горком с нашего молчаливого благословения объединил многотиражки, и в городе появилась новая молодёжная газета “Оркен” (“Горизонт”), быстро завоевавшая популярность. Димаш Ахмедович поинтересовался: “Откуда у нас появилась эта хорошая газета?” — “Да просто объединили вузовские многотиражки”. Вот и всё. Так просто и так сложно...

Это, так сказать, положительный пример “попустительства руки Москвы” в связи с фактором “своего члена Политбюро”. Предполагалось, что он сам себе контролёр. Но природная мягкость, старческая усталость, да и невольная “бронзоватость” ослабляли волю к “учинению спроса”, к тому же “заботливое” окружение избавляло его от рутинной работы “вдаваться в детали”. “Детали”, обработанные мастерами аппаратных дел, подавались после от его имени. Так что достоверно связывать с именем Кунаева всё происходящее в республике в его поздние годы не приходится, как и с именем Брежнева — происходящее в масштабе Союза в его последние дни. Тот самый “ППП” (Период Пышных Похорон) ослабил волевой импульс руководства страной, тем самым нанёс ощутимый удар по социалистическому устройству общества, поскольку его плановые начала требуют неослабного руководящего напряжения и контроля. “Будущее принадлежит плутам”, — однажды предрёк остроумец Вольтер. В такие вот “ППП” плуты вылезают из всех щелей. Аппаратная шутка тех времён: “Страной руководит инструктор”. Имелось в виду, что все доклады, речи, проекты постановлений писали инструктора (нижнее звено партийной иерархии), а “боссы” их только читали и подписывали. Не будем иронизировать по поводу инструктора, трудовой пчёлки аппарата. Плуты, как правило, роились

где-то между инструктором и “боссом”, ближе к “боссу”. Вот пример, опять же из личного опыта столкновения с “властью плутов”.

На одном из очередных пленумов ЦК КП Казахстана, вскоре после того как я был утверждён тем же ЦК главным редактором “Казахстанской правды”, в докладе Д. А. Кунаева прозвучала резкая критика в адрес газеты (в скобках — фамилия редактора). Знатоки партийной “тайнописи” легко расшифровывают такую критику как звонок к снятию. По всем показателям я не подходил на роль жертвы. Да и суть критики никто не поймёт: какой-то учитель из Балхаша недоволен некоторыми методическими установками органов народного образования, а газета опрометчиво поддерживает вредные мысли. Что бы это значило в устах члена Политбюро? Моя редакция “на ушах”. Перечитывают эту несчастную заметку вдоль и поперёк. Хоть убей, не знаем, какие выводы делать из этой “справедливой критики”. А мы обязаны отреагировать и представить в ЦК конкретный план мероприятий по исправлению недостатков. Более того, недоумевают и актив: все ищут какую-то подоплёку...

Приподнимает завесу звонок Нурсултана Назарбаева, в то время секретаря ЦК по промышленности: “Этот кусок вписан в доклад помощником Д. А. Кунаева непосредственно перед пленумом. Накануне мы на заседании бюро утверждали доклад, там не было этой критики. Я уже разговаривал с Димашем Ахмедовичем. Его подставили”. Напрашиваюсь к самому через другого помощника. Димаш Ахмедович встречает меня “не по чину”: встаёт, полуобнимает за плечи, похлопывает:

— Ты не сердись, мы по тебе так, случайно проехались. Вон как Аухадиеву досталось! А? Вот он теперь пусть покрутится.

— Но нам-то как отчитываться? За что? Что мне говорить журналистам?

Димаш Ахмедович вызвал зав. общим отделом Абдрашитова и велел брать на контроль только текст доклада, утверждённый бюро. Я, конечно, и не ожидал, что появится “опровержение”, знал, что своим визитом ставлю Кунаева в невыносимое положение: ведь не может же он признаться, что “хвост вертит собакой”.

Пример мой курьёзный, нетипичный. А сколько плутов играли по-крупному! Не все их игры становились известными, но то, что доходило до суда, поражало воображение, как, например, “карагандинское меховое дело”. Огромный цех мехового комбината работал как статистическая невидимка: он не существовал для государства. Государству (хозяину комбината) шла скромная доля низкосортной продукции, а “элитный цех”, на который работала разветвлённая сеть заготовителей уведённых от планового контроля первосортных шкур и каракуля, система сбыта дублёнок, пуб, шапок, воротников, а также целая иерархия “нужных людей” в кабинетах Алма-Аты и Москвы, получающих “дивиденды” от приватизированного задолго до перестройки цеха. В таких делах плуты не просто подсовывали слабейшему вниманию “хозяину” пакостливую туфту, а уводили из-под глаз государства правдивые цифры. Экономика уходила в тень.

“Социализм — это учёт и контроль”, — не раз цитировал Ленина Д. А. Кунаев. Теневой капитал вначале подточил эту основу, чтобы всё превратить в “коммерческую тайну”. У меня нет ни фактов, ни свидетельств, был ли Кунаев знаком с “делом Худенко”, но именно при нём произошло это “преступление века”, помешавшее соединить плановое социалистическое

начало с частной инициативой. Чтобы дать дальнейший импульс совершенствованию экономических отношений в стране, росту благосостояния народа. “Дело” было громким. Шумела пресса. В эксперименте Худенко, директора Рославльского совхоза Алма-Атинской области, одни увидели “свет в окошке”, другие — ниспровержение основ. Сила оказалась на стороне вторых; они посадили Худенко в тюрьму, где он и умер. В самой судьбе этого новатора, а главное — в его эксперименте, в судьбоносной значимости нового принципа организации труда, применённым Худенко, должны были разобратся только люди масштаба Кунаева, поскольку в стране сложилась система продвижения новых идей, тем паче идей, затрагивающих производственные отношения, только с одобрения верхов. Я помню позицию Кунаева по укрупнённым чабанским бригадам; там тоже вводились схожие новшества. Помню и его требование, чтобы предложение поступало снизу. В “деле Худенко” всё совпадало. Не думаю, что министр сельского хозяйства республики Рогинец, главный гонитель Худенко, не объяснялся с “Хозяином” — ведь шум-то был всесоюзным.

А суть худенковского эксперимента проста в своей гениальной наивности: человек полностью владеет результатами своего труда за вычетом кредита и амортизационной стоимости арендованных средств производства. При общенародной (государственной) собственности арендные отношения, или бригадный подряд, привносили необходимый дух частной инициативы, предпринимательства, который исправлял перекосы централизации плановой системы и заставлял работать объективные экономические законы, в частности, личную заинтересованность в прибыли. Смелый Худенко на свой страх и риск отменил многие инструкции Минсельхоза по организации труда в бригадах и на фермах, заставив усиленно работать бухгалтерию. Полеводческой бригаде, например, подсчитывалась стоимость затрат материалов на годовой урожайный цикл, необходимых для получения планового показателя продукции, куда включалась и текущая зарплата работников. Вся сверхплановая продукция являлась частной собственностью членов бригады, распределённой в соответствии с установленным самой бригадой трудовым коэффициентом. Зарботки работников “Рославльского” заставили обычно заплывшие глаза министра Рогинца вылезть из орбиты. Наверное, возможность подобных зарботков имел в виду Николай Мефодьевич Козолуп, когда говорил мне о преимуществах колхозной демократии с её трудовым коэффициентом (трудоднём). Но для её расцвета надо было признать частной собственностью результаты труда каждого колхозника. Тогда “юридически прозрачным” оказался бы грабёж частной собственности при каждой “битве за миллиард” с её повышенными и встречными обязательствами. При торжестве худенковской системы каждый из тех павлодарцев, чьи головы летели вместе с С. Д. Елагиним, в тот год мог стать миллионером.

Плуты-рогинцы, сидевшие тяжёлыми задами на своих заскорузлых инструкциях, не могли признаться в своей никчёмности, в своём преступном сдерживании “живого творчества масс”, чем (по Ленину) и должен быть социализм. Наоборот, они считали социализмом свою власть, возможность демагогией прикрывать банальный грабёж. И Худенко упекли в тюрьму за “антисоциалистические действия”. Не слышал, не видел, но уверен, что Рогинец говорил Кунаеву о Худенко. И говорил, разумеется,

гадости. А уважаемый Димаш Ахмедович не вник, не разобрался, не заступился. А случись это — как знать? — и история могла пойти по-другому, не загнали бы экономику в тень, не распалась бы Дружба Народов, был бы жив Советский Союз.

За вальяжно-величественным фасадом “эпохи Кунаева” гнили кучи хлама накопившихся проблем, обид, обманов, преступлений. В Казахстане, этой действительно исторической “лаборатории дружбы народов”, хлама нерешённых национальных проблем было больше, чем где-либо. Ведь именно здесь оказалось большинство репрессированных во время войны народов: немцы Поволжья, чеченцы, ингуши, крымские татары, балкарцы, карачаевцы, турки-месхетинцы. А ещё поляки (с запада) и корейцы (с востока) — перед войной. Признание совершённой несправедливости по отношению ко всем репрессированным нациям, но отложенная полная их реабилитация и лишь постепенное, частичное восстановление несправедливо обиженных государством людей — всё это заставляло накопившийся “хлам” разогреваться до критических пределов самовозгорания. Мне не забыть всполохи этого пока ещё скрытого внутреннего огня, который виделся в глазах членов делегации турков-месхетинцев, принёсших в редакцию письмо-обращение к Советскому правительству с требованием вернуть их на историческую родину — в Грузию. Я впервые видел, как нервные красные пятна на лицах возникают, исчезают, снова появляются — причём у всех сразу. Наглядный пример проявления национального чувства. Не по “личному вопросу” обращался каждый, чем можно было бы объяснить индивидуальное эмоциональное возбуждение. Работала мистика нации.

Наверное, и по мне ходили такие же красные пятна. Столкнуться нос к носу с жертвами несправедливости каждому, имеющему совесть, нелегко. Но с турками-месхетинцами встречаться было труднее, чем с другими репрессированными. Всех остальных сослали по обвинению в пособничестве фашистам во время войны. После это обвинение было официально снято. Есть хотя бы формальный повод “очищения”. Но ведь туркам-месхетинцам даже ложного обвинения не предъявляли (от фронта они были далеко). Выслали — и всё! Как нежелательный этнический элемент на грузинской территории. Более того, после реабилитации другим разрешили на индивидуальной основе возвращение в родные места. Для турков-месхетинцев — опять исключение: Грузия не даёт “добро” на их возвращение.

Судьба сводила меня почти со всеми высланными народами (“репрессированными” их не называли), да, в общем-то, каждый казахстанец всю жизнь вращается в интернациональной среде. И думаю, что в каждом, как и во мне, складывалось твёрдое убеждение в правильности такого интернационального общежития. Все переживали одинаковые трудности, вместе радовались движению вперёд. Главное, чтобы было движение вперёд и выше! “Вперёд и выше” ассоциировалось, в основном, с образованием и культурным уровнем. Помню, сколько головной боли властям и общественным организациям доставляли чеченцы и ингуши, не желавшие отдавать девочек в школы. Перед каждым учебным годом они в основном

давали некий процент “неохвата” учёбой детей школьного возраста, за что был спрос с органов народного образования, партийных и комсомольских комитетов. Мы ходили по дворам и проповедовали, что “ученье свет, а неученье — тьма”. И вот при этих-то беседах я впервые увидел возникновение “национального огня” (скажем так) в глазах, на щеках, на лбу, на шее — того огня, что горел на всей делегации турок-месхетинцев в моём редакторском кабинете. “Какое ваше дело, буду или не буду я учить дочь в школе?! Она будет невестой, потом женой, матерью. Не лезьте в наши национальные обычаи!” — вот что обозначал огонь у чеченцев во время наших “проповедей”. Но в тех беседах на нашей стороне был закон о всеобщем среднем образовании. А здесь, в беседе с турками-месхетинцами, я был буквально испепелён их национальным огнём. В их лицах я увидел жуткую суть абсолютной несправедливости, рядом с которой и вместе с которой быть на земле невозможно.

Именно в таком эмоциональном ключе, а не взвешенно-партийным языком, я написал Д. А. Кунаеву докладную записку с просьбой привлечь внимание Политбюро к проблеме турок-месхетинцев как к невиннейшим из невинно репрессированных. Димаш Ахмедович мне позвонил:

— Надеюсь, ты не публикуешь обращение месхетинцев?

— Нет, конечно. Мы тут при чём?

— Вот-вот, мы не при чём, а расхлёбывать нам. Кстати, месхетинцев у нас мало, только на юге Чимкентской области. В основном они расселены в Узбекистане и Киргизии. Но ты прав: ставить вопрос надо. Несчастный народ. Говорят, их высокогорные кишлаки до сих пор пустуют. Это не немцы, чьи земли в Поволжье заселены. Но как грузин переломить?

До сих пор “расшифровываю” этот звонок. Сам он мне как редактору звонил очень редко: за четыре года помню звонков пять-шесть. Как правило, разговор касался уже опубликованных материалов. А тут даже не разговор — внутренний монолог. Не думаю, что он у меня хотел узнать, “как грузин переломить”. Или его насторожил эмоциональный тон моей “бумаги” и, чтобы я не “дёргался”, просто решил дать мне понять, “где собака зарыта”? Он мог предположить, что я буду предпринимать какие-то действия; поэтому первый вопрос о публикации был естественным, и ему достаточно было моего “да” или “нет”. Возможно, на внутренний монолог подтолкнула моя реплика “мы тут при чём?”. Во всяком случае, этот монолог позволил мне чуть-чуть заглянуть “в глубь” Кунаева, и я увидел, что даже по такой частной проблеме турок-месхетинцев, “которых у нас мало”, он имел довольно объёмное представление, увязанное с другими проблемами (немцы), с чётким пониманием препятствий (грузины). Кстати, далеко за пределами “эпохи Кунаева” проблемы этого несчастного народа так и остаются нерешёнными по сей день. И я не знаю, предпринимал ли Димаш Ахмедович какие-нибудь шаги.

А вот в решение вопроса советских немцев он был вовлечён. С его непосредственным участием была проведена одна странная акция, инициатором которой, я уверен, он не был, но вынужден был принимать в ней участие. Речь идёт о создании автономной области советских немцев на территории Казахстана. Странной эту акцию я назвал потому, что сама идея проекта не устраивала никого: ни немцев, настаивавших на возрождении Республики немцев Поволжья, ни руководство Казахстана, понимавшее, какой опасный прецедент даст появление этой автономии в “лаборатории дружбы народов”, ни само население предназначенных районов Павлодарской,

Целиноградской и Кокчетавской областей, где уже работала организационная комиссия, готовившая проект без обычной пропагандистской шумихи, но и без особой тайны. Ни один видный политик не “засветился” в авторстве идеи, но, судя по размаху и серьезности подготовки, такого характера новации могли исходить лишь от самого верха страны.

Но не случилась ещё одна “Еврейская автономная область”. Почему? Поняли, что это не решение “немецкого вопроса”, как не решила “еврейский вопрос” и названная область? Нет, не поэтому. Процесс образования области прервали митинги казахского населения этих районов, проведённые в Целинограде, Ерментау (предполагаемой столице предполагаемой области). Стихийные митинги в то время заканчивались, как правило, разгоном, подавлением требований. Власть на диалог не шла принципиально. Так было в Новочеркасске, так было в Темиртау. Здесь тоже диалога не было, но и сила не применялась. Просто комиссия молча свернула свою деятельность. В газетах не писали ни об области, ни о комиссии, ни о митингах. События не произошло. Зато произошла “репетиция” будущего алма-атинского события на площади им. Брежнева. Репетиция эффектнее самого спектакля. Насколько эти выступления **казахского** населения были стихийными, трудно судить, чтобы делать вывод об их демократичности или оранжевой охлократичности. Говорят, видели накануне в этих районах алма-атинских эмиссаров. Были ли они “от Кунаева” — вот вопрос!

Моих знаний о Кунаеве, степени моего знакомства с ним явно недостаточно, чтобы заглянуть в закоулки его подсознания и попытаться ответить на это деликатное предположение. Но если этот вопрос возникает в моём мозгу, то я, значит, допускаю в какой-то мере его способность к изворотливости, лукавству, хитрости себе на уме? А почему нет? Если уж я сам, считающий себя неспособным хитрить и изворачиваться, считающий такие качества в человеке отрицательными, “хитрил и изворачивался”, например, в истории с газетой “Оркен” — “Горизонт”. А разве не тем же занимались всю жизнь мои любимые Выдрин и Козолуп? Ведь благодаря их хитрости и изворотливости колхозники и рабочие совхоза у них всегда были с хлебом и даже с маслом. За что их и любили. Когда хитрость и изворотливость не своекорыстны, направляются в бой не ради себя, любимого, а на преодоление нагроможденных общественных несовершенств, а чаще всего (и — хуже всего!) высокопоставленной глупости — такие черты характера только украшают руководителя. Без таких качеств не выигрывают сражения. И я запоздало аплодирую Димашу Ахмедовичу за блестяще проведённую операцию “Немецкая автономная область”! Такими-то победами, о которых большинство даже не догадывается, истинно славен человек. У такого человека и недостатки — продолжение достоинств.

Подходя к концу очерка об эпохе Кунаева, хочется тоже как-нибудь исхитриться и поймать для вывода ускользающую от обобщения диалектически противоречивую мысль о казахско-русском симбиозе. Шире — о тюркско-славянском. А ещё шире — о тюрко-угро-финско-славянском общечеловечестве. Рассказывали (самому не приходилось слышать), что Д. А. Кунаев нередко шутил в узком кругу, передавая слова своей жены-татарки: вам, мол, казахам, узбекам, башкирам, киргизам хорошо; вы спрятались за придуманными именами, а за татарское иго отдуваться приходится

одним нам, татарам. Русские, мол, даже в поговорку ввели, что нет никого “хуже татарина”. Отзвуки трёхсотлетнего Ига, стычек Ермака с Кучумом, взятие Грозным Казани, походов генерала Скобелева, конечно, живы и жить будут, напоминая о вражде между соседями. “Помогали” не забывать эти отзвуки и умиряющие казачьи нагайки, показывающие силу и крепость Российской империи. Всколыхнул историческую память и ельцинский “парад суверенитетов” новейшего времени, вызвав к жизни и к рычагам власти действительно националистические национальные элиты, культивирующие национальный эгоизм, сепаратизм, автаркию. На этом фоне всё величественнее прорастает и крепнуть будет в народной памяти Эпоха Дружбы Народов. Для Казахстана — эпоха Кунаева.

Есть способ оценки жизни, часто называемый обывательским, мещанским, когда какое-нибудь неустройство затмевает целый мир. “У меня гвоздь в сапоге кошмарней, чем фантазия у Гёте”, — поэтически сформулировал В. Маяковский этот тип мышления. Если его придерживаться, то Солнце — уже не Солнце, потому что на нём есть пятна; коль ты беднее соседа, то счастливым не можешь быть по определению. В эпоху Кунаева складывался другой тип оценки жизни. Назовём его типом “детского счастья” (счастье там, где звучит детский смех). “От жизни счастливой рождаются дети”, — пел Джамбул.

Говорить о нашем советском счастье после разгрома Советского Союза, разрушения советской власти, исчезновения советского народа, когда пришедшие на смену режимы в постсоветских государствах стараются стереть память о советской жизни, — говорить об этом надо хотя бы потому, что в самом старании стереть память всегда кроется большая Неправда истории. Эта Неправда — в выпячивании недостатков прошлого, особенно с позиций количественных и качественных показателей материальной культуры. Не было красивых упаковок для товаров; всё больше — на вес, на розлив. Не была в массовой эксплуатации бытовая электроника, хотя на Западе уже была распространена. Наши автомобили проигрывали в качестве зарубежным. В моде отставали от Парижа. Помните, Г. Уэллс, побывав в Советском Союзе, ужаснул весь Запад: “У Горького — только два костюма!”.

Дети одинаково счастливы играть “навороченной” Барби или самодельной тряпичной куклой, у игрового автомата или верхом на палочке. Лишь бы были здоровы и сыты да родительской лаской не обделены. С точки зрения “детского счастья”, если его принять за критерий оценки жизни, то почти всё советское время, особенно спокойная “эпоха Кунаева”, несмотря на множество изъянов, может рассматриваться как наиболее приближённая к этому идеальному критерию. Она отличалась целеустремлённой заботой о детстве, давала возможность практически каждой рождённой жизни физически, психически и нравственно окрепнуть и подготовиться к зрелости. Вот здесь, на этом фронте “детского счастья” (от роддома до вуза, от дворца пионеров до Артека) зарождалась и бытовала истинная дружба народов без пропагандистского или педагогического “глянца”. Нередки были случаи, когда недалёкие пионервожатые, желая на примере своего отряда показать торжество этой самой дружбы, начинали перечислять национальности Жоры, Ахмета, Раи, Казбека, Толи, Лены, Ибрагима... Дескать, вот как дружно мы живём, дети разных народов! А дети, только что узнав новые “клички” друг друга, кидались дразниться ими. Такой вот милый курьёз действительной дружбы.

Для этого счастливого неведенья национальной принадлежности товарища нужно было одно “принуждение”: жить в атмосфере русского языка, владеть им как и своим родным (вторым родным). И в “эпоху Кунаева” казахи значительно продвинулись в овладении “вторым родным”. Помню, на Днях казахской культуры в Эстонии самым большим и неожиданным для эстонцев впечатлением от гостей, помимо эстетических эмоций, стало умение казахов говорить по-русски без акцента. И, на самом деле, все городские казахи, большинство из которых вчерашние аульчане, несмотря на серьёзные фонетические отличия родной речи от русской, становились своими в стихии русского языка. Я мог это наглядно наблюдать на примере Ляззат, дочери моего друга, уже упоминавшегося чабана Айтбека Мусаева, которая, поступив в Алма-Атинский политехнический институт, жила у нас в семье. Приехала с заученным в казахской школе набором русских слов, которые стеснялась произносить вслух, а уехала такой речистой, что могла бы работать не только у себя на родине инженером-экономистом, но и в какой-нибудь “рязанской губернии”.

Всё бы хорошо, да проблемы языка привносят в “детское счастье” досадные диссонансы. Даже второе поколение “городских казахов”, воспитываясь в атмосфере русского языка, уже фактически становится носителем его не как “второго родного”, а как первого, нередко без необходимого знания казахского. И бедные бабушка с дедушкой, приезжая из аула погостить к городским детям, не могут насладиться общением со своими внуками на родном языке. Драма? Травма? — Ещё какие! Вот тебе и “детское счастье”! Дедово несчастье. Вместе с тем всем понятна необходимость русского языка для общественного и духовного роста, профессиональной квалификации, карьеры, душевного комфорта гражданина СССР. Мне больно за судьбу родного казахского языка, но своего ребёнка я лучше отдам учиться в русскую школу... А тревога за национальный язык, а с ним и за всю национальную культуру остаётся. И она небеспопеченна. В условиях доминирования одного, государственного, языка в многонациональном государстве языковая проблема может решаться опять-таки только кунаевским, диалектическим, методом, не “отсекая” полюса противоречий, а, наоборот, усиливая каждый из них.

Российская империя, разделив своё население на сословия и две гражданские ипостаси — православных и инородцев, — не особенно заботилась способом общения с подданными, обходясь в судах и других “присутственных местах” толмачами. Но уже тогда лучшие передовые люди казахской нации, как правило, из тех, кто овладел русским языком, призывали соплеменников осваивать его. “Нужно овладеть русским языком, — писал Абай Кунанбаев ещё в конце XIX века. — У русского народа разум и богатство, развитая наука и высокая культура. Изучение русского языка, учёба в русских школах, овладение русской наукой помогут нам перенять все лучшие качества этого народа, ибо он раньше других разгадал тайны природы, и избежать его пороков. Знать русский язык — значит открыть глаза на мир”. (Абай. Слова назидания. Слово двадцать пятое).

Многонациональный Советский Союз в силу своей новой социально-политической сути, да и мировых тенденций, связанных с научно-техническим прогрессом в XX веке, “встряхнул и перемешал” этносы, усилив необходимость государственного языка. Народы, исторически оказавшиеся вовлечёнными в единое языковое пространство с лидирующей русской языковой культурой, волей-неволей предстали перед необходимостью

билингвизма (двуязычия). И это не особенность русской цивилизации. Это, так сказать, историческая примета индустриальной и постиндустриальной эпох. По этому пути идёт весь мир. Урок Кунаева в том, что к этому явлению нужно относиться спокойно, без трагического надрыва в голосе, мол, гибнет язык, а всячески поощрять двуязычие, развивать дальнейшее казахско-русское единение, видя в нём естественный и ускоренный путь роста народа с одновременным сохранением своего казахского “лица”. Надо было исправлять ошибки (возможно, неизбежные) первых послереволюционных лет.

При всей относительности проведения самостоятельной политики в условиях демократического централизма (с явным перекосом в сторону централизма) Д. А. Кунаеву всё же удалось так поставить себя, так выстроить отношения с Центром, внутривнутриреспубликанские межнациональные отношения, что его забота о родном народе не вызывала подозрений националистического толка. Его неизменная формула главной политической линии (“... дружба со всеми народами и, прежде всего, с великим русским народом”), присутствующая в каждом его докладе или выступлении **на любую тему**, была не просто одним из политических клише. Это была молитва Апостола дружбы народов, знающего истинную цену каждому укрепленному в ней слову и, прежде всего, слову о русском народе.

Понимание исключительной роли русского народа в укреплении дружбы российских народов не предполагало некоего нарушения конституционного равенства (русский народ никаких привилегий от этого не получал; они, наоборот, предоставлялись другим). В кунаевском понимании эта формула-молитва имела цементирующую общество крепость, во-первых, потому, что она отражала сложившийся и укрепившийся в Великой Отечественной войне политический и социокультурный монолит советского народа, в котором “великость” русского народа была бесспорна и очевидна, а, во-вторых, на каждом нерусском народе в этом монолите уже были видны общие приметы русской цивилизации, охватывающие одну шестую планеты. Ярким наглядно-демонстрационным примером явилось переселение в Казахстан из Монголии этнических казахов в 80-х — 90-х годах. Не станем детализировать это деликатное сравнение; скажем только, что “русские” казахи заметно отличались от “монгольских”.

Татаро-монгольское иго хотя и задержало развитие Древней Руси на два столетия, но вместе с тем своим “щадящим” (наверное, правильное сказать: безразличным) отношением к этническим, религиозным и культурным особенностям покорённых народов Золотая Орда придала цивилизационному развитию на этой территории вектор, отличающийся от западного европоцентризма. Здесь, на этой территории, ныне называемой “постсоветским пространством”, складывался, в отличие от Запада, не конгломерат наций-государств с периодическими попытками отдельных из них подчинить себе остальных, а сразу единый этнический симбиоз в одном государстве. Имя, язык, нравственно-правовой менталитет и государствообразующую основу этому симбиозу дал один из великих мировых народов — русский народ, который, кстати, сам по своей генетической сути является симбиозом многих бытовавших на этой территории племён. При всех противоречиях и издержках развития этого симбиоза наций с момента образования Российской империи до сегодняшнего СНГ не пропал, не потерялся ни один из 63 автохтонных народов, а также ни один из более сотни других, занесённых сюда ветрами истории.

При всех издержках “парада национальных суверенитетов”, вызванного целенаправленным ослаблением государствообразующей русской основы, есть в этом трагическом “смутном времени” и свой парадоксально-положительный резон, присутствующий в каждом витке диалектического развития цивилизации, называемый в философии “отрицанием отрицания”. Фальшивые идеи общего “лона цивилизации”, неких общедемократических стандартов, как и до того напумованные идеи “мировой революции”, как и всякая “сухая теория”, рано или поздно разбиваются о “вечно зелёное древо жизни”. “Лон” становится “прокрустовым ложем”, общий стандарт не подходит к конкретной национальной “колодке”. И тогда по закону отрицания отрицания “зелёные побеги” задают на каком-нибудь майдане наивный вопрос: “А чем нам гордиться?”.

Пожалуй, вот и всё, что я хотел сказать об эпохе Кунаева как об одной из наиболее приближённых моделей жизни симбиоза наций, где все ветви “древа” не мешают друг другу, где казахско-русская (шире — тюркско-славянская) “корневая система” наконец-то перестала враждовать между собой и внутри себя, стала осознать своё единое целое и накапливать собственный опыт строительства этого единого целого, где не всё было так благостно, как хотелось бы, но общий жизненный вектор для всех указывал направление роста.

Дружба — понятие нематериальное, сердечное. Даже не опровергая поговорку “Лучше счёт — дольше дружба”, можно считать за аксиому, что любой счёт-расчёт друзей превращает в партнёров. Дружба между государствами и зиждется на таких расчётах; потому и не бывает государств-друзей, есть только страны-партнёры. Никакие тонкие расчёты, никакие компьютеры не смоделируют чувства товарищества, приязни, братства-тамырства, появляющиеся в процессе спокойной (не насильно стабильной) созидательной и состязательной жизни разных наций в одном государстве. В многонациональном государстве альтернативой насилию может быть только дружба народов. Она может быть и результатом счастливого сложившихся обстоятельств, и результатом мудро и настойчиво проводимой национальной государственной политики.

Эпоха Кунаева — не образец, но все зачатки счастливой жизни симбиоза наций уже проглядывались. Имя и личность этого руководителя напрямую не связывается с каким-либо выдающимся событием, победой, свершением, хотя на счету его эпохи и гиганты индустрии, и целинные “миллиарды”. Имя и личность Д. А. Кунаева связываются с дружбой народов, с тем истинным интернационализмом, который может возникать лишь на бескорыстной социалистической основе. В это можно верить или не верить, но это уже было на Земле.

Сам Димаш Ахмедович покинул мир, когда к власти пришли силы, разрушившие социалистические плановые начала и окунувшие страну в стихию рынка. Инфляция захлёбывалась сотнями и тысячами процентов. Население лишилось сбережений, катастрофически нищало, увеличилась смертность. Морги Алма-Аты были завалены невостребованными трупами: некому и не на что было хоронить. И вдруг, как дрожь по коже, слух от уха к уху: Димаш Ахмедович свои личные сбережения, какие были, отдал на захоронение невостребованных трупов. И умер.

Алексей ПРОЙДАКОВ

Целинное братство

Отцу посвящается

Так уж водится, чем дальше идут годы, тем больше желание оглянуться назад, чтобы окинуть взглядом прошедшее, оценивая его и взвешивая.

Судьбы моего поколения уже можно делить на “до” и “после”... Мы отшагали какое-то расстояние и заслужили право на осмысление некоторых истин. Не торопясь. Ведь по-настоящему успеваешь только тогда, когда не спешишь.

И приходят мысли о себе, о людях, о Родине.

В своё время бытовало не совсем ясное словосочетание “малая родина”. То есть, вот большая Родина — Союз, а малая — это место рождения. Но я точно знаю, что территорию, на которой прошли твои первые осознанные годы, никакой такой софистикой не затушуешь и хитрыми эпитетами не замажешь. Менее значительной она не сделается. На всей огромной Земле у каждого есть своя Деревня, где знают, кем был твой прадед и дед, помнят и тебя, и твоих родителей в младенческом возрасте; знают всю подноготную твоего рода.

Там на тебя впервые хлынула вся информация о мироздании, все знания человечества; там ты впервые увидел звёзды и ощутил бесконечность небесных сфер.

Там дом, в котором ты родился, школа, в которую ходил; озеро, в котором ловил окуньков.

Там, ещё до сих пор, на самой опушке Малого Карагача корячится старое дерево, под которым ты впервые ощутил сладость девичьих губ; остановка автобуса, на котором ты выехал в большую жизнь.

Там она начиналась.

И заканчивалась тоже.

Потому что там и Смерть.

Там — кладбище, по которому идёшь, читая на крестах и памятниках с детства знакомые фамилии. А с недавних пор и свою собственную.

Это — Родина. Это моя Родина. И кто смеет утверждать, что она — малая?

Моя Родина — Целина.

Хотя место, где три поколения назад поселились мои предки, целинной называется всего чуть более пятидесяти лет, а прежде было полосой лесостепи в Акмолинской области. И деревня стала называться совхоз

“Трудовой” только в 1954 году, а до этого звалась Дворянкой, на берегу озера Жарлыколь, в пятнадцати километрах от железнодорожной станции Ак-Куль.

Кстати, наше озеро — особая статья в жизни посёлка. Это чуть позже, в начале восьмидесятых, копаясь в географии родного края, я нашёл его название “Жарлыколь”, а для нас оно всегда было просто Озеро. В нём купались, поили скот, брали воду для питья. Оно было пресным, а ещё — большим и страшным. Мы, дети, его боялись, потому что в нашем озере каждый год кто-нибудь тонул.

Особым шиком для молодых было переплыть Озеро. Отчаянные головы решались на это. Их знали по именам, они были примерами для подражания среди нас, мальчишек.

Ясно, что когда-то поселение образовалось здесь именно из-за Озера. А ещё, совсем недалеко, были леса: с одной стороны — Малый и Большой Карагач, с другой — Байман. А в Большом Карагаче, в сторону райцентра Алексеевка, находилась Ферма, где и родился мой отец.

Когда образовался совхоз, люди в него потянулись, начиналось освоение целины. Совхоз “Трудовой” был обыкновенным, каких в нашем Алексеевском районе насчитывалось около двадцати; но по названиям сразу определялось, что на распахку земель народу понаехало отовсюду: Минский, Урюпинский, Одесский, Новорыбинский и т. д.

Целинниками мы себя не чувствовали, мы ими были. С детства видели себя либо за штурвалом комбайна, либо за фрикционами гусеничного трактора. И не только в мыслях. Я, например, неплохо управлял “Казахстанцем” уже с двенадцати лет, благодаря своим двоюродным братьям Анатолию Ивановичу Чубарову и Николаю Яковлевичу Корниенко. То с одним, то с другим ездил пахать, а порой подменял их полностью на смену, если случалась свадьба или ещё какой-нибудь праздник. В школе уже было неинтересно. Настоящая жизнь, её кипение, ощущалось только здесь — на борозде, в мире запахов свежей земли и солянки.

Многие совхозные ребятишки тоже с детства приобщались к нелёгкому труду животновода (механизатора). Умение хорошо управлять трактором у нас не считалось чем-то необычным.

Совхоз жил работой: посевная — уборка. Хлебу было посвящено всё. Тех, кто трудился на других участках, к примеру, строителей, электриков считали чуть ли не лентяями.

Во время уборки на улицах села никого из мужчин не встретишь, все в поле.

Мастерская по ремонту техники работала тоже почти круглосуточно, при минимуме рабочих рук, самых опытных и умелых.

Мы гордились своими отцами! Работали они, что называется, не за страх, а за совесть. Мы любовались ими и тогда, когда уборка заканчивалась и каждая бригада, прямо в поле, отмечала её окончание. Бригадиры уже заботились не о запасных частях, а о еде и питье.

Гуляли тоже от души, как и работали.

А через несколько дней, подводя итоги, в совхозном клубе проводили торжественное собрание, зачитывали списки намотивших больше других, вручали премии и — опять гуляли. Умели тогда гулять красиво, широко, без разборок и драк.

Ценили труд хлебороба в то время, награждали медалями, орденами, и списки награждённых зачитывали на всю огромную страну.

Я тогда учился в “Писательском институте” в Москве, было это в 1978 году. Вечером зачем-то включил радио (раньше никогда не включал) и почти сразу же услышал свою фамилию и имя-отчество отца: награждается орденом Трудовой Славы третьей степени.

Какое меня охватило чувство гордости за папу!

До боли жаль, что он никогда не прочитает этих строк. Раньше надо было писать, да всё времени не хватало. И потом, в иные моменты, казалось, что все мы катимся в тартарары и прежние человеческие ценности уже никогда не вернуться. Слава Богу, мы ошибались!

И только теперь я отдаю дань светлой памяти отца. Всю свою жизнь, от молодости до пенсии, он посвятил пашне, хлебу; вся она, по дням и неделям, расплёскана по полям, которые тогда и называли по количеству гектаров: “триста десять”, “двести тридцать”.

Прямой, честный, трудолюбивый — таким отца знают в нашей деревне. Таким его помнят и любят до сих пор. И эти эпитеты, я думаю, применимы к большинству людей его поколения; поколения, которое, к сожалению, уже ушло; поколения, которое было лучше, твёрже, благородней нас. Не за медалями, деньгами, титулами ринулись они на целину. Они, на себе испытывшие голодное военное и послевоенное время, пошли выращивать хлеб, чтобы накормить всех, чтобы больше не было голодных, чёрт возьми!

Именно они сделали Казахстан мировой хлебной державой. Честь им и Память!

Кого только не было в нашем совхозе: русские, казахи, украинцы, немцы. На каждую уборку приезжали гудулы из Западной Украины — комбайнеры, помогать нашим. Рота солдат на “военных” машинах возила зерно на ток.

Армяне катали асфальт.

Белорусы строили коровники.

Целинный посёлок — это весь прежний Союз в миниатюре. Информацию о жизни в других республиках мы получали из первых уст.

Поздней осенью, после вспашки зяби, вчерашние герои жатвы распределялись на зимние работы: в мастерские, машинный двор, котельную, скотобазы. И никто не жаловался, не обижался, не прикрывался прежними заслугами. Шли туда, куда послали.

Животноводческие базы располагались за пределами села. Кормить, поить скот, убирать навоз надо было три раза в день: рано утром, в обед и вечером. А при наших свирепых буранах — это не легко и не просто. Тем более что замерзали в буран очень часто, почти каждую зиму. Ведь непогода не отменяет рабочего дня у скотника, активированных дней в селе не бывало. И смерть по дороге на работу или с работы, посреди разъярённой стихии, иногда в нескольких метрах от жилья, виделась нам в образе таинственном и загадочном.

Умерших хоронили всем селом: проводить усопших в последний путь считали своим долгом все, даже дремучие старики и ветхие старушки. Кто не мог идти до кладбища, тот просто выходил на дорогу, к процессии.

И руководство совхоза, и простые люди помогали родственникам умерших: морально, материально.

Сейчас я твёрдо уверен — это и было нашим целинным братством. “Было”, потому что уже не будет, времена не повторяются. Немцы, почти все, уехали в Германию. Много наших коренных целинников перебралось в город. Много незнакомых осело в Трудовом.

И горе здесь уже не то, и счастье — тоже.

Сейчас в нашем селе новое кладбище, у самой опушки Малого Карагача, возле старого машинного двора. Вокруг, куда ни глянь, поля — “сто двадцать”, “триста десять”... И лежит на этом кладбище мой отец, а вокруг — могилы его друзей, товарищей, с которыми он трудился на этих самых полях. Все — прекрасные люди. И земля отцу досталась своя, родная, и места эти исхожены и изъезжены им вдоль и поперёк.

И ходил я по этому кладбищу, читая на памятниках с детства знакомые фамилии: Зотин, Бачанов, Мукомел, Гопфауф...

Ты — дома, папа, ты навсегда дома.

Ты на своей родной целине; ты, папа, был её частью, а теперь стал её плотью.

Ты её всегда одухотворял и любил, и она отвечала тебе тем же.

И ещё, ты был по-настоящему счастлив.

Отчего же так кружится голова и першит в горле?

Отчего всё вокруг чужое?

Почему всё осталось в прошлом?

Нет ответа. Есть только утверждение.

Теперь всё, исключительно всё в прошлом. И слова, которые послушно ложатся на бумагу, тоже часть прошлого. И посвящены они прошлому; прокатилось оно курьерским поездом: и пыль в дали и дым в глазах; надо думать о прошлом, потому что оно — наше настоящее, наше будущее. И как бы ни складывалась жизнь сегодня, а всё уносится, но не всё забывается. И жизнь, и годы, и любовь — несутся, нет им остановки. Катится поезд к нашей последней станции, проходит положенный ему путь без остановки и не знает промедления на этом пути, который зовут жизнью. И дым в дали и пыль в глазах. Остановиться бы, вернуться бы, но нельзя, можно только обернуться назад и увидеть себя ребёнком. И как бы ни был тяжёлый день сегодняшней, надо найти в себе силы смотреть в завтрашний, который, быть может, несёт в себе печали ещё горше, а может — избавление от них.

Значит, грустить не надо; значит, ничего не кончается; значит, смерти нет...

г. Астана.

Юрий ПОМИНОВ

Виктор, брат Павла

**Виктор Николаевич
Васильев.**

Павлодарское Прииртышье подарило миру немало известных людей — звёзд первой величины. Среди них поэт Павел Васильев, чьё имя павлодарцы помнят и чтят. Именно в нашем городе действует единственный, уникальный в своём роде дом-музей Павла Васильева. Ежегодно проходят в Павлодаре Васильевские чтения. И каждый год, в декабре, на них по традиции приезжает Виктор Николаевич Васильев, младший брат Павла. Его жизнь и судьба заслуживают того, чтобы рассказать о них особо.

“Я помню детство вольное, степное...”

Это строки из стихов Виктора Николаевича, посвящённых Павлодару, который неплохо запечатлелся в его детской памяти. Родился Виктор в 1919 году (почти на десять лет позднее Павла), из Павлодара в Омск семья уехала в 1927 году. Он помнит маленький пыльный городок в степи, табуны диких лошадей, отары овец...

Нередкими гостями в доме Васильевых были окрестные казахи (тогда их называли киргизами). В таких случаях во дворе, под навесом, стелили кошму, ставили самовар... Отец с гостями садились, скрестив ноги, вокруг низкого дастархана, пили чай с баурсаками.

Оба деда (и по отцовской, и по материнской линии) и родители говорили по-казахски... Дед по отцу, Корнила Ильич, всю жизнь был пильщиком — вручную разделявал вдоль деловую древесину (брёвна). Много позже Виктор Николаевич представит его в стихах так:

*Дед Корнила был дед здоровый —
Рост саженный и бычий глаз.
Он на игрищах гнул подковы,
Четверть водки хлестал за раз.*

Отец по матери, Матвей Васильевич Ржанников, занимался мелкой торговлей.

Мать, Глафира Матвеевна, была женщиной по тем временам весьма образованной, закончила гимназию. Она вела домашнее хозяйство, воспитывала четырёх сыновей. У Виктора Николаевича есть проникновенные стихи, посвящённые ей, которые так и называются — “Матери”. (“Высокий вал причёски пышной и синь июньская в глазах...”).

Впрочем, главным авторитетом, а следовательно, и воспитателем в семье был всё же отец. Он окончил учительскую семинарию в Семипалатинске, преподавал математику (даже учебник написал по методике её преподавания), был директором школы. Отличался прямым, резким, своенравным характером. Виктор написал о нём в стихотворении “Гости”: “Николай Корнилыч Васильев — волос витый и голос гром...”. Плавать сыновей отец учил весьма своеобразно: шёл с ними на Иртыш и бросал в воду. Пока новичок ещё барахтался, хладнокровно наблюдал; когда тот начинал тонуть — вытаскивал и после небольшой передышки опять бросал. И так — пока не поплывёт. Неудивительно, что Павел уже в девять лет переплывал Иртыш. Да и все остальные братья были отменными пловцами, заядлыми рыбаками, любили путешествовать.

**Братья Васильевы:
Борис, Павел, Виктор.**

Васильевы часто переезжали: Павел родился в Зайсане, Виктор — в Петропавловске, а когда ему, младшему, было восемь лет, в 1927 году семья переехала в Омск.

Чуть раньше уехал из дома Павел, отличавшийся дерзким независимым характером. “Он даже молодой жил у нас будто сам по себе, — сказал Виктор. — Сначала хотел учиться в институте иностранных языков во Владивостоке, потом работал на золотых приисках, где-то плавал, путешествовал”.

Дома Павел бывал наездами. Однажды выскочил рано утром из прокуренной комнаты и воскликнул: “Слушайте, только что написал!”. Это было стихотворение “Лето”, ставшее впоследствии

небольшой поэмой, которая теперь хорошо известна.

Конечно же, атмосфера в семье, литературные занятия Павла наложили свой отпечаток и на формирование личности Виктора, которого связывали с братом достаточно ровные отношения. “С Борькой и Лёвкой я дрался, — говорил он мне о других своих братьях, — а с Павлом — никогда”. Уже в шестнадцать лет Виктор написал первую поэму “Джурбай” — о войне-сподвижнике Амангельды Иманова, отослал её в столичный журнал (кажется, “Красный воин”). Ответ, правда, пришёл неутешительный.

Отец был недоволен: мало мне одного поэта — и этот туда же... Впрочем, стихи писали и два других брата — Борис и Лев, печатались в местных омских газетах. Или пример брата оказался заразительным, или время было такое...

Из Москвы Павел приезжал домой всё реже. Виктор закончил школу, поступил на учительские курсы, с правом заочного обучения. Четырёхгодичный курс прошёл за два года, сдав экзамен экстерном. Вся жизнь впереди — только жить...

Но над семьёй уже нависла зловещая тень 1937 года... Из Москвы приходили невесёлые известия о брате, о его “нехорошем” поведении... Сам основоположник пролетарской литературы Максим Горький посвятил Павлу и его вольнодумным друзьям критическую статью, где заявил о том, что от их ресторанных забав и хулиганства до фашизма расстояние короче воробьиного носа. После чего и родилось известное четверостишие, имевшее в ту пору хождение в столичных кругах:

*Закрывай, Маруся, шторы,
Прикажи на стол накрыть —
Алексей Максимыч Горький
Приказали дома пить.*

Всё же есть свидетельства о том, что А. М. Горький пожалел о столь суровой оценке в адрес Павла (хотя его ресторанных выходок несколько при этом не оправдывал), пытался кое-что предпринять в противовес ранее сказанному, защитить талантливого поэта. Но машина, не знавшая простоев и пощады, была уже запущена... Знакомая Васильевых, работавшая в библиотеке Верховного Совета, написала в Омск родителям, что Павла арестовали, когда он выходил из парикмахерской. Отец высказался как всегда резко: “Довыступался...”. Мать была в ужасе.

Следствие по делу Павла оказалось недолгим. Когда его вторая жена, Елена Вялова, в очередной раз принесла в тюрьму передачу, ей ответили, что Васильев убыл в дальний этап. На самом деле это означало, что его нет в живых.

В 1937 году и началась для Васильевых череда несчастий. Сначала уволили с работы, а в 1940 году арестовали отца — читал стихи своего сына, не боясь говорил, что тот очень талантлив. В том же году скончался от туберкулёза в возрасте 24 лет брат Павла и Виктора — Борис. В 1941 году к Васильевым пришёл оборванный, измождённый человек и сообщил, что их отец, Николай Корнилович, умер в Юргинских лагерях, под Новосибирском. Вскоре после этого семью Васильевых из Омска выслали в Щербакульский район: мать, жену Виктора, Нину Николаевну с маленьким сыном. Второй его брат, Лев, к этому времени уже погиб на фронте. Мать ездила по деревням, брала заказы на шитьё, рассчитывались с ней продуктами — тем и жили. Умерла она в апреле 1943 года, ненадолго пережив мужа и убитого на войне сына.

Так за шесть с небольшим лет из всего некогда могучего васильевского рода остался один Виктор.

“Я помню ночи Сталинграда...”

После окончания учительских курсов Виктор стал преподавать в старших классах — сначала в Называевской сельской школе, а потом и в Омске — новую историю, основы Конституции. И хотя у него, как учителя с высшим образованием, была бронь, в июне 1942 года Виктор был призван в армию. Несколько месяцев учился в полковой школе под Москвой, а в октябре в чине старшего сержанта был отправлен под Сталинград, где завязалась страшная мясорубка. Зенитные батареи прибыли эшелонам на станцию назначения и, едва высадившись, с ходу вступили в бой. По немецким “тиграм” били из 85-миллиметровых зенитных орудий прямой наводкой, чуть не в упор. 19 ноября под хутором Девяткиным наши прорвали фронт..

Виктор был командиром дальномерного отделения зенитной артиллерии 227-го отдельного дивизиона резерва Главного командования. Дальномерщики у артиллеристов-зенитчиков — привилегированная каста, но судьба его и вовсе могла быть иной: ведь как специалиста с высшим образованием Виктора должны были направить в военное училище, в крайнем случае — на офицерские курсы... Но как мог брат “врага народа” быть офицером?

... Когда покончили с Паулюсом, их дивизион — через Старобельск-Купинку — перебросили под Харьков. Зенитчики прикрывали от воздушных налётов наши передовые части. Немецкие самолёты “Юнкерсы”, “Хейнкели” шли тучами... Пикирующие “Ю-387” (зенитчики называли их “лаптями”) разворачивались со стороны солнца и падали к земле в пике. Дальномерщики выдавали зенитчикам данные для стрельбы. Дальномер приближает цель в 24 раза, и Виктору не раз приходилось видеть, притом отчётливо, сосредоточенные лица немецких пилотов в кабинах самолётов.

Случалось и самолёты сбивать. Правда, стреляли обычно три батареи и, какая именно, а тем более, какое орудие отличились, определить было затруднительно... Но, судя по всему, Виктор и тут был не из последних: уже к лету 1943 года имел медаль “За боевые заслуги”, орден Красной Звезды.

Тем самым летом дивизион стоял в районе узловой станции Сватово, под Харьковом. В небе появился немецкий “Фокке-вульф-189”, корректировщик и разведчик. Они часто кружили над нашими частями. Батареи открыли огонь, самолёт улетел, выбросив напоследок кипу листовок. Подбирать их было строжайше запрещено, но всё же кое-кто подбирал, обычно на куруво. Взял и Виктор одну, посмотрел. На одной стороне были изображены Сталин, Рузвельт, Черчилль, стоявшие у карты Германии в виде маленькой медвежьей шкуры, а подпись гласила что-то вроде: вот, мол, делят шкуру неубитого медведя. А на второй стороне генерал-лейтенант Власов жмёт руку нашему лётчику-перебежчику. Дивизион был сибирский, большинство парней из медвежьих углов, даже читать толком не умели... А он, все знали, грамотный, даже стихи печатал во фронтовой газете “Вперёд, на врага!”.

“Ну и что там фрицы пишут?” — спросили знакомые парни-сибиряки. Он сказал. Кто-то, видно, донёс. Той же ночью его подняли: “Старший сержант Васильев?” — “Так точно!” — “Вы арестованы!”. Сразу сорвали погоны, награды.

Арестовывал Виктора Николаевича “Смерш”, в вину ему поставили не только листовку, припомнили брата — “врага народа”, подводили под расстрельную 58-ю статью. Он ничего не признавал, и тогда следователь говорил ему: “А ты знаешь, Васильев, я бывший боксёр...”. Двое автоматчиков держали Виктора под руки, а следователь бил в живот, грудь. Бил профессионально, пока кровь изо рта не шла...

Суд военного трибунала проходил под открытым небом. За столом, покрытым красным кумачом, уселись несколько человек. Судили тоже сразу нескольких. Оправдательных приговоров не было. Приговорённых к смертной казни отводили недалеко в овраг и тут же расстреливали. Виктору Николаевичу, можно сказать, повезло: ему дали “всего” десять лет. Плюс пять лет поражения в правах — была в ту пору такая формулировка.

Меньше года воевал старший сержант Васильев. Стихов о войне у него немного. И почти все они — грустные. Вот одно четверостишие:

*Я помню ночи Сталинграда
И обречённость рот штрафных,
Но я-то всё ж остался жив,
“Червонец” получив в награду...*

“Был я эком стопроцентным...”

Весь свой десятилетний срок Виктор Николаевич отбыл, как говорят, от звонка до звонка. Достался ему один из лагерей на Северном Урале — “Усольлаг”, что неподалёку от Соликамска. Как политическому Васильеву полагался исключительно “ТТ” — тяжёлый труд. Таковым здесь был лесоповал. Зимой лютовал мороз, снег под деревьями был по пояс, а то и по грудь; сначала утапывали его, а потом пилили дерево двуручной пилой. Летом не давал житья гнус — тайга есть тайга. Норма — четыре кубометра на брата, по ней и паёк.

На лесоповале редко кто выдерживал больше трёх-четырёх месяцев. Бывшие интеллигенты, те вообще мёрли как мухи. Двадцатичетырёхлетний Виктор с первого захода выдержал год. И лишь потом его вывезли на подсанках в зону (сам идти не мог) и определили в специализированный десятый барак — барак смерти. Заключённые в нём умирали каждый день, иногда сразу по несколько человек.

Васильеву поставили четвёртую группу инвалидности. При ней полагалось в сутки 400 граммов хлеба, а к нему утром миска баланды (из турнепса или нечищенной картошки — был специальный приказ по ГУЛАГу: готовить з/к только из нечищенной картошки, правда, мытой), в обед каша, вечером — жиденький суп. Поправиться на таких харчах было трудно, но зато не надо было и работать.

Какое-то время Виктор Николаевич находился между жизнью и смертью и, скорее всего, умер бы, но ему опять “повезло”... Их, полудоходя, отобрали человек сто и послали по этапу в ОП — оздоровительный пункт — в Соликамск. Там они работали в ремонтных мастерских и могли почти досыта есть хлеб и кашу. Хлеб Виктор брал даже с собой, прятал в тумбочку, а ночами вставал и ел. За два месяца он поправился на 20 килограммов. Потом его вернули на зону и опять определили на “ТТ”, то есть на всё тот же лесоповал.

И так — до 1947 года. Однажды, уже весной, в апреле, их вели с работы из зоны оцепления в жилую. Прозвучала команда: “Бригада, садись отдыхать!”. Виктор сел прямо на землю и от усталости заснул. И заработал крупозное воспаление лёгких. Положили в лагерную больничку, которой заведовал бывший ветеринар-бандеровец Осадчий и из которой мало кто выходил своими ногами. Спасла Васильева здешняя медсестра из вольнонаёмных, Дуся: в больничке кормили раз в день, обеда не полагалось вовсе, а она таскала ему еду из дома.

Именно 1947 год был для Виктора Николаевича самым тяжёлым за весь его десятилетний срок: он буквально доходил, как говаривали лагерники — некогда плотный, жилистый мужик весил всего 47 килограммов. Всерьёз подумывал о том, чтобы отрубить себе все пальцы на руке (а там — будь что будет) и даже повеситься... Всё же характер, воля к жизни оказались сильнее.

Что было потом? Всё то же. Оздоровление в соликамских реммастерских, а после, в марте 1948, снова “ТТ”, лесоповал. Казалось, к этим нечеловеческим условиям никогда нельзя привыкнуть. А он смог, приспособился, из доходяги стал лагерником-трудягой и даже заматерел, пройдя не только лесоповал, но и все эти бараки усиленного режима, штрафные изоляторы, в том числе изолятор Кровавый Сим, который был хуже любой зоны и любой тюрьмы.

Об этой страшной полосе его жизни им написаны стихи “Мне ломали руки на допросах”, “Была баба среди тайги” (“Колоски”), “Довод”, “Газеты пишут”. Пересказывать стихи — неблагоприятное занятие. Те, кто их слышал в исполнении автора, не раз испытали то, что называют — мороз по коже. О лагерной жизни — выпущенная им в Омске книга прозы “Образцовая зона”, 15 тысяч экземпляров которой разошлись почти мгновенно.

Но была в его лагерной жизни совершенно особая пора, когда Виктора Николаевича, уже к концу срока, вдруг назначили заведовать лесобиржей. Удивительным здесь было, во-первых, то, что эту должность доверили политическому (ведь это, конечно, ещё не воля, но и уже не совсем зона). А во-вторых, то, что лесобиржа была сплошь женская: здесь женщины-заклѹчѹнные валили лес и сплавляли его по реке. А он за восемь лет отсидки почти забыл, как они выглядят — женщины.

— Когда меня представили на лесобирже в новом качестве, я произнёс речь, — рассказывает Виктор Николаевич, — про то, как нужен лес великим стройкам страны, про дисциплину, порядок, — а зѹчки-уголовники (их сразу видно: губы и брови химическим карандашом накрашены, вид у всех вызывающий) кричат мне: “Хватит про работу — про любовь давай!”

Впрочем, и об этой “романтической” поре своего срока, где также всего было вдоволь, светлого и печального, комического и трагического, Виктор Николаевич хорошо рассказал в небольшой талантливой повести “На Вильве-реке”. Правда, широкому читателю она мало известна, потому что опубликована в Омском альманахе “Иртыш”, вышедшем совсем небольшим тиражом.

Летом 1953 года кончился его десятилетний срок, и бывший лагерник вместе с земляком, вором-карманником Толиком Косым, отправился сначала под конвоем в Соликамск, где была пересылка, а уже оттуда на поезде домой, в Омск.

По приговору Васильеву, как политическому, полагался “101 километр”. Но ему помогли выправить документы с правом проживания в самом Омске.

По пути вполне мог схлопотать ещё один срок, уже по уголовному делу. Их с Толиком попутчицей в поезде оказалась выпускница техникума, которая ехала по распределению в Свердловск. Она была хороша собой, Виктор всю дорогу читал ей стихи, она их обоих подкармливала домашней снѹдью. И вдруг у неё пропали золотые часики — подарок матери. Виктор вывел земляка-карманника в коридор: “Ты взял?”. Тот обиделся: “Ты что, братан, век воли не видать!”. Спасла вчерашних заклѹчѹнных, на которых, конечно же, сразу пало подозрение, попутчица. Она тѹрѹдо сказала пришедшим милиционерам: “Нет, они не брали, это точно”. И только когда расстались с девушкой в Свердловске, Толик признался, что часы увѹл он.

“Убью, как собаку!” — схватил его за грудки Васильев. Тот божился, что всё произошло помимо его собственной воли: мол, не мог устоять, рефлекс сработал, как только увидел золотые “бока” (так на блатном жаргоне именуют часы).

Таковы были нравы в уголовном мире, и единственное, что мог сделать Виктор — постарался как можно быстрее избавиться от бывшего сокамерника.

Васильев отбывал весь срок без права переписки, не получая вестей из дома сам и ничего не сообщая о себе. Поэтому он не знал, что с женой и с сыном. Сына оставил, когда тому не было и трёх лет, теперь должно было быть 13. У своего дома встретил девочку: “Ты Нину Николаевну знаешь?” — “Учительницу? Да”. — “А сына её, Валерку?” — “Да тут он, во дворе голубей гоняет”... Пришёл сын, сели на лавочку. “Ты здесь живёшь?” — поинтересовался отец. “Да, — ответил сын, — и помолчав, спросил: “А ты мой отец?”.

Побежали за женой. Увидев мужа, она упала в обморок: ей ещё в 1943 году официально сообщили, что муж погиб в 1943 году под Сталинградом, даже пособие как жене погибшего выплачивали...

Надо было снова начинать жить, а жизнь никак не налаживалась. В паспорте, который выдали Васильеву, был штампик с вроде безобидной цифрой 59. Это означало, что владелец документа политически неблагонадёжный, и ему автоматически закрывался путь на любую приличную работу. Завкадрами предприятий, куда приходил Виктор, шарахались от него, как от прокажённого.

За неимением лучшего, устроился в речной порт грузчиком. Силёнка ещё была: таскал в трюм стокилограммовые мешки с сахаром, а с крахмалом — и по 120. Кем только в те годы он ни работал — разнорабочим, швейцаром, фотоагентом, слесарем-ремонтником. Чего греха таить — и бомжем довелось пожить, когда со второй женой рассорился...

В 1960 году вызвали в КГБ. Встретили на удивление вежливо, увидел на столе у офицера своё “дело”. Объявили о полной реабилитации... А награды, кстати, так и не вернули...

В 1962 году в одной из местных газет опубликовали первый рассказ “Последняя встреча” — о Павле Васильеве. Писал сперва прозу, а потом и стихи. Но почти не печатали. Лишь через 12 лет Западно-Сибирское книжное издательство выпустит его первую книгу “Детство Павла Васильева”. Продержали рукопись там около трёх лет и гонорар автору заплатили по минимальной ставке — как за техническую литературу.

А он всё писал, посылал свои рукописи в журналы “Новый мир”, “Юность”, “Огонёк”, издательства. Отзывы отовсюду шли благожелательные, но не печатали. В 1983 году снова вызвали в КГБ. Беседовавший с ним высокий чин сказал: “Рассказы ваши хороши... Но писать об этом не надо”. После чего с Васильева взяли обязательство не выступать против Советской власти (чего он, впрочем, никогда не делал) и велели принести всё им написанное. И он принёс 27 тетрадей...

Потом его рассказы увидят свет и в “Москве”, и в “Молодой гвардии”, даже в журнале “Трезвость и культура”, в местных альманахах. В 1991 году Омское книжное издательство выпустит 15-тысячным тиражом небольшую книжку его повестей и рассказов. Его примут в Союз писателей России. Но всё это будет потом...

“Он был и есть поэт из самых лучших...”

Сам Виктор Николаевич оценивает свои литературные способности более чем скромно. А вот брат Павел, убеждён он, отмечен особым даром. Как заявил Виктор Николаевич в одном из своих стихов:

*Он был и есть поэт из самых лучших,
Поэзии разбойный атаман.*

Виктор Николаевич считает, что ещё не весь Павел Васильев пришёл к читателю, что он ещё не встал в полный рост: его мало издают, а потому мало знают. И сам Васильев-младший старался в меру своих сил восполнить этот пробел.

Павлодарцам он стал хорошо известен и даже близок во многом благодаря директору дома-музея Павла Васильева Лидии Григорьевне Буневой. Сама она — искренняя и преданная поклонница Павла Васильева, собирательница его творческого наследия. И с Виктором Николаевичем её связывала многолетняя дружба, они стали по-настоящему близкими людьми. Именно благодаря Л. Г. Буневой, а затем сменившей её на этом посту Л. С. Кашиной, ни одни Васильевские чтения в Павлодаре не обходились без участия Виктора Николаевича.

Мы тоже не один год были знакомы с Виктором Николаевичем. И в декабре 1996 года я решил записать его на диктофон — некоторые из эпизодов жизни, стихи, его собственные и брата, воспоминания Виктора Николаевича о Павле. Я расшифровал эту запись и хочу часть её привести здесь — без прикрас и правки, как она звучала из уст самого В. Н. Васильева. Допускаю, что кто-то может обнаружить в этой записи какие-то неточности, некоторые несовпадения с “каноническим” образом Павла и его “официальной” биографией, другие “шероховатости”. Но воспоминания эти ценны сами по себе уже тем, что брат говорит о брате. Говорит любя, но не приукрашивая.

“Павла я хорошо помню. Он был человек очень обаятельный. Женщины им просто очаровывались всегда. Как семьянин, теперь думаю, он никуда не годился — жить только одной своей семьёй он, наверное, никогда бы не смог...

Это был какой-то орёл... Или магнит, что ли, который притягивал к себе. Женщины его особенно любили, и он любил женщин.

Но нрав у него был половинчатый — сказывались гены отца и матери. Он, если его оскорбляли, приходил в ярость неописуемую и мог убить человека...

Но и отходил быстро — это уже материно... Мне кажется, он вообще никого в мире не боялся, кроме отца. А отца всё же побаивался. Отец наш был семь пудов весом и ростом под два метра, и он пощады никому не давал. Это был умный, правильный человек, но очень и очень строгий... Павел, когда к нам приезжал, уже будучи известным поэтом, отцу старался не перечить и был при нём смирный. А отец обычно говорил так: “Ты поэт, а мне на это наплевать: я тебя породил, я тебя и убью”. Как Тарас Бульба.

Павел приезжал к нам редко. В 1929 году уехал в Москву, а отцу сказал: “Я поехал завоёвывать Москву”. Так и сказал. И правда: уже где-то в возрасте 21-22 года его знали во всей России. У него даже такая шутка была. Когда его спрашивали, кого вы считаете лучшим поэтом в Союзе? — отвечал: “Это три поэта: Васильев, Васильев Павел и Васильев Павел Николаевич”.

Ну, хулиганил, конечно... Хотя надо отделять его поэзию от хулиганства... Ведь и Пушкин хулиганил по-своему... И в XIX веке литераторы тоже... Я в 1974 году был у Елены (Е. Вялова-Васильева — вторая жена

поэта. — Ю. П.), видел материалы, где говорится прямо: в присутствии Павла Васильева считать себя в безопасности нельзя... Такой он был... Мать его страшно любила, а отец переживал...

Я случай помню. Он приехал к нам в 1933 году. Мне было 14 лет, а брату Борьке — 17. Пошли мы рыбачить — Павел любил рыбачить. А рано пошли... Часов в восемь утра приходит парочка. Начали раздеваться. Павел говорит: “Видите, мы рыбачим”. Мужик ему сказал: “Иртыш твой, что ли?” — и полез купаться, а женщина за ним. Павел разъярился и стал их топить. Хорошо что мы вдвоём с братом были — оттащили, а то бы утопил обоих.

Поэту Сергею Васильеву он как-то раз яичницу на голову надел.

В другой раз в ресторане Дома литераторов спрашивает у профессора (я его фамилию забыл): “Ты лекции за деньги читаешь?” — “Читаю”. — “Сколько берёшь за час?” — “100 рублей”. Вытаскивает кошелек, даёт ему 200 рублей... Читай, говорит, два часа... Схватил его за пуговицу и крутит... Вот он ему и читал... Безобразие, конечно...

У него был друг-лошадник, поэт Николай Титов. Я был знаком с ним, он застрелился в 57 году в Алма-Ате. Они учинили драку в “Метрополе”. Павла милиция схватила, тащит его к выходу, а он всё голову назад поворачивает и кричит Титову: “Колька, ты добей там кактусы, а то я не все разбил!”.

В 1934 году за хулиганство его посадили в Бутырку. Он написал оттуда письмо Горькому. Тот ему отвечает: мол, вы надежда нашей поэзии, но вы так хулиганите... А от хулиганства до фашизма расстояние короче воробьиного носа... Но милостиво написал... Павла выпустили, раз Горький вступился... Потом он ходил по Москве — такой же бесшабашный, весёлый... Не знал, что ему грозило... Сочинил и читал друзьям четверостишие:

*Выпил бы я горького,
Да боюсь я Горького —
Горького Максима...
Ах, невыносимо!*

Он был по природе хохмач, весельчак. Экспромты на ходу сочинял. Однажды прямо при деде сочинил — дед был по материнской линии, Матвей Васильевич Ржанников.

*Когда не знал я счёта лет
И не носил подштанников,
Стегал меня верёвкой дед —
Матвей Васильич Ржанников.*

Поэту Сергею Островому он написал акростих за семь минут. Кто ещё это делает?

Он вообще писал где попало, где придётся. Ему ничего не надо было выдумывать — стихи у него, наверное, где-то внутри всё время сидели...

Профессор Выходцев, известный ленинградский критик, говорит в своей книге о Павле, что он по существу писал даже не полных десять, а только семь лет: то путешествовал, то сидел...

В поэзии Павел стоял как бы в стороне, особняком. Расул Гамзатов сказал, что Павел Васильев — это отдельный аул, отдельная сакля.

Его сравнить ни с кем нельзя и спутать нельзя. Читая его, сразу видишь — это другой поэт. Много поэтов можно спутать, не узнать, а его — нет. У него особая статья и особая поступь.

Ну вот, к примеру:

*В степях немятый снег дымится,
Но мне в метелях не пропасть.
Одену руку в рукавицу,
Горячую, как волчья пасть.
Плечистую одену шубу
И помяну любовь свою.
И чарку поцелуем в губы
С размаху насмерть загублю!*

Ну кто так скажет? Никто. У него был свой способ письма, свои метафоры, выражения, присущие только ему — Павлу Васильеву.

Он был так же велик, как Есенин или Маяковский... Маяковский — тоже великий поэт, хотя некоторые его хают. Но великое уничтожить нельзя...

Сейчас Павел вошёл в хрестоматию. В Литературном институте профессор Сорокин читает курс по Павлу Васильеву... А где те, кто десятки лет мелькали на страницах журналов, газет? Нет их, нету...

Он такое завораживал, что уму непостижимо... Вот:

*Четвероногие, как вымя,
Торчком, по-псиному разинув рты,
С глазами кровяными,
В горячечном, горчичном дыме
Стояли поздние цветы.*

А его “осетры, тяжёлые, как бивни”. Образ, и ещё какой! Нет, он был поэт!

А как он читал свои стихи! Я помню... Он так читал, что люди привставали со своих мест...”.

Есть известный портрет Павла Васильева 1932 года: рубашка с открытым расшитым воротом, кудрявая голова, прямой, дерзкий взгляд. В свои немолодые годы Виктор Николаевич кажется мне удивительно похожим на своего тогдашнего брата. Особенно, когда читает его стихи. Одна рука в кармане, вторая на отлёте впереди; седая шевелюра до сих пор не утратила своей пышности. И сам он сухой, осанистый, как будто распрямляется... Кто поверит, что за спиной у него десять страшных лагерных лет и что ему — восемьдесят. И всякий раз зал замирает, когда он своим хриплым, но не потерявшим упругости голосом читает собственные стихи — “Деда Корнилу”, “Дуську Моргунову” или “Тройку” Павла.

Виктор Васильев читает стихи Павла Васильева.

Какой расточительно щедрой была природа по отношению к братьям Васильевым! Ничего для них не пожалела, всем наградила, да ещё с избытком: и здоровьем, и удачей, и талантом, и статью. Как круто была замешана васильевская порода, как благодатно-буйно цвела на вольных просторах Казахстана и Сибири, черпая живительные соки из этой неброской земли, которой всегда хватало на всех; пила воду из просторного Иртыша — “князя рыб и птиц”, дышала — не могла насытиться — этим с горчинкой воздухом, настоенным на степных богатых травах... Им бы жить и жить... Они бы ещё столько успели...

... Виктор Васильев читает со сцены Павла Васильева. Пожалуй, никто не прочтает Павла лучше, никто не сможет так “выдать” неповторимые васильевские образы. Наверное, ещё и потому, что Виктор Николаевич едва ли не последний, кто слышал, как читает свои стихи сам Павел.

Во время очередного приезда в Павлодар в декабре 1998 года Виктор Николаевич по давно установившейся традиции пришёл в дом-музей Павла Васильева. Хотел бы написать — в свой дом, тот самый, где он жил когда-то вместе с родителями и братьями... Но это будет неправдой. Лет десять назад дом отстроен заново, потому что прежний, васильевский, простояв не меньше века, сильно обветшал...

И вот теперь здесь Виктор Николаевич, обычно в узком кругу, встречается с теми, кто бескорыстно помогает этому дому, членами литературного объединения имени Павла Васильева, поклонниками его поэзии. Виктор Николаевич рассказывает о брате, о собственной жизни, читает стихи... Обычно устраивается и небольшое застолье... Было оно и на этот раз. И вдруг, в самый его разгар, после нескольких тостов, одна юная особа, невеста как попавшая за стол, восторженно воскликнула:

— Виктор Николаевич, вы так прекрасно смотрите в свои семьдесят, в вас столько энергии, наверное, у вас есть секрет долголетия!

— Ну, конечно, — сказал он, — пока некоторые мои ровесники сидели по кабинетам, наживали радикулиты и геморрой, я, наоборот, вёл очень активную жизнь... Десять лучших лет своей жизни я провёл в тайге, всё время был на свежем воздухе, занимался физическими упражнениями...

За столом стихли разговоры — никто не знал, как теперь разрядить обстановку... Виктор Николаевич почувствовал это и продолжил рассказ:

— И потом я тоже старался вести активный образ жизни. Одно время “бомжевал”, когда после отсидки нигде не брали на работу. Устроился фотоагентом. Два моих компаньона-начальника работали на стационаре, а я был свободным художником — вольносняющим — фотографировал везде, где придётся — на вокзалах, у цирка, на пляжах, словом, на бойких местах... Признаюсь теперь — бывало, и загуливал. Компаньонам это не нравилось: “Нехорошо живёшь, Виктор, неправильно, — говорили они мне. — Ну посмотри, как ты выглядишь и как мы...”. А выглядели они, надо сказать, замечательно: упитанные, розовощёкие — просто излучали здоровье. “С утра полезен кефир, — говорили они, — а ты что пьёшь?” — “Сегодня пока ничего, — говорю, — не пил, но выпью пива, если рубль дадите взаймы...” — “Ты так долго не протянешь!” — предупреждали компаньоны-начальники, но рубль чаще всего давали — всё же они были неплохие ребята...

Виктор Николаевич сделал паузу, вздохнул.

— Да... Так бывает... Я их обоих схоронил: одного лет двадцать, а другого лет десять назад...

Ещё пауза. И его призыв:

— Давайте выпьем за наше здоровье!

Первым опрокинул в рот рюмку водки и, не закусывая, затянулся крепчайшей “Примой”.

... Ещё в тот приезд Виктор Николаевич прочитал нам с С. П. Шевченко своё новое стихотворение. Называется оно “В сумасшедшем доме”. Я привожу его полностью.

*В доме сумасшедшем хорошо —
Шумные весёлые палаты.
Секс в почёте и игра в очко,
Юмор и серьёзные дебаты.
Вот один кричит, что он король,
А другой, что он блатной, в натуре,
И ещё один рисует ноль
На задрипанной задорновской купюре.
Здесь есть воры, алкаши и, кроме,
Кандидаты разных там наук.
Главный сумасшедший в этом доме
Власть не хочет выпускать из рук.
Тут и левые, и даже демократы
Судят о свободах и правах.
Губят Русь весёлые ребята
С огоньком безумия в глазах.*

— Понёс стихи в демократические газеты Омска, — со смехом рассказывал Виктор Николаевич, — говорят: отличные стихи, берём, вы только упоминание о демократах опустите... Пошёл в коммунистическую газету. Прекрасно, говорят, вся наша политическая жизнь — один к одному. Но... левых надо убрать или заменить...

Переделывать стихи Виктор Николаевич отказался. Стихи лежат, ждут своего часа, как и многие другие рукописи, которые могли бы составить не один увесистый том. Виктор Николаевич ничего не переделывал в угоду политической конъюнктуре ни при прежней власти, ни при теперешней. Потому что его самого нельзя ни приручить, ни переделать.

Виктор Николаевич Васильев умер 30 июля 2006 года, лишь немного не дожив до своего девяностолетия.

На склоне лет ему, в общем, грех было жаловаться на судьбу. В 2004 году Омское книжное издательство выпустило большую книгу его прозы “Этап на восьмую”. В ней — всё лучшее, что им написано и что ему удалось сохранить (изъяты в своё время

рукописи так и не вернули). Как заметил во вступлении к книге губернатор Омской области Л. К. Полежаев, при поддержке которого она издавалась, её “можно назвать избранным литературных сочинений, созданных на протяжении многих лет; здесь нашли отражение и сложный, трудный, полный драматизма жизненный путь человека, прошедшего тяжелейшие испытания вместе со своими современниками, и несомненный литературный дар автора”.

Символично название книги, которое ничего не скажет тому, кто не знаком с ней. “Ушёл этапом на восьмую”, — так говорили заключённые, когда один из их собратьев по тем или иным причинам отдавал концы, потому что реальных официальных этапов было всего семь. Можно сказать, те десять гугаговских лет В. Н. Васильева тоже были “Этапом на восьмую”, где он должен был сгинуть без следа, превратившись в лагерную пыль. Но он выжил, и потому “Этап на восьмую” — это его завещание всем нам, живущим.

Как хорошо, что Виктор Николаевич тоже успел порадоваться выходу этой своей книги, подарить её друзьям, близким!

“Этап на восьмую” был представлен в “Просторе” и “Ниве”, опубликовавших рассказы из этого сборника, которые Виктор Николаевич также успел увидеть напечатанными.

В Павлодаре состоялась презентация “Этапа на восьмую” с участием автора. У В. Н. Васильева с давних пор было особое, не побоюсь этого слова — трепетное — отношение к нашему городу, где он любил бывать и куда он всегда стремился. Наверное, ещё и потому, что павлодарцы так же по-особому — трепетно — относились к этому удивительному человеку — хранителю памяти обо всех Васильевых, которому довелось пожить за всех за них.

Виктор Николаевич был уже очень болен, когда увидела свет ещё одна его книга, которую он очень ждал, — сборник стихов “Цветы запоздалые”. Но всё же он успел поддержать её в руках...

... Мы хоронили Виктора Николаевича в солнечный ветреный день — последний день июля. Нас было немного, зато у каждого нашлось что сказать, провожая его в последний путь... Стоя на Западном кладбище Омска, где он нашёл свой последний приют, я думал, что, наверное, лучшей эпитафией на скромном ветеранском памятнике могли стать четыре строки, предваряющие его первую и последнюю прижизненную книгу стихов “Цветы запоздалые”:

*Я всё прошёл: огни и воды
И звон кандалный лагерей...
Я — из Васильевской породы,
Я — из особенных людей!*

Павлодар — Омск — Павлодар.

Виктор ВАСИЛЬЕВ

“Мне ломали руки на допросах...”

(Из книги “Цветы запоздалые”)

К портрету матери

Высокий вал причёски пышной
И синь июньская в глазах,
И нежность губы чуть колышет,
И бархат тёплый в кружевах.

Теперь подобных женщин нету
И многого на свете нет...
Из красоты, любви и света
Старинный соткан твой портрет.

Август, 1984

Моя кукушка

Прекрасны трели соловья,
Как хорошо его послушать,
Но всё ж предпочитаю я
Всем соловьям — одну кукушку.

Река сверкает серебром,
Вокруг всё тихо, первозданно,
Зари далёкой алый звон
Повис над утренним туманом.

В зелёных платьях на опушке
Берёзы встали тихо в круг,
И голос милой мне кукушки
Над ними появился вдруг.

Как чётко он, и как прелестен,
И как разумно не спешит.
Мне никаких не надо песен,
А этот голос — для души...

В нём есть загадка-предсказанье,
Тот голос можно сосчитать...
Ответь, кукушка, кукованьем:
По жизни долго ли шагать?..

Стою, кукушкой очарован,
Смотрю на дивные места...
Как хороша и как огромна
Земная эта красота!..

Декабрь 1991

Василию Фёдорову

Читая Вас, я слышу голос брата.
Есенин в Ваших тоже есть стихах.
То были гениальные ребята
В рубахах ситцевых и в русских сапогах.

Они, как Вы, под сердцем Русь носили,
Играли в гусли, пели под гармонь,
Хоть их обоих недруги убили,
Но не погас поэзии огонь...

Вы, как никто, пропахли нашей Русью.
О, этот запах с детства мне знаком!..
И каждый раз и с радостью, и с грустью
Я фёдоровским увлечён стихом.

Теперь живут поэты мздой и силой —
Кроят из вирш кафтанчик продувной!..
Приветствую вас, Фёдоров Василий!
Как брат Васильева, склоняюсь головой!..
1976

Мне ломали руки на допросах,
Били рукояткой по лицу...
Русский человек всё переносит,
Он привык, сердечный, ко всему.

Руки костяные дистрофии
Мёртвой хваткой жали горло мне.
В стоптанных лаптях я пол-России
Исходил этапом по тайге.

Я на нарах лагерных валялся
(Как желал тогда я умереть!..),
Хлеба никогда не наедался,
Видел только слёзы, пот и смерть.

Потерял обличье человечье,
Жил в кромешной, непроглядной мгле.
Молодость навеки искалечил
Кто-то грязной лапою и мне!..

Скрученные проволокой руки,
Кровь на чистом девственном снегу...
Русских, перенёсших эти муки,
Позабыть никак я не могу!..

Где мой брат? Давно уже расстрелян!
Где отец мой? Той же лапой сбит!..
Под землёю, в ледяной постели,
Вся семья побитая лежит!..

На меня наручники надели,
И живу наощупь, как слепой!..
.....

Всё равно идти к великой цели,
Родина, придётся мне с тобой!

1961

Колоски

Была баба среди тайги,
Среди проволоки колючей:
— Ой, за что меня привезли,
Окаянные, в лес дремучий.
Я в подоле несла колоски,
Жрать несла своим ребятишкам.
Ой вы, родненькие мои —
Нинка, Петька, Афонька, Гришка!
Кабы знала — век не взяла,
Лебеды бы дождалась лучше.
Повыплакивала глаза
За голодные ваши души!..

Баба топчет лаптями снег,
Грязной грабкой грозитя вышкам,
И конвойных весёлый смех
Бедолаге совсем не слышен.

В полутьме, за сто вёрст окрест,
Месяц плыл золотой серьгою...
Кто поставит той бабе крест?
Кто засыплет сырой землёю?

Вот прошло уже много лет,
Но не вспомнит никто погибших.
Мне же чудится этот смех,
И трезвонят рельсами вышки!..

1986

Бык

Он стоит — чужеземный бог.
Не глаза у него — штыки...
А у блеска его сапог
Скалит пёс голубые клыки.

Он здоров, и силён, и рыж,
На фуражке его — орёл...
Он Варшаву брал и Париж —
А теперь вот сюда пришёл...

Блещут молнии страшных зарниц
В окантовке его петлиц,
И безглазая голова
Смотрит с чёрного рукава.

Ему фюрер крест подарил,
За него он костями бы лёг.
Он поляков тышу убил
И евреев две тыщи сжёл...

А на каске — рога торчат.
Он — особой породы бык,
Стариков убивать привык
И насиловать здесь девчат...

Но, как ни был бы он силён,
Справедливость на свете есть.
И в награду получит он
Свой последний берёзовый крест!
1976

И снова...

На трупах застывших немецких сидели.
Нам скалил мороз ледяные клыки,
И кашу горячую с жадностью ели,
Какую доставили в наши полки.

В недавнем бою потеряли полроты,
Но всё же отбили развалин клочок,
И к новому бою зовут нас комвзводы —
До смерти остался один волосок...

И снова среди сталинградских развалин
В промёрзших шинелях ползём на врага,
И вновь пулемёты его застучали,
И вздыбились взрывами снова снега.

Угрюмо над Волгой заря угасала,
Опять мы отбили развалин клочок..
Погибшим товарищам — вечная слава,
Живым же до славы — один волосок...

Кровавые розы в снегу замерзали,
Чтоб снова расцвести в очередном бою..
Не надо мне славы, не надо регалий.
Оставьте мне жизнь молодую мою!..
1997

Ночь

Волчица выла на замёрзшую луну,
И пасть её от холода дымилась,
И россыпь звёзд, украсив тишину,
Холодным светом медленно искрилась...

Заледенели воздух, небеса,
Угрюмо посылала свет Венера,
Загадочная дикая краса,
Казалось, и она обледенела...

Вот так и мы живём теперь в стране
Среди проклятой и холодной ночи..
Признаюсь я, что хочется и мне
Привстать на лапах и завывать по-волчьи!..
Декабрь 1995

Сегодня первое июля,
И я под руку лето взял,
В цветы и травы мы шагнули,
И час наш сладостный настал...

Мы пили мёд из лёгкой чаши
И слушали гуденье ос,
Весь мир был золотом раскрашен
И звоном первых летних гроз.
1970

Год Казахстана на Украине

Людмила ВЛАДИМИРОВА

“Солнечное сплетение” русской культуры

170-летию трагической гибели А. С. Пушкина

“Умышленное, обдуманное убийство...”

“Станный русский народ, — вы уже 150 лет плачете, что его убили”, — сказал молодой американец после экскурсии на Мойке, 12”, — свидетельствует Э. Лебедева (1).

Уже 170 лет... Но не утасает боль и потребность узнать всю правду о гибели Александра Сергеевича Пушкина. Никто из мыслящих и чувствующих не принимал и не принимает “чисто семейного” толкования причин смертельной дуэли.

Исследователь Е. Грот утверждал в статье “Дуэль и смерть Пушкина”, что “злые силы сделали Наталью Николаевну игрушкой и орудием своих чёрных планов. Если бы им не удалось использовать Натали, *они нашли бы другой способ, но Пушкина они всё равно бы погубили*”; “Убит был не ревнивый муж. Орудием гнусных интриг был убит общественный деятель, неугодный тёмным умам” (2; здесь и ниже курсив мой. — Л. В.)

Гибель Пушкина назвал “*умышленным обдуманным убийством*” в письме А. Ф. Орлову 2 февраля 1837 года “неизвестный”, в котором подозревался “священник Малов”, совершавший “чин погребения”. Он же настаивал на “безусловном воспреещении вступать в российскую службу иностранцам”, предупреждал, что, в противном случае, “мы горько поплатимся за *оскорбление народное* и вскоре...” (3, 601-602).

П. А. Вяземский писал: “Несчастливая смерть Пушкина, окружённая печальною и загадочною обстановкою, породила много толков в петербургском обществе; она сделалась каким-то *интернациональным* вопросом” (3, 597).

Академик, директор ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом) Н. Н. Скатов уверен, что Пушкин противостоял графу Нессельроде как “*главная опора русской национальной жизни*”. И поэт выходил на поединок с Дантесом “и за

**Людмила
Борисовна
ВЛАДИМИРОВА**

живёт в Одессе. Кандидат медицинских наук. Ведёт “Литературную гостиную” в Одесском Доме учёных. Плодотворно занимается литературоведением. Её статьи и исследования печатались в “Нашем современнике”, “Российском писателе”, других российских и украинских изданиях. Л. В. Владимирова в феврале 2007 года предложила “Ниве” свою новую статью, приуроченную к 170-летию трагической гибели А. С. Пушкина.

честь страны как её главный представитель”. Что же до “густого, всё время помешиваемого варева, где будут и сплетни, и анонимки, и спровоцированные свидания”, здесь “трудились опытные повара высшей квалификации”, а “Дантес там был всего лишь способным поварёнком” (4; курсив автора. — Л. В.).

Хочу вспомнить и слова видного московского пушкиниста, профессора Института мировой литературы (ИМЛИ) РАН В. С. Непомнящего: “Пушкин по сию пору одна из самых горячих точек нашей душевной жизни, своего рода *солнечное сплетение* русской культуры” (5, 413; курсив автора. — Л. В.); он — “избранный человек, нужный Богу, Отечеству и людям” (5, 277).

А ещё — митрополита Анастасия из его работы к 100-летию гибели Пушкина: “Поэт и творец Божией милостью, он сам явился Божией милостью для Русской земли, которую увенчал навсегда своим высоким лучезарным талантом” (6).

“Пустое сердце бьётся ровно...”, — писал об убийце Поэта М. Ю. Лермонтов. Но и он знал, и мы сегодня знаем, что презренный “киллер” лишь выполнял заказ.

Несомненно для меня, как и для немалого числа исследователей, что “за горестными для России январскими 1837 года событиями на Чёрной речке в С.-Петербурге утрюмо маячит пресловутый масонский циркуль, как бы насильственно очертивший роковой круг жизни Поэта ещё в 1821 году” (7).

В 1821 году Пушкин — в ссылке на юге: в Кишинёве, наезжает в Киев, Каменку, неоднократно — в Одессу.

Хочу сегодня, в дополнение к положениям многих, исследующих “масонский след” в судьбе Пушкина” (картотека работ, посвящённых “следу”, в читальном зале Пушкинского Дома в Санкт-Петербурге исчисляет десятки их...) познакомить и с некоторыми своими находками, мыслями.

“Алчный земляк Брунов”

В статье “О тайне гибели поэта” (8), как и в монографии, посвящённой Тютчеву, В. В. Кожин, видный русский писатель, историк, литературовед (25 января исполнилось 6 лет со дня его смерти), писал об антирусской политике “австрийского министра русских иностранных дел” К. В. Нессельроде. Также, ссылаясь на слова князя П. П. Вяземского (сына П. А. Вяземского, друга Пушкина) об “интернациональном ареопаге”, заседавшем “в Сен-Жерменском предместье Парижа, в салоне княгини Меттерних в Вене и в салоне графини Нессельроде в Петербурге”, — о ненависти последней к Пушкину.

О том же этой “представительницы космополитического олигархического ареопага” свидетельствовали многие (В. Ходасевич, 1925; Г. Чулков, 1938; И. Андроников, 1956 и др.): “В салоне М. Д. Нессельроде <...> не допускали мысли о праве на самостоятельную политическую роль русского народа <...>, ненавидели Пушкина, потому что угадывали в нём национальную силу, совершенно чуждую им по духу <...>. Независимость его суждений раздражала эту олигархическую шайку” (Г. Чулков); “Современники заподозрили в ней сочинительницу анонимного “диплома” (И. Андроников); В. Ходасевич с полной убеждёностью говорил “о графине как заказчице “диплома”.

Что касается исполнителя, В. В. Кожинев приводит версию наркома иностранных дел Г. В. Чичерина о причастности “ближайшего сподвижника” Нессельроде, “чиновника министерства иностранных дел Ф. И. Брунова” (правильно — “Бруннов”. — Л. В.).

Г. В. Чичерин писал П. Е. Щёголеву, увидев в “Огоньке” факсимиле пасквиля, ставшего поводом к смертельной дуэли, что почерк пасквилянта поразил его, “как знакомый”: “Мне кажется, что это почерк Филиппа Ивановича Брунова, многочисленные *Lettres particulieres* (частные письма) которого я читал почти 30 лет тому назад...”. Чичерин предположил, что “злая, энергичная, властная Марья Дмитриевна имела при себе подлизывающегося остроумца Брунова; он её несомненно увеселял после обеда” и, обсуждая с ним гнусную сплетню, вдохновила этого “любителя шалостей и скабрёзностей” на “диплом роконосцев”. “Вы несомненно легко достанете в Центрархиве какое-либо *Lettres particulieres* Брунова для подтверждения моей гипотезы”, — писал Чичерин (9).

Чичерин — из рода “видных дипломатов, хорошо осведомлённых о том, что делалось в министерстве иностранных дел при Нессельроде”, мог опираться и “на богатые семейные предания”: “его дед и другие родственники лично знали Пушкина”, а через тётю он был в родстве с Д. Л. Нарышкиным, о котором говорилось в “дипломе” (8).

Нельзя не согласиться с Кожиневым: “... по меньшей мере странно, что в течение долгого времени никто не занялся” выяснением роли Брунова в “национальной трагедии России”, не провёл соответствующей экспертизы пасквиля (8).

Думаю, небезынтересно и нижеследующее, так как знакомство А. С. Пушкина с Бруновым произошло в Одессе.

Русский биографический словарь (10) подробно рассказывает о головокружительной карьере Брунова (1797—1875). Начинал он “актуариусом при Стурдзе”. Карьерой “был обязан своему красивому почерку, а затем своему французскому стилю” (11). Закончил “русским посланником в Лондоне”, “действительным тайным советником”.

В. Кожинев свидетельствует, что, быв послом в Англии, “Бруннов получал 59 тысяч рублей в год”, другие — существенно меньше, а “оклад самого Нессельроде, поскольку он не имел “посольских” расходов, составлял 17 тысяч рублей”. Бенкендорф же “получал всего лишь 3 тысячи рублей в год” (12, 213).

Русская политика и дипломатия осуществлялась иноземцами. “На первом месте” — “граф Нессельроде — немецкий еврей”, в Лондоне — курляндец Бруннов (12, 331). Известно, что дипломатические таланты князя А. М. Горчакова, лицейского товарища Пушкина, и незаурядного политика Ф. И. Тютчева сдерживались Нессельроде. Когда Николай I личным указом назначил в июле 1854 года Горчакова послом в Вене, Нессельроде был крайне недоволен. Император на возражения министра ответил: “Я назначил его потому, что он русский”. Увы, “было уже невозможно что-либо изменить: Крымская катастрофа разразилась”. Здесь и “деятельность” Брунова, дезинформация сыграла, по мнению Е. В. Тарле, известной историка, автора двухтомного исследования “Крымская война”, исключительную роль: “Роковая роль, которую <...> играл Бруннов, становилась всё пагубнее и пагубнее с каждым днём”. Вводя русского царя в заблуждение

“относительно истинной политики Англии и Франции”, провоцируя Николая “на самые рискованные действия”, Бруннов, пожалуй, делал <...> гораздо больше, чем все английские политики вместе взятые” (12, 339).

К числу “заслуг” Бруннова принадлежит и сдача “Змеинового острова”, других частей территории России, закрытие “Московского Телеграфа” Н. А. Полевого в 1834 году и мн. др. А ещё: “... ему не нравилось, когда молодой человек высказывал свои убеждения, несходные с убеждением начальства” (10, 382).

“Что он сделал для России полезного, я никогда не мог узнать, — писал князь В. П. Мещерский, — <...> такого оригинального и самобытного цинизма, в своём презрении к каким бы то ни было нравственным обязанностям по должности и в своём куртизанстве, я никогда не встречал <...> Какой нации он был, какой веры, так я никогда не мог узнать...”. Князь выражал “удивление каждого, что столько лет мог быть русским послом в Лондоне человек, который ничего не признавал, кроме заботы о своём здоровье, и столько же любил Россию, как любил её любой англичанин”. Как пример откровенного цинизма приводил слова самого Бруннова: “Я всегда говорю моим дорогим соотечественникам, — к счастью, их в Лондоне немного, — если вы имеете наивность думать, что посольство служит для вас, так вы жестоко ошибаетесь” (11). Об этом же — Н. Фирсов: “... граф Брунов был скорее иностранец — чем русский”, “как представитель России среди английского общества, граф Брунов был абсолютно бесполезен” (13). О, если бы только бесполезен!..

Так, М. П. Лазарев писал из Лондона 26 ноября 1850 года: “Касательно осмотра здешних королевских адмиралтейств и всего для нас полезного встречаются немалые затруднения”, — нет рекомендательных писем Бруннова! — “Имея их от такого лица, как посланник, конечно, можно видеть всё беспрепятственно, но г-н Брунов, кажется, думает, что единственная цель наших поездок — заказ судов” (14).

62-летний выдающийся русский флотоводец, адмирал, видный учёный, исследователь Антарктики, разгромивший турок в Наваринском сражении (1827), в 1833-1850 — глава Черноморского флота — и он должен униженно просить рекомендательные письма для дела, “столь важного для нашего флота”?! Уму непостижимо!

М. П. Лазарев скоростижно умер через 4,5 месяца, в Вене, на родине “австрийского министра русских иностранных дел”...

А вот свидетельство князя П. А. Вяземского: “... во время Крымской войны, <...> жена Бруннова в прощальных визитах своих разливалась слезами и с горя, Бог весть, что за чепуху несла. Герцогиня Глочестер говорила, что сердиться на неё за враньё её нельзя, потому что она, вероятно, с горя рехнулась. И вот лица, назначаемые правительством нашим для представления Русского достоинства пред Европейскими правительствами! Сам Бруннов, может быть, не плакал, но, без сомнения, унижался пред Английским кабинетом. Бруннов <...> не может иметь чувства народного достоинства. Он, как всякий выскочка, должен был изгибаться перед лордами и трусить перед ними, потому что он изгибается перед всеми высшими. Я видел его в Ораниенбауме: он был пластоном великих княгинь и фрейлин. Сказывают, что эту же роль играл он в Одессе, при дворе князя Воронцова и у князя Орлова” (15).

В Одессе Бруннов подвизался в чине коллежского асессора (8 класс “Табели о рангах”), получив его 9 марта 1823 года. С 12 мая 1823 года в

течение трёх лет он был “чиновником особых поручений”. Составляя “свиту и канцелярию графа Воронцова” вместе “с Казначеевым, Марини, Лексом и др.”, он ещё и редактировал вместе с Левашёвым газету “Одесский вестник”! (16).

Напомним, что в мае 1823 года Пушкин приезжал в Одессу из Кишинёва, а с 3 июля 1823 по 1 августа 1824 года в ней — постоянно. И, разумеется, числясь в канцелярии Воронцова в чине коллежского секретаря (10 класс), не мог не знать Бруннова и “цены” его.

Ф. Ф. Вигель упоминает о Бруннове в свите “самого наместника” и в Кишинёве (17, 205). Как и об участии Бруннова, как секретаря, осенью 1829 года в акте заключения Паленом договора с Турцией: “Пален отправился на председательство в Бухарест и имел неосторожность правителем дел взять с собою *алчного земляка Брунова*, в чём после много должен был раскаиваться” (17, 312; курсив мой. — **Л. В.**).

Граф Пален в то время управлял Дунайским княжеством, а Бруннов занимал должность начальника его канцелярии. “Перед отъездом, — пишет Вигель о Палене, — сделал он другой промах: пал к ногам Ольги Нарышкиной, умоляя её развестись с мужем и выйти за него; она расхохоталась и указала ему двери”. Интересно, что при этом присутствовала... Каролина Собаньская: “Собаньская старалась казаться весёлою, любезною” (18, 217). Разумеется, пассия начальника военных поселений Новороссии, генерала, графа Яна Витта, как и он сам, была хорошо знакома с Брунновым в Одессе. Об этой даме, содержавшей в Одессе салон, где бывало немало иностранцев, “слышалась гортанная восточная речь, мелькали белые чалмы и шоколадные лица” (19) — ниже.

А вот свидетельство И. П. Липранди: он как-то застал Пушкина “очень не в духе” от бала-маскарада у Воронцова. Пушкин рассказал “некоторые эпизоды и в особенности был раздражён на <...> барона Брунова <...> и на улыбку довольства графа. Так как первым условием маскарада было костюмироваться (Пушкин был в домино с маской), то Брунов костюмировался вальетом червей и сплошь обшил себя червонными вальетами. Подойдя к графу и графине и подавая какие-то стихи, на французском языке, он сказал что-то в роде, что — “le valet de coeur fait hommage au roi des coeurs” (“вальет (слуга) сердца отдаёт честь королю сердец”, перевод Р. Чернеги. — **Л. В.**). Пушкин не переваривал этих слов. “Милорд <...> “и чета его приняли это с большим удовольствием...”. Но Пушкин “вдруг расхохотался”, сказав: “А вот кто потешил меня — так это Иван Васильевич”. Поскольку “граф и графиня неотступно просили Сабанеева тоже быть в каком-либо костюме” и, “как ни отговаривался Иван Васильевич, и не ссылаясь на свою фигуру, но должен был наконец обещать и сдержал своё слово, — “как подобает Русскому” — прибавил Пушкин”, то Сабанеев надел фрак, “в котором фигура его <...> не могла не быть смешной. Это бы ещё ничего, но он на шею и на фрак нацепил все имевшиеся у него иностранные ордена (а их было много...) и — ни одного Русского. Пушкин был в восторге, что Сабанеев употребил иностранные ордена как маскарадный костюм” (20).

Более, к сожалению, мы не знаем свидетельств о “каком-то столкновении” Пушкина с Брунновым. Однако, совершенно очевидно противостояние, уже тогда, поэта, “числящегося по России”, и “сына немецкого пастора, сделавшегося бароном и графом” (Г. В. Чичерин), которому чужды интересы России, но чрезвычайно близки страсть к карьере, власти, деньгам.

Кстати, графом Бруннов стал только в 1871, за три года до отставки (21). Баронство же его весьма сомнительно по происхождению. Как и “диплом доктора наук из Иенского университета”. Н. Н. Мурзакевич свидетельствует: “Всем известна лёгкость получения докторских дипломов в заграничных университетах; ценность их простирается от 50 до 100 талеров” (22).

О личной жизни Бруннова в Одессе М. Д. Бутурлин писал: “Бруннов, будучи уже немолодым человеком, женился на вдове генерала барона Лёхнера, одной из первых красавиц” (23). По мнению Ф. Ф. Вигеля, то был “насиженный брак”, очевидно, на той самой “вруше”, “с горя”, что надо покинуть Лондон, “рехнувшейся”. В Одессу её, “бедную шведочку, по имени Брюс”, привёз из Стокгольма “инженерный генерал Лёхнер”. Женился на ней, но она соблазнилась Брунновым. Всем “была известна эта связь, но в снисходительной Одессе мало говорили о том, как о деле самом обыкновенном. Когда же секрет комедии перестал им быть для мужа, он прогневался. Между протестантами получить развод весьма легко; сим не удовольствовался раздражённый Лёхнер, вызвал соблазнителя на дуэль и, так сказать, с пистолетом к горлу, заставил его жениться на соблазнённой. Жили ли Бруновы потом счастливо, сказать не умею, только жили уединённо” (18, 186; курсив мой. — Л. В.).

До сентября 1830-го Бруннов — в Одессе, абонируемый то графом Паленым, то Орловым, то Дибичем в Бухарест, Адрианополь, Константинополь. В 1832-1839 — при Нессельроде в Петербурге, а там и — “заслуженный” Лондон...

Да, слишком многое завязалось тугим узлом в “снисходительной Одессе”...

В ней всё было сложнее, чем принято думать, в “этом мире <...> вежливого коварства и холодного презрения”, где “существование поэта ознаменовывается глухой, внутренней тревогой, мрачным, сосредоточенным в себе негодованием”, где он был “гораздо ближе к политической катастрофе” (24). И Анна Ахматова писала о волне “тяжёлой депрессии, которую Пушкин пережил в Одессе и которую воронцовско-раевская история (и ещё какие-то неизвестные нам обстоятельства) обострила, если не вызвала...” (25; курсив мой. — Л. В.) “Пушкин вообще не любил вспоминать одесский период своей жизни”, — заметил И. А. Шляпкин (26).

Обращаю внимание и на ахматовское: “Почему-то современники Пушкина знали, что отправитель пасквиля был не одинок...”; на слова из мемуаров барона В. И. Левенштерна о “бессердечных людях, лишённых такта”; на упоминание о М. Ю. Виельгорском, который, “очевидно, знал от Пушкина, что не все дипломы были написаны одним почерком” (27; курсив мой. — Л. В.).

В. В. Кожин 18 лет тому назад определил причиной гибели Пушкина “заговор <...>, организованный космополитической кликой” (28).

Думаю, что он был прав.

“Демоница”

Хочу вспомнить и об одной странице из рабочих тетрадей Пушкина. О возможной связи К. Собаньской, “демоницы”, с масонским движением я уже писала в статье “Бывают странные сближения...” (29).

А страница, заполняемая в конце 1824-начале 1825 года в Михайловском, — оборот 56 листа IV тома (ПД 835; рис. 1). Здесь — черновики стихов

“Скажи мне, ночь...”, “Лишь розы увядают...”, его французский вариант “Quand au front du convive...” и — “рисунки восточных типов”, как указывает пояснительный I том (с. 123). Очевидно, и женский профиль отнесён к тем же “типам”? Но если сравнить его с бесспорно атрибутированным изображением Собаньской на одесском листе 1823 года (т. IV, ПД 834, л. 42; рис. 2), то очевидно поразительное сходство. На третьем рисунке — наложение компьютерным методом В. Владимирова. Думаю, поэт на 56 листе изобразил К. Собаньскую.

На предшествующих листах — черновики “Бориса Годунова”, “Сожжённое письмо” (л. 51), “Твоё соседство нам опасно...” и др. На лл. 22-23 — начало работы над “Клеопатрой”. Отмечу: в “Неизданных заметках...” А. Ахматова прямо назовёт Собаньскую “одесской “Клеопатрой” (25). Пушкин неоднократно изображал Собаньскую в облике Клеопатры (головной убор и пр.)

Как связаны воспоминания о “восточных типах”, Каролина Собаньская, и — “Твоё соседство нам опасно...”? О “Сожжённом письме” я уже писала (30), как и о “восточных типах” салона Собаньской в Одессе (31). В дополнение, сегодня хочу вспомнить о завсегдатаях одесских салонов: “Фонтонах, Франкини, Пизани”.

М. Д. Бутурлин писал, что они — “Пероты, то есть не принадлежали ни к какой определённой национальности” и “были наследственные драгомань” (“переводчики восточных языков, при послах, консулах и пр.” — В. Даль) Русской или другой какой-нибудь Европейской миссии при Османской Порте. На этот раз все 3 семейства считались на русской службе и жили в Одессе по причине <...> прекращения дипломатических наших сношений с Константинополем”. А “один из двух братьев Пизани, пожилой человек с седой бородой, одевался по-восточному, ходил в чалме, и знакомые легко могли принять его за турка” (23, 22).

В связи с этим свидетельством Бутурлина может представить интерес и другое: данные из статьи известного историка Шимона Аскенази “Первый польский сионист” (32).

В указанной статье речь идёт об обострении международной ситуации с “весны 1821 года”, когда “вспыхнуло восстание под руководством Ипсиланти”, в “летние и осенние месяцы восстание охватило Грецию. Половина европейской Турции горела в пламени”.

В Одессе, пишет Аскенази, была “главная квартира тайной греческой гетерии, раскинувшей отсюда сети по всем почти турецким землям. Всё это было приготовлением к великой военно-политической наступательной кампании, с идеей которой одно время носился Александр I, и которая должна была привести к гибели Порты, изгнанию турок из Европы и окончательному решению восточного вопроса под гегемонией России”. Этому воспротивилась Англия, которая стремилась использовать в своих целях “восточный кризис вообще, а греческий, в частности”.

Аскенази с иронией пишет о подозрительности Александра I: “... почему бы евреи, вопрос об эмансипации которых возбуждён был тогда в Англии, не могли послужить, — как некогда при Наполеоне, во время великого синагедриона в Париже, орудием для общих политических целей, а именно, в данном случае, для оказания услуг Турции против России?..”. Тем более, что, якобы, существует тайный заговор, направленный на “восстановление еврейского государства в Палестине при содействии падишаха,

султана Махмуда II", и, таким образом, — "еврейского государства под протекторатом Турции" и "греческого государства под протекторатом России".

Ш. Аскенази приводит данные переписки Александра I, Великого князя Константина Павловича и "императорского комиссара, сенатора" Н. Н. Новосильцева, возглавлявшего "чёрный перлюстрационный комитет", перехвативший "2 письма" старого еврейского паломника Соломона Плонского своему зятю Иосифу. Одно — из Константинополя (конец сентября 1821), другое — уже из Одессы в Варшаву. В одесском письме, в частности, было о том, что "царство народа (еврейского) уже не далеко, а иерусалимская молодёжь и жители Иерусалима помогут возродить Сион". Аскенази, рассказывая об аресте "паломника" в Варшаве, изъятых у него 61-м письме "бедных евреев к родственникам, частных", насмешливо пишет: "Старый длиннополый еврей Соломон Плонский, скрываясь под маской богомольца, пилигрима, состоит, очевидно, одним из агентов этого тайного сообщества, имеющего свои разветвления как в Царстве Польском, так и в западных губерниях с центром в Вильне, а на юге России — с центром в Одессе". Приводит строки из письма Новосильцева императору (февраль 1822): "... в Одессе 2000 евреев поддерживают постоянные письменные сношения с <...> палестинскими евреями, а также <...> с <...> живущими в Константинополе и играющими роль посредников. Не следует ли предвидеть, что эти 2000 евреев составят опасную армию *шпионов* при обстоятельствах, когда они будут иметь случай предавать свои услуги туркам?" (курсив автора. — Л. В.).

Историк Ш. Аскенази отрицает какие-либо политические действия 70-летнего Соломона Плонского, "осенью 1819 года" отправившегося "пилигримом в Святую Землю через Одессу и Константинополь в Иерусалим".

Но всё же о "кишевшей шпионами Одессе" нам известно, в частности, из свидетельств активистов польского движения (33). И А. С. Пушкин, увы, напишет о "неразлучном понятии жида и шпиона" (34).

Немало свидетельств и о планировавшемся "побеге" Пушкина из Одессы в Константинополь, может быть, не без участия Собаньской с её "связями"?

Вспоминаю и страницы кишинёвских рабочих тетрадей А. С. Пушкина, свидетельствующие о труднейшем, т. н. "демоническом периоде" поэта. О нём подробно я писала (35). В Кишинёве, по словам первого биографа Пушкина П. В. Анненкова, "с рокового 1821 года начинается короткая полоса Пушкинского кощунства и крайнего отрицания". И страницы тетрадей переполнены рисунками и строками, много говорящими умеющим увидеть и услышать.

Две строки "письма к неизвестной": "Ваше письмо пришло весьма кстати, я нуждался в нём..." (фр., перевод — ПСС, т. XIII, с. 33) на листе 46-м рабочей тетради поэта (ПД 831, I Кишинёвская), где также — изображения Марата, Карла Занда — немецкого студента, заколовшего в марте 1820 года писателя Коцебу, французского рабочего Лувеля, в феврале 1820 года зарезавшего сына наследника французского престола; вождя греческого восстания против турецкого владычества (февраль 1821) Александра Ипсиланти.

На этом же листе — изображение женщины в короне, ножи гильотины, план поэмы "Братья-разбойники", упоминание о Византии, Игоре, Ольге. Здесь же — строчки об "одной черте руки моей", чтобы была довольна

“друг мой нежный”. О какой “черте” идёт речь рядом с изображениями “мстителей”, использовавших кинжалы, стихами “Умолкну скоро я...”, со словами “Позволь одушевить *прощальной* лиры звук / Заветным именем любовницы прекрасной” (курсив мой. — **Л. В.**)? Не толкает ли кто-то поэта на непоправимое? Эти записи сделаны 23-24 августа 1821 года. Затем ряд листов вырван, на 49-50-м — “бесовские сцены”, неоконченные стихи “Вдали тех пропастей глубоких...”. Несомненно, Пушкин переживает какой-то серьёзный душевный кризис.

На ближних листах — и начало многих других стихов, поэм. На обороте 58 листа Пушкин начинает поэму “Бова”, на 61-м — “Вадим”, на обороте 60 листа — план повести о стрельце. В “славянофильских” поэмах “Бова”, “Вадим” Пушкин, по мнению П. В. Анненкова, “замышлял написать картину заговора и восстановления “славянских племён” против “иноплемённого” ига”. А в плане повести о стрельце: “Стрелец, влюблённый в боярскую дочь — отказ — приходит к другу заговорщику — вступает в заговор”. Потом, в планах так и не написанной повести, боярская дочь получит имя Ржевская (девичья фамилия К. Собаньской — Ржевуская).

Особо хочу отметить, что в плане поэмы “Бова”, а это — второе (!) обращение Пушкина к сюжету народной сказки о Бове-королевиче — появляется “старец пилигрим”, который обкрадывает спящего королевича, и — “Бова в темнице, царевна его обольщает — он её презирает — (она *чародейка*, старец дух, ею подосланный)” (курсив автора. — **Л. В.**).

Вот здесь и не хочу, да вспомню “героя” Шимона Ашкенази, в ноябре 1821 года бывшего в Одессе.

Кстати, масонская ложа “Польский Великий Восток” (1784) объединила 13 лож, а в члены капитула допускались “поляки евангелического и иудейского вероисповедания” (36).

Вместо заключения

П. В. Анненков утверждает: “Дело обрусения Пушкинского таланта началось с “Онегина”, т. е. с первого появления нашего поэта в Одессе, когда он серьёзно приступил к роману” (24, 234). Он пишет о “нравственном перевороте”, “нравственном отрезвлении Пушкина” в Одессе от “космополитизма романтической школы”. Переходе от “байронизма” к “русскому народному творчеству, ещё никем не тронутому”, открытии “первые разнообразного русского мира, с чертами нравов, понятий и представлений, ему одному свойственных” именно в одесский период (24, 233, 235, 238). Дальнейшее утверждение — и навсегда! — в Михайловском, в “Борисе Годунове”, где — несомненно для меня! — вспоминает и Собаньскую.

Б. Башилов в книге “История русского масонства”, большую часть которой занимает исследование “Пушкин и масонство”, убедительно повествует “о духовной победе поэта над вольтерьянством и масонством” (2, 16-30).

Обильно цитирует Башилов и работу В. Иванова “Пушкин и масонство”, в частности: “Вдохновители гнусной кампании против Пушкина были граф и графиня Нессельроде, которые были связаны с главным палачом поэта Бенкендорфом”. Будучи масоном, последний “выдвинул проект создания III Отделения для того, чтобы во главе его иметь возможность

покрывать деятельность запрещённого масонства и тех, кто был последователем пущенных масонством в обиход политических учений” (2, 55-56).

“После возвращения Пушкина из Михайловского, — пишет Иванов, — у масонов не оставалось никаких иллюзий относительно того, что они могут использовать Пушкина для достижения своих целей. Расчёты, что Пушкин будет союзником масонства и отдаст свой талант на службу последнему, что он будет не врагом, а другом и попутчиком масонства, рушились: между Пушкиным и масонами произошёл окончательный разрыв, и завязалась упорная, непримиримая борьба” (2, 57).

Сегодня о нарастающей “спекуляции его (Пушкина) именем в русских ложах XX века” пишет М. Назаров (37). М. Филин — о том, что “их притязания на Пушкина” — “заблуждение, которое необходимо у одних читателей развеять, у других — предупредить” (38).

Показательно, что совсем недавно эмигрант из Одессы Семён Прокатов заявил: “Мстительная судьба Пушкина — нравоучительный пример того, что совершённое человеком зло рано или поздно оборачивается злом против него же...” (39). Нашёлся в Одессе и “почётный гражданин”, пожалевший, что “не жил в то время”, иначе “за ту эпиграмму, которую он написал на Воронцова, я б вызвал его на дуэль и если, может быть, до Дантеса сделал всё то, что сделал Дантес”. “Лавры” Герострата не дают покоя иным...

Пустым сердцам бессмысленно напоминать хотя бы слова Ариадны Тырковой-Вильямс: “Если бы кто-нибудь сказал Воронцову — Россия не покачнулась бы, проживи Новороссия ещё несколько лет в беспорядке, а не будь “Евгения Онегина”, Россия XIX века не была бы сама собой, — Воронцов счёл бы говорившего просто сумасшедшим” (40).

Но Александр Сергеевич ещё в 1823-м, в Одессе, сказал:

*... И взор я бросил на людей,
Увидел их надменных, низких,
Жестоких ветреных судей,
Глушцов, всегда злодейству близких...*

А в 1836-м писал:

*... геральдического льва
Демократическим копытом
Теперь лягает и осёл:
Дух века вот куда зашёл!*

Да, мы сегодня не можем не видеть, как много развелось охотников бить в “солнечное сплетение русской культуры”. Но и сегодня, как и в “роковом 1821-м”, когда написаны строки: “Для муз и дружбы жив поэт. / Его враги ему презренны...”! И что же поделать, если такова мера, как писал А.С. Пушкин, “понятия, вкуса и просвещения этой публики”? “Есть у нас люди, которые выше её; этих она недостойна чувствовать; другие ей по плечу; этих она любит и почитает” (41).

А мы знаем, верим: “К нему не зарастёт народная тропа”! И повторяем, вслед за одесской корреспонденткой, обращаясь к бессмертной душе нашего Поэта: “... город, в котором Вы жили и который благодаря Вашему имени войдёт в историю”, помнит и любит Вас и надеется, что придёт час, когда все и всё, убившее Вас, будет названо поимённо, во весь голос, и навеки заклеено”.

Примечания

1. Э. Лебедева. “Отрок Библии...”. Пушкинская эпоха и христианство. — СПб., 1993. — С. 70.
2. Б. Башилов. История русского масонства. — М.: Русло, 1995. — С. 45.
3. Последний год жизни Пушкина. — М.: Правда, 1989.
4. Н. Н. Скатов. “Пал, оклеветанный...” // Труд — Украина, 1998, 21, 28 августа.
5. В. С. Непомнящий. Пушкин. Русская картина мира. — М.: Наследие, 1999.
6. Митрополит Анастасий. Пушкин и его отношение к религии и Православной церкви. — М.п. “Инга”, 1991. — С. 3.
7. Л. Сомов. Дуальный сценарий иноземных “братьев”. (Современная версия расправы с А. С. Пушкиным). // Слава Севастополя, 2 мая 1999. — С. 2.
8. В. В. Кожин. О тайне гибели поэта. // Москва, 1999. — 6. — С. 174-189.
9. Е. Литвин. Неизвестное письмо Г. В. Чичерина. // Нева, 1976. — 12. — С. 213.
10. Русский биографический словарь под ред. А. А. Половцева. — СПб., 1908. — Т. 3. — С. 371-384.
11. В. П. Мещерский. Дневник А. С. Пушкина (1833-1835). Труды Государственного Румянцевского музея. — М., 1923. — Вып. 1. — С. 363.
12. В. В. Кожин. Тютчев. ЖЗЛ. — М.: Молодая гвардия, 1988. — С. 213.
13. Н. Фирсов. Граф Брунов и княгиня Ливен. Древняя и Новая Россия. — СПб., 1879. — Т. 1, год пятый. — 3. — С. 202-210.
14. М. П. Лазарев. Три письма русского моряка из Англии в Россию. // Русский архив, 1882. — Кн. 3. — С. 215.
15. Полное собрание сочинений князя П. А. Вяземского, 1853-1878 гг. Издание графа С. Д. Шереметева. — СПб., 1886. — Т. X. — С. 190.
16. Дневник Пушкина 1833-1835, под ред. Б. Л. Модзалевского. — М.: Госиздат, 1923. — С. 130; Пушкин. Статьи и материалы, под ред. М. П. Алексеева. Издание Одесского Дома ученых. — Од., 1926. — Т. III. — С. 27.
17. Записки Ф. Ф. Вигеля. — М., 1928. — Т. VII.
18. Записки Ф. Ф. Вигеля, ч. VII, в. т. 6, 7, “Керчь”. — М., 1892.
19. Р. Белоусов. Демоница. // Хвала каменам. — М., 1982. — С. 68.
20. И. П. Липранди. Из дневника и воспоминаний. Заметки на статью “Пушкин в Южной России”. // Русский архив, 1866. — С. 1472-1473.
21. Дневник Пушкина 1833-1835, под ред. Б. Л. Модзалевского. — М.: Госиздат, 1923. — С. 131.
22. Н. Н. Мурзакевич. Автобиография. — СПб., 1866. — С. 114.
23. Записки графа М. Д. Бутурлина. // Русский архив, 1897. — 2. — С. 13.
24. П. В. Анненков. Пушкин в Александровскую эпоху. — СПб., 1874. — С. 218.
25. Неизданные заметки А. Ахматовой о Пушкине. // Вопросы литературы, 1970. — 1. — С. 190.
26. И. А. Шляпкин. Из неизданных бумаг А. С. Пушкина. — СПб., 1903. — С. 188.
27. А. Ахматова. О Пушкине. — Л.: Советский писатель, 1977. — С. 249, 125.
28. В. Кожин. “Из чьей руки...” // Правда, 6 февраля 1989.
29. Л. Владимирова. “Бывают странные сближения...” // Одесские известия, 12 февраля 2005. — С. 5.
30. Л. Владимирова. “Храни меня, мой талисман...” // Вечерняя Одесса, 18, 21 сентября 1999. — С. 3.
31. Л. Владимирова. “Рукопись, найденная...” // Вечерняя Одесса, 9 февраля 2002. — С. 4.
32. Симон Аскенази. Первый польский сионист. // Пережитое. — СПб., 1910. — Т. II. — С. 78-93.
33. С. С. Ланда. Мицкевич накануне восстания декабристов. // Литература славянских народов. Из истории литератур Польши и Чехословакии. Изд-во АН СССР, 1959. — Вып. 4. — С. 148.
34. А. С. Пушкин. Встреча с Кюхельбекером. // Собрание сочинений в 10 т. М.: Госиздат худ. лит., 1962. — Т. 7. — С. 283.
35. Л. Владимирова. “Лукавый демон возмутил...” // Одесские известия, 28, 29, 30 сентября 1999. — С. 4.
36. Масонство в прошлом и настоящем. Под ред. С. П. Мельгунова и Н. П. Сидорова. 1915. — Т. 2. — С. 236.
37. М. Назаров. Миссия русской эмиграции. 1992.
38. М. Филин. Две перчатки в гробу. “Масонский след” в судьбе Пушкина. // Московский пушкинист. — М.: Наследие, 1996. — С. 242.
39. С. Прокатов. Одесский листок (Лос-Анджелес), 23 октября 2005.
40. Ариадна Тыркова-Вильямс. Жизнь Пушкина. ЖЗЛ. — М.: Молодая гвардия, 1998. — Т. 1. — С. 382.
41. Письмо А. С. Пушкина Н. И. Гнедичу 13 мая 1823 г. Из Кишинёва в Петербург. // Собрание сочинений в 10 т. — М.: Госиздат худ. лит., 1962. — Т. 9. — С. 66.

Айдар НИЯЗОВ,
кандидат искусствоведения,
член-корреспондент Академии художеств РК

И жизнь, и легенда

С 17 января 2007 года в течение месяца ценители живописи могли лицезреть в музее современного искусства г. Астаны работы известного художника из Шимкента Айнабека Оспанова, представленные на его персональной выставке “КОЗКАРАС”, приуроченной 50-летию живописца и графика.

Родился Айнабек Оспанов 3 декабря 1956 года в селе Сартур Чимкентской области. В 1978 году окончил художественно-графический факультет Чимкентского государственного педагогического института. С того времени

преподаёт основы изобразительного искусства в учебных заведениях города, в настоящее время является преподавателем факультета “Онер” (“Искусство”) международного казахско-турецкого университета имени Яссави.

С 1989 года Айнабек Оспанов стал членом Союза художников СССР и Казахстана, впоследствии

был избран членом правления Союза художников РК, награждён юбилейной медалью в честь 10-летия независимости Республики Казахстан, удостоен звания деятеля культуры РК.

График по художественному образованию, он сформировался в восьмидесятые годы как автор многочисленных графических книг и иллюстратор книг. Развивался интересно и динамично, остро воспринимая своё время, ощущая его задачи и требования.

Огромную роль в формировании личности А. Оспанова сыграла учёба у художника-педагога Тимура Ордабекова, а также поддержка таких выдающихся мастеров казахстанской графики, как Е. Сидоркин и М. Касаметдинов, разглядевших самобытность, яркую индивидуальность уже в ранних работах молодого художника и рекомендовавших его к участию на всесоюзных выставках.

Многие черты творческого развития Айнабека Оспанова связаны с тем периодом в жизни страны, на который пришлось его становление. Начиная с середины восьмидесятых, художник активно развивается, испытывая воздействие различных тенденций, пробует себя в различных материалах и техниках, среди которых ему ближе офорт, цветная линогравюра. Именно в них выполнены лучшие серии тех лет “Переход” (1986), “Песнь труда” (1989), “Родственники” (1989). Со временем стало видно, у графика постепенно вырабатываются свои приёмы и появляются излюбленные темы,

проявляется склонность к драматическому, экспрессивному выражению образов. Композиции с акцентирующим центром, выразительные тени и контрасты белых пятен, эмоционально и пластически выявленный сложный свет и рваный жёсткий рисунок. В других его работах ясный и чёткий рисунок линогравюры совмещается с экспрессивной напряжённостью образов, заострённым внутренним смыслом. У него как у опытного профессионала выработался особый графический характер мышления, умение отсекаать второстепенное и создавать сложную полифонию мыслей. Минимализм, благородное сдержанное повествование компенсируются ассоциациями и символами.

Со временем к мастерству художника прибавилось серьёзное осмысление действительности, тех проблем, с которыми столкнулся его народ в период историко-политических катаклизмов. Метафоричность образов произведений конца 80-х годов уступает место драматическому подтексту, упорному и смелому отстаиванию идеалов и ценностей в серии “Декабристы” (1987-1988).

В серии листов “Высота” (1991-1992) можно уловить скрытый смысл, вызванный реакцией художника на проблемы времени. Эти духовно-нравственные искания закономерно привели А. Оспанова к изменению пластического языка. В бесхитростных на первый взгляд сюжетах этой серии появились эмоциональная насыщенность, заострённость образов и символика. И трансформации пространства, и контрастность силуэтов, и мастерство в литографических приёмах светотени — всё в целом получало символическое звучание.

Поиск новых идей и откровений со временем приводит Айнабека Оспанова к живописи. Интересно заявил он о себе в картинах символического характера “Птица счастья”, “Высокий полёт”, “Возвращение ангелов” (2006). Они близки ретроспективной тенденции, характерной национальной живописи последнего десятилетия, обращённой к поискам этнокультурной идентичности. В изящных, декоративно-плоскостных по стилю полотнах художника словно оживает мир давних

легенд и сказок. Живописные произведения А. Оспанова, созданные за два минувших года, немногословны, достаточно просты и лаконичны по замыслу. Но в них — новые грани творческого дарования самобытного художника.

К этому необходимо добавить, что Айнабек Мынжасарович своё призвание видит не только в том, чтобы творить в тиши мастерской, прививать чувство прекрасного юной смене в учебных заведениях, но и проявлять активную жизненную позицию. С 1991 года он является бессменным председателем Южно-Казахстанского отделения Союза художников РК. Благодаря его усилиям творческому коллективу удалось сохранить себя в сложный период начала девяностых годов, когда одной из острейших стала проблема выживания творческой личности. В ту пору Айнабек Оспанов мужественно преодолевал трудности, как говорится, “поднимал” искусство на уровень современных задач, остро воспринимая проблемы национального возрождения, искал пути разнообразного развития изобразительного искусства. Вместе со своими коллегами он создавал монументальные комплексы в Таразе, Кызылорде, Актау, Актобе и Шимкенте, работал над памятниками Мухаммеду Хайдару Дулати, Хаджимукану Мунайтпасову, Т. Жолдасбекову, Рубену Григоряну, С. Кожанову, Мустафе Шокаю, Л. Хизатову, Ш. Берсиеву, А. Жубанову, Капал-батыру.

В творческой биографии Айнабека Оспанова участие во всесоюзных, республиканских и международных выставках, его работы находятся в фондах государственных музеев изобразительного искусства в Алматы, Бишкеке, Душанбе, Кемерове, Калининграде, в Художественном фонде России, в Польше, Венгрии, в галереях Берлина, а также в частных коллекциях различных стран мира.

Произведения А. Оспанова уже выставлялись в Астане — в Конгресс-холле и Президентском центре культуры. Но его персональная выставка в музее современного искусства, на которой были представлены 28 живописных полотен и 30 листов графики, проходила впервые. И, надо сказать, привлекла к себе большое внимание. Столичные любители изобразительного искусства по достоинству оценили самобытный талант художника из Южного Казахстана.

Борис ЩЕРБАКОВ

Маркакольский заповедник

Казахстанский Алтай, занимая переходное географическое положение, связывает природные зоны таёжных лесов юга Западной Сибири с громадными пространствами сухо-степной зоны прилегающей северо-западной части Монголии и юго-востока нашей республики.

В этом краю взору открывается поразительный в своей красочности спектр разных растительных поясов, построенный на сочных, контрастных красках различных ландшафтов: сухие предгорья, опалённые дыханием близких пустынь Зайсанской котловины, переходят здесь в предгорья хребтов, которые, в свою очередь, сливаются с чёрным поясом тайги и ещё выше — с сияющими вечной белизной снегами и ледниками, лежащими на вершинах и пиках, поддымленных спрессованной синевой...

С высоты орлиного полёта, если взглянуть всеохватным взглядом, то всюду видны лесистые склоны горных хребтов, зубчатые гряды, пики и “замки” чернеющих скал на острых и скуластых вершинах. Здесь, в краю легендарного “Беловодья”, сверкая и играя хрустальными водами, с шумом и рёвом летят вниз, в горные долины, хрустальные реки, образуя на пути гремящие водопады и куски радуги, молочные туманы и пыль от рассеянных брызг.

Ещё издали по тесным щелям, по узким долинам, где текут реки, слышен грохот потревоженных бешеным напором воды громадных, неподъёмных валунов. С лёгкостью игрушек перекатываются они по каменистому ложу. Вся эта мощь и величие водных потоков в нижнем ярусе гор сменяется на молчаливые кочковатые болота, скрытые в сумраке тёмно-хвойного таёжного полога. Выше его, по кедровым и лиственный падам, с северной стороны хребтов отлёживаются всё лето напролёт огромные массы снежных наметов, образующих вечные снежники и ледники, которые называют здесь “белками”, производное от слова “белый”. И ещё густым изумрудным пологом, в нижнем поясе гор зеленеют громадные массивы или островки берёзово-осиновых лесов, которые спускаются к самой подошве гор.

Больше всего восхищает первозданный хаос камня у верхней границы леса, где начинается кедрово-лиственничное редколесье, представленное ажурными лиственничными лесами, сотканными, как кажется, из света и воздуха.

Настоящее чудо казахстанского Алтая — озёра: крупные и небольшие, подпрудные и тектонические. Сверху они кажутся необыкновенно яркими, заполненными до краёв ультрамарином, с белыми розами отражённых в них облаков. Но среди бесчисленных озёр горного края есть самая большая жемчужина — озеро Маркаколь. Огромная чаша его, зажатая ладонями гор, налита хрустальной синевой и высоко приподнята к небесам, ближе к самим духам гор.

Таёжные старожилы говорят: “Стоит только испить из озера нашего синь-воды, — обретёшь силу и бодрость...”. И это правда: воздух чист и свеж, креплённый ароматом медоносных трав и горьковатой хвои; вода мягкая и прозрачная. В озере много рыбы, в лесу — зверь и птица, по лугам —

буйные травы. Это и есть то самое сказочное “Беловодье”, куда стремились в XVIII веке, мечтая о свободе и счастье, обездоленные беглые русские переселенцы.

Нет точного перевода названия озера. Казахи считают, что “марка” — восхищение от увиденной красоты и первозданности, также сюда входит понятие мудрости и обстоятельности.

Есть и простая легенда: “С незапамятных времён на высокогорных пастбищах хребта Азутау паслись несметные отары овец и табуны лошадей, принадлежащие баям. У самого жадного — Кожебая — батрачил безродный юноша по имени Нуржан.

Однажды осенью, перед откочёвкой с джайлау в долины, приказал бай джигиту выкупать в озере самую большую отару. Юноша выполнил наказ, но недосчитался трёх самых резвых “марка” — пятимесячных ягнят. Хозяин жестоко наказал юношу. С той самой поры безымянное озеро в горах стало называться Маркаколь”.

Островов на озере нет, а всего лишь несколько небольших мысков да отмели, что клиньями врезаются в восточную часть акватории. Противоположная сторона озера округлая, с ровными каменистыми берегами.

Вода настолько прозрачна, что сквозь толщу её, с лодки, например, просматривается чётко на 6-7 м, как через увеличительное стекло, серо-желтоватые “дюны” песка или же разноцветные — зеленоватые, серые камни и плиты, образующие подводные, береговые россыпи, также водные растения и рыбы. Нередко из глубины бьёт по глазам белизна — одиночных кварцевых окатышей. Максимальная глубина озера достигает 27 метров.

На южном Алтае в 1999 году именно у озера и был создан государственный Маркакольский заповедник площадью 71367 гектаров. Вдоль границы его предусмотрена двухкилометровая охранная зона. В территорию его входит озеро с площадью в 44450 гектаров, составляющее от общей площади заповедника 60 %.

У места впадения речки Урунхайки, текущей с северо-востока, расположен одноимённый посёлок с центральной усадьбой самого заповедника. Посёлок старинный: избы в нём рубленые, коричневые от времени; листвяжные брёвна их потемнели. Но они так прочны, что стоят им ещё сотни лет. Дома огорожены “заплотами”. При каждом — поскотины, сараи да поленицы дров, придающие настроение глубокой старины. Недавно ещё топили баньки “по-чёрному”. Есть школа и клуб. Народ здесь суровый и горазд выпить, повеселиться, но и дело не забывает. Живут люди почти как и прежде — кержацким укладом. Но время уже многое изменило в их быту и традициях.

Маркаколь и окружающие его хребты издавна привлекали внимание учёных, оставивших описания и впечатления от встречи с местной природой. Поэтому не случайно ценные сведения о ныне уже редких животных, о неповторимых красотах, уникальных растительных сообществах навели на мысль создания заповедника.

Расположено озеро Маркаколь на высоте 1449,3 метра над уровнем моря и отнесено к типу альпийских озёр. Три основных участка его занимают водосборную территорию: северный или горно-лесной — 20050 гектаров, приозёрный — 609, южный — горно-лесной — 6250 гектаров.

Наблюдая его с высоты окружающих гор, кажется, что вода в нём постоянно переливается синевой, сине-зелёными красками с тёмными и

лиловыми пятнами, что объяснимо разной его глубиной. Однако же чаще на нём резвятся голубовато-зелёные цвета и оттенки с бурым или изумрудным отливом... С приближением ненастья озеро мгновенно становится грозным, буровато-серым или стальным и “холодным”. Какого цвета Маркаколь? — однозначного ответа нет. Он всегда разный. Дух порой захватывает, когда над ним полыхают в часы восходов или закатов огненные краски.

Есть у озера маленькие “чудеса”: в тихую погоду, при идеально гладкой поверхности, можно увидеть огромных лебедей и чаек, которые парят над водой, или же вдруг покажется гигантская, как баржа, лодка, тоже парящая в воздухе — это всего лишь игра света.

В ветер, когда к берегам его бегут барашки, озеро походит на ожившее чешуйчатое существо. Но в сильный ветер высота волн достигает двух и более метров. И ласковое озеро для рыбаков становится опасным.

Ветры здесь особенные — с самобытными названиями. Местные хорошо знают их и по ним предсказывают погоду. Например, “Чумек” дует с запада от истоков реки Кальджир. Он силен и порывист, с большой волной. Коварство “Чумека” не однажды оборачивалось трагедией для тех, кто оказался далеко от берега. Поэтому с первыми признаками его появления рыбаки стремятся уйти к берегу, в укрытие. После “Чумека” устанавливается вёдро.

“Урунхай” — “дождя не жди”: дует на север, вырываясь из щели, по которой течёт речка Урунхайка, впадающая в северо-восточном углу озера. У “Тихушки” — юго-западное направление и дует вдоль озера. “Тихушка” — устойчив, и дня три стоит ненастье. Наконец, “Темирбек”, как и “Чумек”, — силен и напорист, гонит волну вдоль южного берега и обязательно “надует” дождь.

В озеро впадает 27 ручьёв и небольших речек. Самая большая из них — Тополёвка — впадает с севера, сбегая с Курчумских гор. Питают её в основном снеговые воды. Речка образует причудливую, изрезанную рукавами дельту. Чистая, как воздух, вода её, при впадении в озеро струится вдоль осоковых берегов и островков, среди тополей и высоких луговых трав. Из-за зарослей лавролистного тополя, растущего здесь попеременно с ивами, пихтой, речку и называли Тополёвкой.

Из наиболее значимых речек в озеро впадают Матабай, Мултыкбай, Еловка, Байпаксу, Карабулак, Жиреньбайтал и другие.

По общей красоте, чистоте и прозрачности воды, по водному режиму Маркаколь как младший брат Байкала: из него также вытекает одна-единственная речка — Кальджир, и скалистыми, труднопроходимыми теснинами гор Азутау, наполненными шумом и рёвом, вырывается в Зайсанскую котловину и уже потом солнечной пустыней пробирается к Чёрному Иртышу.

Границы заповедника охватывают северные склоны хребта Азутау и южные — Курчумского хребта. Последние сильно расчленены щелями, гирями и склоны его разрезает множество ручьёв и речек. На вершинах, выше 2000 метров над уровнем моря, всё лето сохраняются снега. Поэтому озёрная долина особенно красиво смотрится с хребта Азутау: на фоне громадных голубоватых гор, убелённых сверкающей канвой снегов. С северной стороны над Курчумскими горами виднеется островерхий скалистый шип Нарымского хребта — Беркут-аул — мечта каждого туриста. На всю жизнь в памяти остаётся “тот” Маркаколь, который ты увидел когда-то впервые.

Спокойные воды озера всегда отливают глянцем. Горы, долины и распадки, берёзовые береговые перелески, ельники и одиночные лиственницы, стоящие по окрестным горам, и есть его впечатляющий образ.

В растительном покрове Маркакольской впадины не менее тысячи высших сосудистых растений. Заметим: на всём Алтае их немногим более двух тысяч видов.

В озере, например, встречаются несколько видов рдестов, остролист, камыш, рогоз, уруть, ситник, по берегам — осоки, гречишка водяная, лилии и многие другие. Все они занимают в основном узкую прибрежную полосу; особенно распространены на мелководьях в придельтовой части рек. Здесь же сосредоточена и околородная фауна, например, большая часть птиц. Примечательно: весной, в пору цветения водных растений, у берега появляется широкая мутно-желтоватая полоса, похожая на жёлто-зелёный ковёр. Он образуется от сбившейся в сплошной вал пыльцы и спор водных растений.

Растительность на склонах хребтов, как обычно, подчинена высотной вертикальной зональности: в результате смыкания таёжной зоны Сибири, пустынных нагорий Монголии и пустынных ландшафтов северного Призайсая здесь чётко проявляются разные типы растительности.

Если начать подъём от берега к горным вершинам, путь обязательно пересекут прибрежные ивняки с кочкарниковыми болотами, с осоково-злаковым разнотравьем. Местами они образуют особые болотистые сообщества растительности.

Выше, в изломах склонов и межгорных понижениях, мрачнеют елово-пихтовые леса с примесью берёзы, образуя здесь реликтовые комплексы. Под их пологом развито пышное высокотравье, достигающее местами 2-4 метра высоты.

По замшелым валунам осыпей, обычных по склонам, растёт чёрная смородина. Ягоды здешней смородины крупные, почти по копейке. Также типичны для этих мест кусты красной и тёмно-красной смородин. Нигде, пожалуй, на Алтае нет такого обилия ягод, как здесь — с одного семейного куста можно собрать ведро ягод и больше. Под осень они так сочны, что лопаются при прикосновении и, растекаясь, красят в малиновый цвет и руки, и губы.

Склоны местами так заросли лесом, травами и кустарником, что становятся труднопроходимыми. И стоит лишь сойти с тропы, ноги проваливаются между замшелых, задернованных, мало заметных в густой траве валунов. Либо путь преграждают стоящие выше человеческого роста травы. В сумраке этого леса краснеет созревшая костяника.

Выше мелколиственного леса, создающего малахитовое ожерелье, по берегам озера начинается листвяжник паркового характера. Многовековые деревья с подчеркнутыми стволами бредут, кажется, высокотравными лугами. По щелям и трещинам их гигантских стволов светятся янтарные натёки смолы. Её называют живицей. Местные жители жуют живицу вместо серы. Душистая и приятная, она является отличным антисептиком. Ею лечат язвы рта и заболевания желудка. Вершины старых, в 20-30 м высотой, лиственниц обломаны бурей. У места излома дерево выпускает сначала горизонтальные ветки, потом выводит от них вертикальные пробоги. Такие лиственницы походят на трезубец Нептуна. В два-три обхвата деревья — не редкость. Они и создают вид дремучего, сказочного леса, а

их рыхлые сквозные кроны придают особое очарование этой формации. И что ни дерево, то памятник — возраст которых по меньшей мере 200 или 300 лет.

У верхней границы парковое редколесье смешивается с красочным субальпийским высокотравьем. Сюда вклиниваются чистые кедровые насаждения: группами и одиночные, кедр от кедра — 10, 20 и больше метров. Кедр — или сосна сибирская — ценное “приобретение” Сибири и Алтая. Он кормит и зверя, и птицу, играет большую роль в жизни человека. Только кедр дарован титул “царя сибирских лесов”. Ядра его орехов содержат до 60 % масла, по качеству не уступающего знаменитому прованскому. Растёртые орехи с водой — “кедровое молоко” — по калорийности превосходит мясо и яйца. Чудесным бальзамическим свойством обладает смола — основа получения скипидара. Крепкий настой хвои — прекрасное средство от цинги, а её концентрат применяется в медицине для хвойных ванн. Кедр способен плодоносить с 20 до 250 лет. Биологическая жизнь его исчисляется многими столетиями. У мебели из “кедры” прекрасная текстура и цвет. Она прочна и долговечна.

В тайге нередко настоящие исполины. У верхнего предела деревья кряжисты, обтрёпаны непогодой — кроны их приобрели флагообразную форму. Стволы и ветки искорёжены и имеют причудливые ревматические наплывы и прочие уродства. Дуплистые “могикане” в два-три обхвата привлекают зверя и птицу, которые находят в них убежища и жильё. Патриархи тайги достойны восхищения.

На высоте 2400-2600 метров над уровнем моря, покорившись уже невзгодам высокогорий, деревья стелются у самой земли: искривлёнными стволиками они огибают валуны и неровности. Словом, обращаются в ползучих карликов, образуя местами островки и целые гряды. В высокогорном климате растут они медленно, не вставая в свой рост, оставаясь “маленькими собачками”, которые, как говорится, “до старости остаются щенками”. На этих высотах толщины ствола всего в 25-30 сантиметров кедрки достигают только после 200-250 лет. Пихта же диаметром в 7 сантиметров — пережила уже 100 лет.

В этом поясе обычны можжевельники — сибирский, казачий и ложноказачий. Они образуют лепёшковидные, округлой формы, вечнозелёные заросли. Однако основу растительности составляют здесь сосюреи — широколистная и Фролова, чемерица белая, аконит выющийся. Луга — излюбленные места обитания медведя. А у идущего по лесу марала или лося бывают видны только кустистые рога.

Обычное растение этого пояса — маралий корень, он же — левзея сафлоровидная. Перистые листья его пышной розеткой поднимаются от земли. Из неё выносятся высокий стебель, на котором распускается сиреневая корзинка цветка. Яркие шапки зарослей маральего корня покрывают целые склоны, насыщая тонким медовым ароматом воздух. Левзея — прекрасный высокопродуктивный медонос, сумевший обрести “авторитет” и в медицине. Настойка её укрепляет нервы, придаёт силы. О лечебных свойствах её бытуют легенды, повествующие о том, что будто бы раненому обессилевшему маралу корень её возвращает силу. И в самом деле, растение — маралье лакомство. Нередки маральи и медвежьи поеди: звери выедают только середину с молодым бутонем цветка, пока они сочные.

В низинах, по ложбинам часты заросли лука Ледебур и невысокого кустарника — курильского чая.

Выше субальпийского пояса травостой становится ниже, но ещё более красочным. С первым теплом, которое приходит на эти высоты только в июне, огромные площади около снежников покрываются цветущими оранжевыми шарами огонька алтайского, сине-белыми розетками водосбора железистого. Всюду белеют цветки ветреницы волосистой, синеют скопления змееголовника алтайского, в сиреневых подвесках стоит копеечник западносибирский, который называют на Алтае белочным корнем, потому что растёт он на “белках” — заснеженных вершинах. Жители этих мест делают из него отвар от простуды. Старожилы говорят: “Если белошного корешку не попьёшь — откуда здоровье возьмёшь?!”.

Здесь же отдельные склоны сплошь покрываются сиренево-белыми соцветиями горца лисохвостного. По каменистым ручейкам, около снежников, растёт радиола холодная, украшенная бледно-жёлтыми соцветиями, и золотой корень, образующий местами целые плантации. Он снискал славу заменителя всемирно известного корня жизни — женьшеня. Но доля правды, можно сказать, заключается в том, что помогает корень очень хорошо тем, кто сам ходит на горные вершины, и меньше тем, кто не любит гор и надеется только на подобные снадобья. На этих высотах, по вершинам водораздела, вплоть до верхней границы леса, по прилавкам, значительные площади заняты прерывистыми зарослями карликовой берёзки. А там, где скапливается влага, на заболоченных почвах её заменяют заросли карликовых форм ивы. Заросли эти выходят в пояс низкотравных каменистых, щебенистых и моховых нагорных тундр. Растительный покров тундровых лугов низкорослый. Он представлен хорошо приспособленными к экстремальным условиям растениями с коротким вегетационным периодом.

И, наконец, для громадных территорий альпийского пояса характерны обширные каменистые россыпи — гольцы или “корумы”. Сплошной хаос колотого, рассыпного камня, покрытого пёстрыми накипными лишайниками, мхом и редкими осоками. Где осыпи спускаются ниже, в пояс субальпийских лугов, они зарастают баданом толстолистным — оригинальными растениями семейства камнеломок. У него округлые глянцевитые листья, всегда холодные и скрипящие, как резина, под ногами. Подмороженные листья его жители заваривают и пьют чай — “чагыр”. Среди задернованных осыпей, по вершинам-“ялбанам”, есть места, что сплошь заросли тёмно-зелёным ворсом черники. Её темно-сизые, сладковатые ягоды здесь не берут, их вычёсывают пличками, напоминающими железный редкозубый, с изогнутым жёлобом гребешок.

Тундровый пояс на южном Алтае занимает высоты в пределах 3000 метров над уровнем моря, местами — выше. Здесь всюду видны уступы темнеющих скал. В восточной части от озера, на хребте Курчумском, выделяется округлая с острой вершиной гора — Тургауз. В переводе с казахского означает “птичий рот” или “клюв”. Имеется и другое значение его названия — красный, передний, главный или видный (угол). За округлость и местоположение её называют ещё и “Самовар”. Гора, её подножье и окружение забиты круглый год снегом, с небольшими с северной стороны ледничками. С этой вершины, уже в августе, спускается в долины зима, отмеряя вертикальный свой путь наступающими снегами.

В прошлом был по-настоящему разнообразен животный мир Маркакольской впадины, но преследуемые человеком многие звери и птицы отступили, исчезли, стали редкими. И только с организацией заповедника мало-помалу фауна восстанавливается. Теперь, спустя многие годы, животные возвращаются в родные места. Однако водная фауна озера бедна. Связано это с невозможностью переселения животных хотя бы из ближних наиболее крупных рек, таких как Чёрный Иртыш. Поэтому зоопланктон — мелкие беспозвоночные — представлен примерно 60 видами, это коловратки, веслоногие и ветвистоусые рачки. Природные организмы — бентос, несколько богаче, в общей сложности найдено в озере 136 видов таких животных — гаммарусы, пиявки, подёнки, ручейники, личинки хирономид, тендепедит и другие. Однако главная ценность — рыба. В озере обитает 4 вида рыб. За время долгой исторической изоляции сформировались нигде не отмеченные эндемичные формы. Это ленок, или, как его называют, ускуч, хариус, пескарь, а также голец. Ускуч относительно крупная (24-25 см), сильная рыба с прогонистым округлым телом. Максимальный вес 5-8 кг, встречались прежде и по 12 кг экземпляры. Ленок окрашен в цвета от яркого тёмно-зелёного до серебристо-белого, с радужным отливом на разных частях тела. У него яркие плавники. Тело его “играет” под солнцем, переливается, как само озеро.

Земноводных и пресмыкающихся в заповеднике также мало. Объясняется это, прежде всего, низкими температурами: здесь находится полюс холода в нашей республике — морозы иногда достигают минус 50 градусов по Цельсию. Летом на хорошо прогреваемых склонах водятся обыкновенная гадюка и пряткая ящерица. У воды — уж и обыкновенная жаба, остромордая лягушка.

Птиц в заповеднике зарегистрировано около 250 видов, из них гнездится 125. Основную часть их представляют виды, экологически связанные с водоёмами, и лесные. Наиболее характерные из водоплавающих и околоводных — чернозобая гагара, ставшая редким видом на водоёмах республики. Вновь после долгого отсутствия загнездились большая пеганка, или чомга, красношейная пеганка. Гнездятся кряква, серая утка, свиязь, атайка, или огарь, гоголь, хохлатая чернеть. После длительного отсутствия возвратилась и лысуха.

В недалёком ещё прошлом встречался длинноносый крохаль — редкая в Казахстане птица. На пролёте бывают лебедь-кликун и горбоносый турпан — птицы из Красной книги.

В какую бы погоду ни глянул на водную ширь озера, в поле зрения обязательно попадут крупные чайки. Группами и поодиночке они отдыхают у берегов или на середине озера. Самая многочисленная — серебристая чайка, или хохотунья, в меньшем числе встречается черноголовый хохотун, редкий, “краснокнижный” вид. Гнездится в лесах восточносибирский вид — азиатский бекас, у которого здесь проходит западная граница ареала. Днём куликов обнаружить трудно, а в сумерках или в ненастье они наполняют воздух странными дрожащими звуками, которые воспроизводят хвостовым оперением.

Водится здесь и чёрный аист, включённый в Красную книгу. Селится эта чёрно-белая крупная птица на лесистых склонах, устраивая похожие на копны гнёзда на самых вершинах вековых лиственниц.

Из хищников гнездятся, но редко, орлы-беркуты, орланы-белохвосты. Гнёзда они устраивают высоко на деревьях, пользуясь часто сломанными вершинами, или в местах, где от главного ствола отходят толстые боковые ветви.

Среди рыбадных здесь регулярно гнездится скопа — рыбадный орёл. Светло-тёмный “крыластый” орлиного облика, он является высоко-специализированным ихтиофагом. Добычу берёт с воздуха, подобно чайке или крачке, сложив крылья, бросается вниз и падает, иногда скрываясь с головой. Хватает рыбу сильными когтистыми лапами: на когтях у скопы зазубрины, на пальцах — выступы, помогающие удерживать скользкую добычу. Наружный палец у неё оборотный, и жертва оказывается зажатой в колючие клещи с двух сторон. Гнёзда строит высоко на лиственницах. Огромной папашой они венчают вершины. Сегодня заповедник — одно из мест гнездования этого хищника в Казахстане и на территории бывшего Союза. До недавнего времени на водоёмах республики скопа как “вредитель” ондатрового хозяйства истреблялась охотниками. Сейчас включена в Международную Красную книгу, и Маркакольский заповедник вправе гордиться этой птицей.

В 60-х годах гнезвился здесь сокол-сапсан, снискавший всемирную известность смелого, быстрого и красивого хищника.

Из мелких соколов обычны чеглок, обыкновенная пустельга. Ястребы представлены тетереватником и перепелятником.

Из куриных в тайге обитают глухарь, рябчик, тетерев. По лесным склонам они поднимаются до верхней границы лесной растительности. Стаи их до 50-60 особей нередко можно видеть в морозные дни сидящими на заиндевевших берёзах на территории центральной усадьбы села Урунхайка. Что и говорить, редкая идиллия — человеческое жильё и тетерева. В высокогорной части, по каменистым тундрам гнездится алтайский улар — эндемик этой горной системы. Включён в Красную книгу. Местами встречаются белая и тундряная куропатки — переселенцы с доисторических времён с высокоширотных тундр.

Совы заповедника: филин, ставший очень редким, уральская длиннохвостая неясыть, ушастая сова, совка-сплюшка и мохноногий сыч. Не исключено, что будет найдена ястребиная сова, распространённая в лиственничных лесах южного Алтая.

Серый снегирь — редкий и почти неизученный вид — гнездится на участках смешанного леса. Зимой появляются обыкновенный и длиннохвостый, или урагус — снегири, а также алтайские клесты-еловики. Самцы их окрашены в малиновые цвета. В кедровниках и ельниках гнездятся редкие и малоизученные ещё красно-малиновые шурры — великолепные, очень скрытные певцы. Это о них А. М. Горький в своих воспоминаниях о детстве, когда он занимался ловлей птиц, писал: “Бесшумно пролетела вещая птица — шур, предмет жадных мечтаний моих — вот бы поймать!”.

Типичным обитателем кедровой тайги следует считать кедровку. Кедровые леса Алтая и Сибири “посеяны” в основном ею. Собирая кедровые орешки, птица попутно расталкивает их на ходу под пни, камни, мох... Весной они прорастают и дают начало новым кедркам.

Испокон веков здесь хозяйничал бурый медведь. Появился лось, и численность его сейчас год от года увеличивается. Наиболее обычен марал. Проведённые учёты в 90-е годы показали, что на территории заповедника

обитает не менее 150 особей. И если бы не ускуч, ставший эмблемой заповедника, символом его определённо смог бы быть марал — красивый и сильный зверь с могучей короной рогов. Места обитания марала связаны с красочными субальпийскими лугами. И кажется, что целебная сила алтайских трав сконцентрировалась в его мускулистом теле и в пантах — молодых, наполненных ещё кровью, рогах. Из них готовят пантокрин, который высоко ценится из-за биологически активных веществ. Летом и осенью до выпадения глубокого снега маралы держатся на северных склонах Азутау. На зиму их остаётся немного, большая часть откочёвывает на южные малоснежные склоны.

Из хищных зверей обитают здесь рысь, лиса, иногда заходит волк, степной хорь, барсук, россомаха, солонгой, колонок, горностаи, ласка. Изредка появляется редкий в этих широтах красный волк (!).

Истреблённый в начале века, к 1917 году соболь оставил в память название одного из урочищ — на северной стороне Азутау есть Соболиный ключ. С организацией заповедника в лесах его опять появляется этот ценный пушной зверь.

В юго-западном углу озера, у истоков Кальджира и в верховьях, обитает не менее пяти пар речной выдры.

Акклиматизированная на западном Алтае американская норка расселилась и в бассейне Маркаколя, где обитает теперь по речкам, впадающим в него. Выпущена была в 1951 году небольшая партия ондатры. Сейчас этот пушной зверёк встречается у истоков Кальджира и в устье Тихушки.

На хорошо прогреваемых склонах, по выходам скал, живёт полёвка Стрельцова, или плоскочерепная полёвка; зверёк размером с хомячка. Поселяясь в скалах, тёмно-серые сверху и светловатые снизу, короткохвостые шустрые зверьки оригинально защищают от холодных ветров свои жилища. Щели, трещины и небольшие ниши в скалах “конопатят” мелкими камешками и собственным помётом, поливая потом всё это густой смолистой мочой. В результате в камнях образуются смолистые, напоминающие гудрон, образования. В жаркие дни эти скопления формируют однородную смолистую массу, которую местные жители добывают и используют как лечебное, высокоэффективное средство от разных болезней, под названием “мумиё”.

Выше, по каменистым россыпям, спускающимся в верхний пояс леса, по обширным тундрам, обитает симпатичный рыжеватый, напоминающий морскую свинку, зверёк — алтайская пищуха. Стоит появиться в их поселениях, как отовсюду начинают слышаться отрывистые посвисты. И тогда удаётся заметить, как среди камней появляются их, с глуповатым выражением, мордашки. Сами они делают перебежки, ныряя в пустоту между камнями. Пищухи “косят” зубами траву, стаскивают и раскладывают для просушки; умело её скирдуют под навесами камней, у оснований стволов деревьев. По кучам сена можно узнать о их пребывании. За ними успешно охотится соболь, и, где есть пищухи, обязательно есть и “царь тайги”.

Природные условия заповедника, как и большей части горных участков южного Алтая, с уникальным диким наследием, в настоящее время привлекают внимание мировой научной общественности. В связи с чем идёт подготовка по включению его в трансграничную охранную территорию сопредельных Казахстану государств — России, Китая и Монголии.

г. Усть-Каменогорск.

«НИВА»

Адрес редакции: Республика Казахстан, 010000,
г. Астана, пр. Победы, 56 (112), кв. 13.

Телефон/факс: (3172) 39-38-06.

Телефон корпункта в Алматы (3272) 53-51-12.

Сайт: www.niva-kz.narod.ru

E-mail: gundarev@hotmail.ru

Редакция знакомится с письмами читателей, как правило,
не вступая в переписку.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность
за подбор и точность приведённых фактов, цитат,
экономико-статистических данных, имён собственных
и прочих сведений.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Корректор **Ю. В. Демиденко.**

Набор и вёрстка **Е. В. Дмитриевой.**

Технический редактор **В. А. Богданов.**

Учредители:

В. Р. Гундарев и ТОО «Издательство «Фолиант».

Собственник:

ТОО «Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Свидетельство о переучёте № 3518-Ж.

Выдано Министерством культуры, информации и общественного
согласия Республики Казахстан 27. 01. 2003 г.

Сдано в набор 02. 03. 2007 г.

Подписано к печати 16. 04. 2007 г. Формат 70 x 100 1/16.

Уч.- изд. л. 20, 00. Тираж 1000. Цена свободная.

Заказ № 2065.

Номер набран и свёрстан в ТОО

«Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Типография ТОО «Жарқын Қо».

010000, г. Астана, пр. Абая, 57/1.